

В. П. Д.

3

ОЧЕРКИ, ЗАМѢТКИ И ДОКУМЕНТЫ

ПО
ИСТОРИИ МАЛОРОССІИ.

168
888

Ал. Лазаревского.

III.

КІЕВЪ.

Типографія Корчакъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-В.
1896.

5900

DK508
17
L29

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Александръ Ивановичъ Хацевко. (Некрологъ). Стр. 1—2.
2. Два письма Г. П. Гагагана, 1859 г. Стр. 3—5.
3. Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1892—1894 г.г. (Рѣчьми). Стр. 5—21.
4. Иванъ Романовичъ Мартосъ. (Біографическій очеркъ). Стр. 21—44.
5. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Комиссіи. № 22. (Рѣчьми). Стр. 44—48.
6. Иванъ Сергѣевичъ Ахсаковъ въ его письмахъ. Ч. I, г. III. Письма въ Малороссію. (Рѣчьми). Стр. 48—54.
7. Отрывокъ изъ дневника В. Я. Ломиковскаго, 1822 г. Стр. 54—67.
8. Жегота Паули. (Некрологъ). Стр. 67—68.
9. Исторія Запорожскихъ козаковъ. Д. И. Эварницкаго. 2 тома. 1892—1896. (Рѣчьми).
10. Лубенщина и князь Вишневецкіе. Стр. 69—144.
11. Христофоръ Сулима, епископъ Слободско-Украинскій. Прот. Лащенко. Харьковъ. 1895. (Рѣчьми). Стр. 145—148.
12. Договоръ прихода съ причтомъ о заміні плати за требосполненіе еврейскими жалованьями, 1834 г. Стр. 148—154.
13. Козачья служба въ гетманство Разумовскаго. (Записка). Стр. 154—156.
14. Къ исторіи Малорускаго духовенства. Стр. 156—158.

1. Александръ Ивановичъ Ханенко.

(НЕКРОЛОГЪ).

4-го іюля 1895 г. умеръ въ Черниговѣ извѣстный тамошній старожилъ А. И. Ханенко. Х—ко принадлежалъ къ числу родовитыхъ малорусскихъ пановъ, происходя по прямой линіи отъ брата задніе-ровскаго гетмана Михайла Ханенка, Лаврентія, а извѣстный своею образованностью генер. хоружій Николай Ханенко былъ прадѣдомъ Александра Ивановича. Дѣдъ А—ра И—ча былъ предводителемъ дворянства погарскаго уѣзда, въ которомъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Василюмъ (извѣстнымъ любимцемъ императора Петра III) онъ владѣлъ богатыми имѣніями. Наслѣдство обоихъ братьевъ перешло къ дѣтямъ младшаго брата—Ивана Николаевича (Василій былъ неженатъ), у котораго было нѣсколько дѣтей. Младшій изъ нихъ, Иванъ же, имѣлъ трехъ сыновей—Александра, Ивана и Михайла. Всѣ три брата получили хорошее воспитаніе (кажется, въ московскомъ благородномъ пансіонѣ) и всѣ три они имѣли литературную жлuku; родная старшая интересовала ихъ болѣе всего, и младшій братъ Михайло Ивановичъ (+1853) навечталъ въ пятидесятыхъ годахъ, въ Черниговскихъ губ. вѣдомостяхъ, много важныхъ и интересныхъ бумагъ своего прадѣда. Александръ Ивановичъ былъ также большимъ любителемъ письменныхъ памятниковъ мѣстной старины. Служилъ А—ръ И—чъ болше по выборамъ. Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ предводителемъ суражскаго уѣзда, а въ 1858 г. былъ избранъ членомъ черниговск. губ. комитета объ улучшеніи быта крестьянъ, при закрытіи котораго, на обѣдѣ, между прочимъ произнесъ слѣд. стихи.

Былъ нѣкогда ужасный вѣкъ.—

Въ законъ то страшишь осужденца,

Своихъ собратій униженіиъ
Тогда гордилася челоуікъ.

.....
.....
.....

Но вотъ ужъ новой жизнью вѣста;
Настала счастья пора, —
И столько славы и добра
Въ прекрасномъ будущемъ свѣтѣ!
Забвенье прошлону! Впередъ!
Повора сбромени оземь...
И пусть на подвигъ жизни новой
Всякъ смилъ возма несетъ! ²⁾

Въ 1860 г. А—ръ И—чъ былъ избранъ членомъ открывшейся тогда черниговской межевой палаты и, познакомившись съ исторіей межеванія, написалъ *Историческій очеркъ межевыхъ учреждений въ Малороссіи* (Черниговъ. 1870. 126 стр.) Другими литературными работами А—ра И—ча были слѣдующіе очерки:

1) *Городъ Поларъ. Историко-статистическій очеркъ.* 70 стр. (Оттискъ изъ черниговск. губ. гѣдом. 1871 г.) 2) *Святитель Θεодосій Улицкій. Историко-біографическій очеркъ.* 94 стр. (Оттискъ, кажется, изъ черниг. епарх. извѣст.) 3) *Историческое описаніе нѣкоторыхъ мѣстностей черниговской губерніи.* Черниговъ 1887. 38 стр. (Оттискъ изъ черниговск. календаря на 1888 г.). — Занимался исторіей старой Малороссіи, А—ръ И—чъ хорошо зналъ и новую Малороссію. Особенно хорошо онъ зналъ бытъ малорусскихъ помѣщиковъ первой половины настоящаго вѣка, при чемъ иногда рассказывалъ изъ этого быта прелебонитные эпизоды. Много разъ убѣждали мы А—ра И—ча хоть что нибудь записать изъ его воспоминаній; онъ и обѣщалъ бывало, но не могъ онъ рѣшиться *записывать* темныя черты изъ жизни своихъ соотчичей... За то съ любовью записалъ онъ рассказы генерала Котлубицкаго, любимца императора Павла, — этии рассказы никто не могъ быть обиженъ... ³⁾.

Любя родную старину, А. И. собиралъ особенно старыя южно-русскія книги и собралъ достаточное количество черниговскихъ и кievскихъ изданій XVII и XVIII в. Ему посчастливилось, между прочимъ, сберець порядочное собраніе книгъ, повидному, такого же любителя, какимъ былъ и самъ — бунчуковаго товарища Андрея Дунина

¹⁾ Приводимъ лишь отрывокъ, начало и конецъ.

²⁾ Напечатаны въ Руск. Арх. 1866 и 1868 г.г.

Борковского (сына генеральнаго обознаго), которое онъ нашелъ въ одномъ изъ прибрѣтенныхъ имъ изданій. Библиотека А—ра И—ча подобрана была имъ, въ теченіе долгой его жизни, вообще хорошо, при чемъ болѣе всего въ ней книгъ—богословскихъ и историческихъ. Жаль будетъ, если это собраніе погибнетъ. Умеръ А. И. глубокимъ старикомъ, едва ли не восьмидесяти лѣтъ. Всѣ знавшіе А—ра И—ча долго будутъ его помнить—за его неалобіе и доброту.

2. Два письма Г. П. Галагана, 1859 г.

(Къ исторіи освобожденія крестьянъ).

Въ іюнѣ 1858 г. открытъ былъ въ Черниговѣ губернской оворянскій комитетъ объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ, въ составъ котораго вошли по два члена отъ каждаго уѣзда, и кромѣ того, въ составъ его были назначены два члена отъ правительства; этими членами были: В. В. Тарновскій († 1866 г.) и Г. П. Галаганъ († 1888 г.). Черниговскій комитетъ работалъ семь мѣсяцевъ и 22 февраля 1859 г. былъ закрытъ, выработавъ «проектъ положенія объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ черниговской губерніи»¹⁾. Подробное описаніе празднества, которымъ сопровождалось закрытіе комитета, тогда же было описано и напечатано въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ (1859 г., № 9). Были произнесены рѣчи, съ разнаго рода тостами. Г. П. Галаганомъ предложенъ былъ тостъ «за здоровье, счастье, благоденствіе и спокойствіе того класса народа, для котораго мы работали!»—Послѣ закрытія комитета Г. П. Г-нъ уѣхалъ въ Кіевъ и отсюда писалъ А. М. Марковичу, своему товарищу по комитету (отъ глуховскаго уѣзда) первое изъ печатаемыхъ писемъ; второе письмо написано изъ Петербурга, куда Г. П. Г-нъ былъ вызванъ уже въ качествѣ члена редакціонной комисіи. Оба письма должны войти въ составъ того матеріала, который давно уже пора собирать для исторіи отиѣны крепостнаго права въ Малороссіи.

¹⁾ „Проектъ“ этотъ, напечатанный тогдаже, представляетъ собою важный документъ для исторіи освобожденія крестьянъ въ Малороссіи.

1) Благодарю васъ, многоуважаемый Александръ Михайловичъ, за искреннее удовольствіе, которое вы доставили намъ вашимъ милымъ посланіемъ. Я узналъ въ немъ ту благосклонность, которой мы постоянно были предметомъ съ вашей стороны; вѣрите, это не фраза, а бы несмѣлъ ее вамъ написать, а выраженіе истиннаго чувства, неразлучнаго съ мыслию о васъ. Мы добрались довольно хорошо до Кіева, гдѣ отдыхаемъ послѣ черниговскаго комитета. Впрочемъ я долженъ признаться, что отдыхъ вовсе не такъ для меня пріятенъ, какъ я думалъ. Втянувшись въ работу до той степени, что она уже сдѣлалась потребностью, безъ нее скучно и я нахожусь въ затрудненіи выбора какого-нибудь занятія, на ту недѣлю, которую думалъ еще пробыть въ Кіевѣ. Здѣсь комитетъ еще продолжаетъ занятія, не смотря на то, что офціально закрытъ, и это дѣлаетъ честь здѣшнимъ правительственнымъ лицамъ, которые не гнали комитетъ на почтовыхъ, какъ у насъ. Здѣсь многіе удивляются образу дѣйствій нашего губернатора¹⁾ и я съ своей стороны очень удивился, если его похвалить въ Петербургѣ за все что онъ сдѣлалъ. Гессе²⁾ поступалъ совершенно иначе, т. е. пассивно, не вмѣшиваясь нисколько съ своими мнѣніями. (Кіевъ, 13 марта, 1859 г.).

2) Хотѣлось сообщить вамъ, многоуважаемый Александръ Михайловичъ, нѣкоторыя подробности о дѣйствіи комиссіи, въ которую я вызванъ и вообще о направленіи крестьянскаго дѣла въ настоящее время, но горе нашего добраго семейства Кочубеевъ, общая скорбь, въ которой я принимаю столь естественное участіе³⁾, не даютъ мнѣ возможности сколько нибудь собрать мысли, и я ограничусь общими чертами.—До сихъ поръ дѣйствіе комиссіи еще не variedлось....⁴⁾ положительно; обсуждаютъ общіе вопросы, довольствуются общими мѣстами и часто измѣняющимися предположеніями. На дняхъ мы приступимъ къ разработкѣ уже присланныхъ проектовъ; ихъ находится у насъ 19 (или 14?); по порядку статей они будутъ между собою слѣчены, обсужены въ комиссіи и потомъ будетъ объявлено какъ заключеніе, такъ и предположеніе комиссіи. Тогда вызовутся депутаты отъ комитетовъ и никакого нѣтъ сомнѣнія вызовутъ васъ и Д. Борковскаго⁵⁾. Это будетъ не прежде половиннымъ

¹⁾ К. П. Шабельскій.

²⁾ П. Н. Гессе, бывшій передъ тѣмъ черниговскій губернаторъ.

³⁾ Рауируется смерть Д. В. Кочуба. Г. П. былъ жепать на его помяниці

⁴⁾ Неразобрано слово.

⁵⁾ В-ля Д-ча.

июня. Позвольте надѣяться, что вы возьмете на себя трудъ принять участіе въ этомъ важномъ общественномъ дѣлѣ. Я слышалъ что вы имѣете намѣреніе ѣхать въ чужіе края, но можетъ быть можно такъ устроить, чтобы эта поѣздка не помѣшала нашему дѣлу, въ которомъ мы такъ надѣемся на ваше безпристрастное содѣйствіе. Васъ продержатъ здѣсь, въ Петербургѣ, я полагаю, не болѣе мѣсяца. Вы объявите ваше мнѣніе на заключеніе комиссіи. О себѣ скажу, что я еще къ работѣ не приступалъ, но кажется, что она будетъ не безъ борьбы, и что если въ Черниговѣ приходилось бороться съ нѣскольکو закоренѣлою консервативною, то здѣсь придется можетъ быть работать противъ незаконныхъ требованій теоріи. (С-Петербургъ, 20 апрѣля, 1859 г.).

3. Кіевскія Епархіальныя Вѣдомости 1892 г., 900+XVI стр., 1893 г., 768+XV стр. и 1894 г., 802+13 стр.

Кіевскія Еп. Вѣдомости, начатыя съ 1860 г., первыя два десятилѣтія были сборникомъ очень цѣннаго историческаго матеріала; затѣмъ, содержаніе ихъ нѣсколько поблекло, но въ послѣдніе годы снова стали появляться въ нихъ статьи, имѣющія научное значеніе. Такъ въ №№ 1—6 за 1892 г., въ Еп. Вѣд., напечатанъ длинный перечень тѣхъ повседневныхъ притѣсненій, которыя терпѣло сельское православное духовенство Кіевщины отъ поляковъ во второй пол. XVIII в. Случаи приводятся въ родѣ слѣдующихъ: 1) Въ 1769 г., бѣлоцерковскій губернаторъ Рыльскій прислалъ пять чело-вѣкъ своихъ козаковъ до православнаго священника с. Острѣ-екъ, Марка Тимковскаго, занять (т. е. забрать) у него съ двора, безъ всякой причины, воловъ шесть, которые и заняли са-михъ лучшихъ; за испрошеніемъ конхъ о возвращеніи хотя свещ. Маркъ къ оному губернатору не единожды и ѣздилъ и съ плачемъ просилъ, однако оный не отдалъ, сказуя: для чего ты православный, а не униатъ; здѣсь де въ старовствіи (бѣлоцерковскомъ) не надобно ни одного православнаго и пока де ты не станешь униатомъ и не принесешь съ консистору униатскаго свидѣтельства, до тѣхъ перъ и воловъ не возвращу. Почему онъ священникъ—принужденнымъ былъ поѣхать въ консисторъ униатскую и приставши на унию, привезъ къ оному губернатору официала письмо, по которому онъ, губернаторъ, и волы возвратилъ, сказуя: если и прочіе схизматики отъ

схизмы пристануть на унию, то не только имущество цѣлое возвращено будетъ, но и виновности, какія бъ ни были, будутъ прощены...

2) Въ 1770 г., отъ уманскаго губернатора Рудкаго посланные вольскіе козаки, напавши гвалтовно на домъ священника с. Крушинскаго Данила Долгопольскаго и на его приходскую церковь, въ коей заграбили чашу серебряную вызолоченную, гробницу серебряную, книгу трафолой, ризы, воску окъ 15, зvonъ 1, свѣчъ братскихъ и проч., у священника все имущество до остатка забрали и домъ разорили, а потомъ, взявши онаго священника съ женою подъ караулъ, повезли въ м. Соколовку, гдѣ оный священникъ въ неволѣ, закованный въ кандалы желѣзные, черезъ 12 недѣль находился, отчего и ноги поотгнивали, такъ что оными и ходить не можетъ, а лазить на рукахъ. Освобожденъ же оный священникъ изъ подъ караула, когда жена изъ неволи бѣжала и за приходомъ въ Умань занесла жалобу о своемъ мужѣ, бывшему тогда въ Умань г. генералу Зоричу, который приказалъ освободить ея мужа; церковь же православная на унию отнята. — Такихъ случаевъ описываются сотни; описанія сохранились въ архивѣ кievской консисторіи. Они показываютъ, какъ просто хотѣла Польша разрѣшить религіозный вопросъ русскаго народа... Уничженіе религіи послѣдняго повело къ тому, что когда въ 1798 г. кievскій митрополитъ Іерофей сталъ осматривать сельскія церкви своей митрополіи, то нашелъ, что — «многія церкви, обветшали, не малеваны; кресты, на куполахъ стоящіе, клонятся къ паденію; полы внутри олтара и церкви не ровны и отъ гнилости проломались, а гдѣ полы выслаты кирпичемъ, тамъ открылись отъ хожденія ямы; въ иныхъ же церквахъ никакого пола нѣтъ, а одна и та неровная, т. е. съ буграми и долинами, земля, произрастающая отъ влажности траву»... Изъ подробностей того запустѣнія, которое нашелъ митрополитъ по сельскимъ церквамъ, видно, что послѣднія имѣли видъ ветхихъ сараевъ, отличавшихся отъ нихъ лишь крестомъ на крышѣ...

Затѣмъ въ 1892 г. напечатаны статьи: 1) *О мошлѣ Аскольдовой въ Кіевѣ* (рукопись в. XVIII в.), 2) *Розысканіе мощей св. стр. кн. Бориса и Глѣба*, 3) *Блѣстивное положеніе прав. духовенства въ Бялоцерковскомъ округѣ, въ 1796 и 1797 и.*, 4) *Опись Житовской протопопії въ 1775 и.*, (№№ 14 и 16), 5) *Опись церквей уманскаго уѣзда, воссоединенныхъ изъ униі*, 6) *Къ 50-лѣтнему юбилею Кіево-Десятинной церкви* (поправки прот. П. Л. къ газетной статьѣ) и 7) *Михаилъ, митрополитъ кievскій XII в.* — Изъ этихъ статей обра-

щаютъ на себя вниманіе примѣчанія редакціи къ составленному въ прошломъ вѣкѣ очерку Аскольдовой могилы; тутъ мы читаемъ: «помѣщая это историческое извѣстіе объ Аск. М., мы хотѣли бы обратить вниманіе читателя на то, что въ семъ извѣстіи, составленномъ за сто лѣтъ до нашего времени, вовсе не упоминается о гробницѣ или гробѣ б. обладателя Кіева Аскольда, погребеннаго здѣсь въ 9 вѣкѣ. Хотя съ нѣкотораго времени указываютъ гробъ Аскольда подъ церковью Аскольдовой могилы, ссылаясь на монастырское преданіе, но панъ достовѣрно извѣстно, что преданіе это образовалось весьма недавно, не раньше 1866 года, и происхожденіемъ своимъ обязано недоразумѣнію простецовъ, участвовавшихъ въ празднованіи тысячелѣтія отъ времени крещенія Аскольда и Дира, совершенномъ въ этомъ году при настоятелѣ монастыря архимандритѣ Феофанѣ, съ чѣмъ вѣстѣ вспоминалось и первое крещеніе кіевлянъ въ 862 г. греческимъ епископомъ Михаиломъ. Торжество состояло въ томъ, что въ день св. Николая, 9 мая, совершенъ крестный ходъ изъ Кіево-Николаевскаго монастыря на Аскольдову могилу и затѣмъ въ церкви Аскольдовой могилы преосвященнымъ Порфиріемъ отслужены соборнѣ литургія, и по окончаніи литургіи—панхида, на открытомъ воздухѣ, за алтаремъ церкви, по князѣ Николаѣ (подъ которымъ разумѣлся Аскольдъ) и по всѣмъ отъ вѣка преставшимся православнымъ христіанамъ. Праздничныи день, крестный ходъ и прекрасная погода привлекли массу народа на Аскольдову могилу. Хотя въ объясненіи совершавшагося праздника было роздано значительное количество брошюръ о празднуемомъ событіи, но народу хотѣлось еще знать, гдѣ именно на Аскольдовой могилѣ гробъ Аскольда, о чемъ въ брошюрѣ не говорилось. Разрѣшая по своему этотъ интересовавшій многихъ вопросъ, одни (военные писаря) указывали на то мѣсто за алтаремъ церкви, на которомъ стоялъ преосвященный во время панхимы и гдѣ была какая то могилка неизвѣстнаго покойника, а другіе (изъ монастырскихъ служекъ) говорили: не здѣсь, а подъ церковью, въ склепѣ, (въ которомъ предано землѣ нѣсколько гробовъ съ покойниками, а въ числѣ ихъ здѣсь погребена и Ефросинія Мих—на Воронежъ, незначащаяся въ надгробныхъ надписяхъ). О такомъ недоумѣніи народа и отвѣтахъ на недоумѣнные вопросы упоминалось, послѣ сего, и за трапезой у настоятеля монастыря; но никто не сдѣлалъ тогда печатнаго разъясненія въ какомъ нибудь печатномъ органѣ. Лѣтъ 12 спустя, казначей Кіево-Николаевскаго монастыря, донося консисторіи о погребеніи подъ цер-

ковью Аскольдовой могилы тѣла ген.-адъют. Карцова, перевезеннаго изъ г. Харькова, нашелъ возможнымъ въ рапортѣ своемъ прописать по своей простотѣ, что гробъ ген. Карцова поставленъ въ скленѣ подъ церковью, рядомъ съ гробомъ князя Аскольда. Въ послѣдствіи оказалось, что мѣстніе это было не единичнымъ о. казначей, его раздѣлили и другіе, ссылаясь уже на монастырское преданіе. Наконецъ въ № 1346 Правит. Вѣсти. за 1891 г. напечатано и въ «Кіевск. Словѣ» тогда же, въ извѣстіи о погребеніи прот. І. Г. Наумовича, перепечатано, что подъ плоскимъ сводомъ церкви на Аскольдовой могилѣ виднѣется древняя каменная гробница князя Аскольда, убитаго Олегомъ въ 882 г. и здѣсь погребеннаго. — «Для возстановленія истины», редакц. заявляетъ: 1) что никакой каменной гробницы въ скленѣ подъ церковью на Аскольдовой могилѣ нѣтъ и не было, а есть низкое изъ кирпича надгробіе, на которомъ вѣроятно предполагалось положить плиту каменную или чугунную. Его то, по всей вѣроятности, и призналъ о. казначей монастыря за гробъ князя Аскольда. Кирпичъ и его кладка недавняго времени. 2) О существованіи здѣсь гроба Аскольда нѣтъ никакихъ историческихъ указаній, кромѣ извѣстія лѣтописи о томъ, что на могилѣ Аскольда Ольга построила церковь св. Николая. Не говоритъ о гробѣ Аскольда Иннокентій Гизель, архимандритъ печерскій, въ своемъ Синописцѣ, не показывали его здѣсь ни патріарху антиохійскому Макарію въ 1654 году, во время посѣщенія имъ Кіева и Никольскаго монастыря, бывшаго тогда еще на Аскольдовой могилѣ, ни митрополиту московскому Платону, бывшему здѣсь въ 1804 году, и никому изъ высшихъ посѣтителей нынѣшняго вѣка. Наконецъ гробъ Аскольда не былъ извѣстенъ ни одному изъ настоятелей Кіево-Николаевскаго монастыря, въ числѣ которыхъ были Антоній (архіепископъ разанскій), Нектарій (архіепископъ харьковскій), Іоанникій (нынѣ митрополитъ кіевскій), Филаретъ (епископъ рижскій), и до 1886 г. никакого преданія о семъ гробѣ тогда никто не слышалъ. Такимъ образомъ нѣтъ никакого основанія искать и видѣть теперь подъ церковью Аскольдовой могилы гробъ Аскольда. Нельзя даже сказать и того, въ гробѣ или безъ гроба погребены Аскольдъ и Диръ, такъ какъ надъ ними были насыпаны могилы по изыческому обычаю. Но если остатки Аскольда были преданы землѣ и въ гробѣ, то при разныхъ измѣненіяхъ на этой мѣстности въ теченіи 1000 лѣтъ, кости его могли весьма утеряться, какъ остаются намъ неизвѣстными остатки не только многихъ князей, потомковъ св. Влади-

міра, погребенихъ въ церквахъ Кіева, по и гробниці многихъ князей и знатныхъ мужей литовскаго періода, положенныхъ подъ поломъ великой лаврской церкви. Сокрытое подъ спудомъ большею частію скрывается навсегда отъ насъ и современемъ терается изъ памяти человѣческой». — Нельзя не поблагодарить ред. Ев. Вѣд. за эту интересную замѣтку, служащую къ разъясненію тумана устныхъ преданій, такъ легко усвоенныхъ толпою. Только жаль, что при этомъ не объяснено, поутно, для чего устроенъ былъ склепъ подъ церковью Аскольдовой могилы, такъ какъ не думается же, чтобы онъ сдѣланъ былъ для погребенія частныхъ лицъ, хотя бы и именитыхъ...

Статья о митрополитѣ кіевскомъ Михаилѣ (Ш. Л.) составляетъ перепечатку изъ «Кіевск. Старинъ».

Содержаніе Ев. Вѣд. за 1893 г. богаче предыдущаго года, какъ это видно изъ слѣд. переченя статей: 1) Слово, сказанное Георіемъ Конисскимъ въ Кіево-Соборійскомъ соборѣ, при погребеніи Рафаила Заборовскаго, митрополита кіевскаго, 29 ноябра, 1747 г. (№ 1), 2) Лебединскій Георіевскій монастырь (№№ 1—3), 3) Кіевскій митрополитъ Рафаилъ Заборовскій (№ 2), біографическій очеркъ, составленный ок. 1760 г., 4) Рѣчь проф. А. Максимовича при открытіи кіевск. дух. семинаріи, въ 1817 г., (№ 2), 5) Объяснительныя параграфы по исторіи западно-русской церкви, С. Голубева, (№№ 3, 4, 5, 12, и 24), 6) Рѣчи—о пользѣ словесности, іеромон. Кирилл Куницкаго, и *de nexu philosophiam inter et theologiam*, проф. И. Скворцова, (№№ 4, 5 и 8); обѣ произнесены при открытіи кіевск. дух. семинаріи, въ 1817 г., 7) Подати *Subsidium charitativum et emergentia*, прот. П. Орловскаго, (№ 6 и 7), 8) Въ защиту кіевск. митрополита Петра Мошлы, С. Голубева (№№ 9—11), 9) О Кіево-Соборійскомъ соборѣ, по поводу газетной статьи, прот. П. Л—ва, (№ 11), 10) Съ какою времени и почему состолице въ Польшу, на Украину, правосл. монастыри и церкви состоили въ вѣдѣніи перелславскихъ архіереевъ, (№ 14), 11) Описаніе малороссійскихъ городовъ, мѣстечекъ и селъ бѣлоцерковскаго полка съ переписью жителей, приведенныхъ къ присиль на вѣрность царю Алексію Михайловичу, (№ 15), (перепечатка изъ X-го тома актовъ Ю. и Зап. Россіи), 12) Статьи о расширеніи уніи въ кіевской митрополіи со стор. пол. XVIII в., (№№ 17, 18, 21, 22 и 23), 13) Объ инструкціи для кіевск. дух. акад. 1763 г., С. Голубева, (№№ 19 и 20) и 14) Протодіаконъ Н. Заградскій, прот. П. Орловскаго, (№ 28).

Исторія правобережнихъ малорусскихъ монастырей очень бѣдна вследствие тѣхъ разореній, которыя такъ часто терпѣлъ правый берегъ Днѣпра, при чемъ разорились и монастыри, а вмѣстѣ съ ними гибли и ихъ архивы. Уже въ прежніе годы на страницахъ Кіевск. Епарх. Вѣд. началось печатаніе историческихъ очерковъ этихъ монастырей по сохранившимся въ консисторскомъ архивѣ матеріаламъ. Здѣсь напечатанъ такой очеркъ *Лебединскаго монастыря*, основаннаго между 1657 и 1667 г.г. и получившаго первыя охранительныя универсалы отъ Петра Дорошенка. Исторія монастыря доведена до его упраздненія въ 1845 г., для поддержанія Чигиринскаго женскаго монастыря, которому и были переданы «жалованье и угодья» Лебединскаго монастыря. Матеріаломъ для очерка послужилъ тотъ же архивъ кіевской консисторіи, въ которомъ, какъ извѣстно, хранятся богатые матеріалы для исторіи церкви и духовенства кіевской епархіи.

Изъ «параграфовъ» г. Голубева могутъ быть отиѣчены слѣдующія замѣтки: Время кончины мстисл. еписк. Юсифа Бобриковича.—Замѣчанія о времени кончины князей Константина и Василя Острожскихъ.—Объ отношеніи Бобриковича къ митр. Могиль. Объ игуменствѣ Ісаи Копинскаго въ Межигорскомъ и — рѣ. Поправка свѣдѣній объ Іоаннѣ Вишенскомъ. О мнимомъ изданіи Слѣзкою могиллинскаго катихизиса.—Особенно интересныхъ свѣдѣній въ этихъ замѣткахъ не имѣется.

О *«Харитативъ»* напечатана въ «Кіевск. Старинѣ» за прошлый годъ (мартъ, 382—402) обстоятельная статья того же автора, почему мы и проходимъ молчаніемъ статью Епарх. Вѣд.—стей.

Инструкція для кіевской дух. академіи составляетъ «мнѣніе академической корпораціи 1753 г. о возможно лучшей постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ академіи», при чемъ мнѣніе это выражено въ подробной программѣ преподаванія и въ правилахъ для преподавателей и учениковъ. Документъ этотъ представляетъ собою въ высшей степени цѣнный матеріалъ для исторіи кіевского школьнаго образованія въ XVIII в. Думая, что подробная разработка этого памятника могла бы представить благодарную тему для монографіи по исторіи обученія въ Малороссіи, приводимъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ отдѣла—«чего именно ректору съ префектомъ наблюдать найприлѣжнѣйше должно». 1) «Понеже въ академіи кіевской отъ давнихъ лѣтъ обучаютъ учениковъ латинскому языку по грамматикѣ Еммануила Алвара, которая малымъ дѣтямъ крайне темна, невразумительна, непорядочна, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недоста-

точна, а въ иныхъ премного лишняго имѣть, того ради двумя острѣйшимъ, надежнѣйшимъ и довольно въ грамматической наукѣ усилѣвшимъ учителямъ приказывать, дабы они изъ разныхъ грамматикъ новѣйшихъ авторовъ, кои къ поватію малыхъ дѣтей прии́нялись, регуля самыя нужныя собравъ, вѣновь грамматику сочинили; однако не исключая изъ оной польскаго языка, но прии́нявъ вѣарской грамматики, въ Варшавѣ 1760 г. напечатанной, а особливо хорошо бы для прии́бору въ такомъ дѣлѣ сыскать— послѣ духовн. реглам., на л. 47, въ п. 6-тую грамматику, которая напечатана въ Парижѣ, повелѣніемъ короля Людовика четвертогонадесять, ибо оная грамматика такъ кратко и совершенно заключена, что можно надѣяться остроумного ученика за единъ годъ научить языка латинскаго, *когда у насъ за пять и шесть лѣтъ мало кто постигаетъ, что можно знать, потому что студентъ, изъ философій или богословіи изшедшій, не можетъ перевести и средняго стила латинскаго.* (§ 4) 2) «Донелѣ опредѣленные учителя сочинять вѣновь грамматику, то учить по грамматикѣ *scholarum r̄igum ad usum̄ inventutis*, въ Варшавѣ 1760 г. напечатанной...» (§ 5). 3) «Дабы ученики могли какъ вышеписанную грамматику, такъ и другія для классовъ и для вышшихъ школъ необходимонужныя книги легко получать и въ покупкѣ ихъ никакой нужды не узавать, а чрезъ то и въ ученіи упущенія не имѣть, то учредить при академіи кievской,— по прии́бору академіи санктпетербургской и университета московскаго, книжную лавку для продажи изъ оной разныхъ книгъ. А въ учрежденіи оной поступить слѣдующимъ порядкомъ: 1) Возимѣть по прежнему писменную конференцію съ вратиславскими или липскими (лейпцигскими) книгопродавцами чрезъ кievскихъ купцовъ Стефана да Ивана Андреевыхъ. 2) Учинить съ ними, книгопродавцами, писменной контрактъ, чтобъ они тѣ тольо книги и то цѣною сходною, а не высокою, для академіи прислали, какъ именно будутъ требованы, а безъ требованія бы никакихъ отнюдь не наслали, какъ то сіе прежде бывало...» (§ 6). 4) «Если какіе господа требуютъ стануть такихъ инспекторовъ (т. е. гувернеровъ для своихъ дѣтей), которые бы къ наученію нѣмецкому и французскому языкамъ могли быть способные, то въ таковыхъ обстоятельствахъ, буди изъ студентовъ, обучающихся богословіи и философій, крайне не сыщутся, опредѣлять въ инспекторскую должность и учениковъ реторикъ, однакожь при томъ богословіи и философій учащимся всегда напоминать то, что естли они не будутъ языкамъ разнымъ

обучатся, то и мѣстами никакими не будутъ снабдѣны». (§ 18). 5) «Обычай древній въ академіи кіевской есть: ежегодно въ мѣсяцѣ маіи, отъ 9-го числа, по 1 число сентября, отпускать учениковъ риторники, поэтики и сунтаксимы бѣдныхъ, нищихъ родителей лишившихся и вовсе никакова же питанія ни откуда не имущихъ, для испрошенія себѣ милостыни. Но понеже подъ видомъ таковыхъ, родителей нескудныхъ и пропитать ихъ могущихъ имѣющихъ, а особливо изъ священническихъ сыновъ, обманно просятъ пашпортовъ, единственно для того, учобъ не учиться, но прежде времени отлучась отъ академіи, шататься по разнымъ мѣстамъ, или безъ вѣдома академіи, гдѣ нибудь останутся для наученія дѣтей господскихъ или въ собственномъ своемъ домѣ всеу время проживать, для того префекту, когда убогіе ученики просятъ пашпортовъ для испрошенія милостыни, накрѣпко взыскивать и отъ другихъ старшихъ требовать достовѣрныхъ свидѣтельствъ, подлинно ли оные ученики не могутъ себе вовсе снабдѣвать, и буди явится, что точно они такового состоянія, то отпускать въ малороссійскіе точію и слободскіе полки, а далѣе нигуда ходить не дозволять, на срокъ до перваго сентября; а кто явится изъ отпущенныхъ послѣ перваго сентября и не покажетъ на то никакого правильного резона, такова за явкою въ академію наказывать» ... (§ 24).

Послѣ преобразованія Кіево-Софійскаго монастыря въ кафедральный соборъ (1786 г.), въ послѣдній, по штату, потребовался протодіаконъ; первымъ протодіакономъ здѣсь былъ Топольскій, родомъ изъ Батурнина, но голосъ у него оказался не особенно благозвученъ, и онъ былъ замѣненъ діакономъ *Заградскимъ*, родомъ изъ подъ Переяслава. Во время трехмѣсячнаго пребыванія въ Кіевѣ Екатерины II каждый разъ, когда она пріѣзжала на богослуженіе въ Софійскій соборъ, соборный протоіерей знаменитый Леванда приглашалъ къ себѣ для сослуженія Заградскаго. Кромѣ голоса, Заградскій пріобрѣлъ себѣ извѣстность еще и какъ замѣчательный церковный чтець. Вообще это былъ человекъ очень почтенный по тщательности исполненія своихъ обязанностей, которыя онъ притомъ расширялъ гдѣ только могъ. Такъ напр., во время наплыва въ Кіевъ богомольцевъ, Заградскій, послѣ ранней обѣды, облачившись въ стихарь¹ и препоясавшись ораремъ, открывалъ главныя царскія врата и, ставши около нихъ, объяснялъ богомольцамъ мозаическія изображенія тайной вечери и нерушимой стѣны, и въ краткихъ, удобопонятныхъ словахъ рассказывалъ исторію Софійскаго

собора и находящейся въ ней святини »¹⁾. «За свой громогласный, благозвучный голосъ, за свое благоговѣнное служеніе о. Заградскій пользовался искреннею благорасположенностью всѣхъ кіевлянъ; его высоко цѣнили и кіевскіе архіепастыри и высшія военныя и гражданскія власти г. Кіева. Онъ былъ не безъизвѣстенъ и Петербургу. Когда въ 1810 г. открылось протодіаконское мѣсто при дворцовой церкви въ Петербургѣ, то об.-прокуроръ синода спрашивалъ кіевскаго митрополита не можетъ ли онъ указать человѣка годнаго для этого мѣста. Митрополитъ указалъ на Заградскаго, объяснивъ, что «у сего протодіакона голосъ свѣтлобасистый; онъ начинаетъ contra d и восходитъ до горы f свободно». Заградскій былъ вызванъ въ Петербургъ для испытанія. Получивъ изъ консисторіи 250 р. на дорогу, Заградскій тѣмъ не менѣ поѣхалъ въ столицу въ телѣжкѣ, одною лошадыю; ѣхалъ онъ такъ медленно, что доѣхалъ въ Петербургъ, когда протодіаконское мѣсто при дворѣ было уже замѣщено другимъ. Тѣмъ не менѣ Заградскаго испытали, нашли служеніе его благолѣпнымъ, но мѣсто уже было занято и Заградскій вернулся въ Кіевъ, привеза изъ столицы подаренные ему 300 р. и бархатную рясу. Заградскій оставался протодіакономъ до тридцатыхъ годовъ и умеръ глубокимъ старикомъ въ 1841 г., 74 л. отъ роду.

Съ 1894 г. Кіевск. Еп. Вѣд. переимѣнили своего наставнаго, «почти всегдашняго» редактора о. прот. П. Г. Лебедимцева; новымъ редакторомъ назначенъ прот. П. Троцкій. Оглянувшись назадъ, новый редакторъ нашелъ нужнымъ высказать своимъ мысли и желанія по предстоящей ему работѣ: «тридцать съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, счастливая мысль пришла одному изъ видныхъ дѣятелей нашего епархіальнаго духовенства, еще и до сихъ поръ, благодареніе Богу, здравствующему, основать мѣстный епархіальный органъ для кіевскаго духовенства; мысль эта была почти новою; о подобныхъ печатныхъ органахъ тогда почти и не думали въ другихъ епархіяхъ. Программа «Кіевск. Епарх. Вѣд.», утвержденная свѣтлѣйшимъ Синодомъ, была такъ проста и практична, что нашла себѣ сочувствіе въ энергичныхъ дѣятеляхъ и другихъ епархій, и мало по малу почти каждая епархія русская обзавелась своимъ печатнымъ епархіальнымъ органомъ, по примѣру, должно быть, «Кіевск. Епарх. Вѣдомостей». Нельзя сказать, однако-же, чтобы «Кіевск. Епарх. Вѣд.»

¹⁾ Какъ много теряютъ теперешніе кіевскіе богомольцы, блуждая по церквамъ съ видѣ овецъ безъ пастуха...

за свое 30-тилітнее съ лишнимъ существованіе всегда шли впереди другихъ подобныхъ епархіальныхъ органовъ: младшія, такъ сказать, сестры иногда опереживали по содержанію и качествомъ свою старшую сестру. И теперь нужно сознаться, въкоторыя Епарх. Вѣд., даже городовъ не академическихъ, и содержательнѣе, и живненнѣе «Епарх. Вѣд. Кіевскихъ». Причинъ—то роста, то упадка нашего мѣстнаго епархіальнаго органа было нѣсколько; о нихъ мы не станемъ теперь упоминать. Но, при всемъ томъ, нужно отдать справедливость и тому, что сдѣлано трудившимися въ этомъ мѣстномъ органѣ. «Кіевск. Епарх. Вѣд.» значительно сократили дѣловую переписку разныхъ мѣстныхъ епархіальныхъ учрежденій и, что особенно важно, дали возможность разнымъ распоряженіямъ начальства доходить по назначенію гораздо скорѣе, чѣмъ это было прежде, когда такъ называемыя *курсоріи* (разныя дѣловыя бумаги, синодальныя, кописторскіе и другіе указы) разносились отъ одного села къ другому причетниками, ихъ женами и дѣтьми... Тѣмъ больше нужно сказать о неофициальной части «Кіевск. Епарх. Вѣд.». Второй отдѣлъ неофициальной части «Кіевск. Епарх. Вѣд.»—исторія мѣстная съ церковной стороны. Этотъ отдѣлъ вашихъ «Еп. Вѣд. за прежнее время очень богатъ самыми разнообразными статьями, особенно благодаря археологическимъ и церковно-историческимъ трудамъ почти всегдашняго редактора «Кіевск. еп. в.—тей» за 30-тилітніе ихъ существованія, о прот. П. Г. Лебединцева. Самое интересное время въ церковно-исторической жизни нашего края—это вторая половина прошлаго вѣка, время борьбы православія съ униєю; время это значительно прояснено, благодаря добытымъ и помѣщеннымъ на страницахъ «Еп. Вѣд.» матеріаламъ почтеннаго редактора П. Г. Лебединцева... Отъ прошлой исторической жизни естественъ переходъ къ жизни текущей. На страницахъ «Кіевск. Еп. Вѣд.—тей» изображалась ежегодно современная епархіальная жизнь, но нельзя сказать, чтобы изображеніе это было полное и картинное, а живописать есть что, особенно лицамъ, близко стоящимъ къ епархіальной жизни, стоящимъ, такъ сказать, у источника этой самой жизни. Не только борьба православныхъ съ современнымъ штундизмомъ въ штундистскихъ приходахъ, не только отношенія кулачества и еврейства къ быту простого селянина, но и взаимныя отношенія поселянъ—общественный ихъ бытъ, семейный, религиозное міросозерцаніе, бытовые обряды, повѣрья и пр. и пр.—сколько представляютъ матеріаловъ для изображеній картинныхъ, интересныхъ, поучитель-

ных! Да и въ самомъ быту духовенства недалекаго прошлаго и современнаго—сколько представляется чертъ симпатичныхъ, которыя напрашиваются на бумагу и съ интересомъ были бы прочтены не только современными сопастырями, но и нашими преемниками. И на сколько вопросовъ жизненныхъ и поучительныхъ навели бы многихъ эти бытовые картины!... Нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ могли бы быть и рѣшаемы общими силами на страницахъ нашего общаго литературнаго органа... Настоящею статьею мы дѣлаемъ кличъ къ собратіямъ нашимъ по святому служенію, просимъ ихъ оживиться, приободриться и заговорить живыми сердечными словами въ общій слухъ о всемъ томъ, о чемъ слѣдуетъ заговорить; просимъ не стѣсняться въ своихъ корреспонденціяхъ...

Дѣйствительно, никто не стоитъ къ народу ближе сельскаго духовенства, никому лучше этого духовенства не извѣстенъ «общественный и семейный бытъ народа, религіозное его міросозерцаніе, бытовые обряды, повѣрья»... И какимъ интереснымъ матеріаломъ могли бы наполниться страницы Ел. Вѣд., если бы пастыри захотѣли и умѣли подѣлиться съ читателями своими свѣдѣніями о пасомыхъ... Къ сожалѣнію, мечты объ этомъ, большею частью, такъ и остаются мечтами... Что успѣетъ сдѣлать новый редакторъ Киевск. Ел. Вѣд. въ этомъ отношеніи, поживемъ—увидимъ

Изъ статей историко-этнографическаго содержанія напечатанныхъ въ 1894 г. должны быть отмѣчены слѣдующія:

1) *Материалы для исторіи кievской епархіи*, (№№ 1—5 и 12) заключаютъ въ себѣ свѣдѣнія о православныхъ церквахъ разныхъ «протопопій» кievской епархіи во втор. полов. XVIII в.

2) *Церковная лѣтопись с. Рубанаго Моста*, уманскаго уѣзда, (№ 10) свящ. Ал. Козловскаго, представляетъ собою образчикъ тѣхъ описаній прихода, которыя теперь требуются епархіальнымъ начальствомъ отъ приходскихъ священниковъ. Такія лѣтописи пишутся по приходамъ уже давно и нѣкоторыя изъ нихъ по Черниговской напр. губерніи, были печатаемы въ мѣстныхъ Ел. Вѣд. И содержательны, и полезны могутъ быть эти лѣтописи при одномъ условіи, если лѣтописцы, не удаляясь отъ фактовъ, будутъ просто излагать обстановку и содержаніе прошлой и настоящей жизни своихъ прихожанъ. Лѣтопись с. Рубанаго Моста (обыкновенно называемаго въ народѣ Рубанкою) начинается объясненіемъ, что «поселокъ этотъ въ началѣ составлялся изъ людей сбродныхъ, что доказываютъ до сихъ поръ существующія фамиліи, выражающія собою мѣстности, откуда выхо-

дмля предки: Краснокутскій изъ с. Краснаго Кута, Полншукъ изъ полѣсья, Ищукъ—искавшій мѣста (sic). Въ особенности распростра-нена послѣдняя фамилія, можетъ быть потому, что бѣгло, по ясной причинѣ (?), нехотѣли объявляться, откуда они пришли. Дѣйстви-тельность этихъ предположеній мнѣ доказывали мѣстные старики, которые сами знаютъ или слышали отъ своихъ дѣдовъ о подоб-номъ происхожденіи многихъ фамилій». Приведенное мѣсто изъ «Лѣтописи» не заключаетъ въ себѣ ни одного годваго факта для той лѣтописи, которая желается... Прежде всего, каждое поселеніе возникаетъ изъ люда пришлага, почему с. Руб. Моста въ этомъ отношеніи и не можетъ составлять какого-нибудь исключенія; за-тѣмъ, прозвища по мѣсту прежняго жительства (Нѣжинскій, Слуд-кій и т. д.) такъ обихденны, что сами по себѣ ничего еще дока-зывать не могутъ. Наконецъ, если лѣтописецъ пускается въ объ-ясненіе мѣстныхъ прозвищъ, то требуются не гаданія его, а факты. Говоря, что прозвище Ищукъ значитъ «искавшій мѣ-ста», лѣтописецъ Руб. Моста очень ошибается. Ищуки происходятъ отъ *Искаковъ*, т. е. Осиповъ; на лѣвомъ берегу Днѣпра это были бы—Ищепки, а на правомъ они—Ищуки, какъ сыновья Федоровъ—Фе-доруки, Степановъ—Степанюки и т. д. Говоря о религіозномъ со-стояніи прихожанъ и указывая, что его прихожане «не знаютъ даже того, почему они зовутся христіанами» (!). Лѣтописецъ старается из-винить себя и говоритъ очень странныя вещи: «У меня пятнад-цать лѣтъ на каждой литургіи, вмѣсто причастна, читаются глав-нѣйшія молитвы и люди ходятъ въ церковь; но ни одинъ ста-рикъ, ни одна женщина, въ особенности ни одна дѣвушка, не умѣетъ правильно молиться. Молатся такъ, какъ научили, а научили такъ, какъ молились еще при Петрѣ В. или Екатеринѣ...» И далѣе: «для того, чтобы прихожане понимали свою вѣру (!), я сказалъ около 800 поученій, сказалъ намзустъ, понятно и съ энер-гіей. Но могу утверждать, что научилъ очень немногихъ... Жалко, что при этомъ не приведена ни одна изъ этихъ 800-тъ проповѣдей; тогда легче было бы объяснить ихъ неуспѣхъ... Значитъ, что ни-будь еще нужно для сказанныхъ 800 поученій, чтобы они крестьянъ учили чему нибудь... Вообще лѣтописецъ с. Руб. Моста можетъ слу-жить, между прочимъ, указаніемъ—почему на «клинчѣ» новаго редак-тора Еп. Вѣд—тея едвали будутъ получены желаемые отзывы...

3) Изъ воспоминаній о митрополитѣ Епископѣ, (№ 10) заклю-чаетъ въ себѣ припоминаніе одного кievскаго академика о содержа-

ніи наставленія, которое произнесено было ученимъ іерархомъ окончившимъ академическій курсъ студентамъ въ тридцатыхъ годахъ.

4) «Прощи» или «подзѣнькованья» (№ 12) представляютъ собою интересную этнографическую замѣтку, перепечатанную изъ Под. Ев. Вѣд. «Въ нѣкоторыхъ приходахъ Подольской епархіи есть обычай при погребеніи почетныхъ крестьянъ говорить такъ называемыя *прощи* или *подзѣнькованья*. Прощи, или подзѣнькованья,—это особый, своеобразный видъ поученій, произносимыхъ при погребеніяхъ. Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ прощиа практиковались и практикуются, простой народъ очень любитъ ихъ,—и почти всегда, за весьма немногими исключеніями, крестьянинъ, приглашая священника совершить погребеніе умершаго члена семьи, проситъ сказать при этомъ и прощиа, предлагая за прощиа даже особое вознагражденіе. Прощиа въ такихъ приходахъ произносятся не только при погребеніи стариковъ и старухъ, но и при погребеніи скончавшихся другихъ возрастовъ, а иногда и при погребеніи младенцевъ. По содержанію своему, прощиа или подзѣнькованья представляютъ обычныя надгробныя поученія съ присовокупленіемъ прощанія отъ лица умершаго съ родными и знакомыми (отсюда и слово «прощиа»), а также благодарности умершихъ за вниманіе и участливость при жизни и во смерти (отсюда польское слово «подзѣнькованья»). Нѣкоторые священники присоединяютъ къ этому еще и завѣщаніе или послѣднюю просьбу умершаго къ остающимся въ живыхъ... Заснѣ авторъ замѣтки приводитъ отрывокъ одного изъ такихъ поученій, сказаннаго при погребеніи крестьянки ушницкаго уѣзда; частичку этого отрывка приводимъ здѣсь. «И такъ, сказавши послѣднее «прости» новопреставленной, *выслушаемъ ее свою очередь и отъ нея послѣднее прощальное слово, которое она сказала бы намъ, если бы уста ея, сожнутыя смертью, отверзались для слова*. Въ этомъ прощальномъ словѣ раскроются предъ вами ея предсмертныя, невысказанныя думы и желанія—послѣдній плодъ ея любви къ роднымъ и знакомымъ.—Прощайте, милые мои дѣточки и внуки. Прощайте и всѣ родные! уже не видѣться мнѣ больше съ вами въ мірѣ семъ, не встрѣчаться, не говорить съ вами, не слушать вашихъ привѣтливыхъ рѣчей. Спасибо вамъ, дѣти, за вашу ласку и привязанность ко мнѣ, за ваши заботы обо мнѣ въ мои старческіе, немощные дни. Спасибо вамъ, что въ тяжелой болѣзни моей вы не оставляли меня и всячески старались облегчить ее... Такъ какъ больше мы уже не встрѣтимся въ этомъ мірѣ, такъ какъ чрезъ нѣсколько минутъ при-

метъ до страшнаго суда мое разрушающеся тѣле мать его земля сырая и на вѣки скроетъ его отъ взоровъ вашихъ мракъ тѣсной могилы, то въ послѣдній разъ, чрезъ отца своего духовнаго, молю васъ и напоминаю вамъ: живите, пока Богъ поможетъ вамъ, свято и по христіански, не чините обидъ и несправедливостей ближнимъ» и т. д. и т. д. Авторъ такъ заключаетъ свою замѣтку: «такое ученіе, съ чувствомъ произнесенное, производитъ громадное впечатлѣніе на нашихъ простыхъ слушателей... Но слѣдуетъ и то сказать, что нѣкоторые священники, желая возбудить чувство слушателей и довести его до известной степени напряженія, едаются при этомъ съ крайности... Такъ, къ прощанію съ родными принадлежатъ и прощаніе съ порогами, чрезъ которые ходилъ умершій, и зеленый садикъ, и любимую скотинку, и тѣхъ воловъ, которые доведутъ умершаго до мѣста его послѣдняго упокоенія...» Конечно, при большемъ развитіи народъ перестанетъ интересоваться илюзіей «прощя»...

5) *Отрывокъ изъ церковно-приходской лѣтописи с. Мал. Скеирки, скеирскую уезда, (№ 13)*, показываетъ, что епархіальному начальству слѣдовало бы точнѣе обозначить цѣль и предметъ рекомендованныхъ имъ приходскихъ лѣтописей, чтобы не происходило траты времени у лѣтописцевъ на разрѣшеніе вопросовъ: «что и какъ долженъ я писать въ своей церковно-приходской лѣтописи?» Отвѣтъ на этотъ вопросъ (стр. 363—470) только и составляетъ напечатанный здѣсь отрывокъ. Думается, что печатать подобныя литературныя упражненія незачѣмъ.

6) *Исключеніе изъ титула митрополитовъ кіевскихъ словъ «митрополитъ вся Малыя Россіи», (№ 18)*, прот. П. Орловскаго, произошло въ 1767 г. по слѣдующему частному случаю: тогдашній гадяцкій полковникъ Антонъ и братъ его, роменскій протопопъ, Константинъ Крыжановскіе (оба выкрещенные евреи) рѣшили отправить своихъ сыновей въ лейпцигскій университетъ для окончанія образованія, полученнаго ими въ кіевск. дух. академіи, причемъ К. Крыжановскій согласился самъ ѣхать съ молодыми людьми за границу и остаться тамъ, пока они будутъ учиться, на что назначенъ былъ двухлѣтній срокъ. За двухлѣтнимъ отпускомъ протопопъ Крыжановскій и обратился къ кіевскому митрополиту, а когда послѣдній ограничилъ отпускъ восьмью только мѣсяцами, то полковникъ Крыжановскій обратился съ просьбою въ синодъ—разрѣшить брату двухлѣтній отпускъ. Въ отвѣтъ на эту просьбу синодъ отвѣтилъ ука-

зомъ кievскому митрополиту, что отвускать протопопа за границу совсѣмъ не слѣдовало, почему предписалъ: «помянутого протопопа Константина изъ Саксоніи возвратити въ Малороссію», и кромя того, при этомъ добавилъ: «а какъ изъ даннаго тому протопопу изъ консисторіи ваш. преосв.—ва указу оказалось, что в. пр.—во въ ономъ указѣ именованы митрополитомъ кievскимъ, галицкимъ и всея Малы Россіи, а она Малороссія не въ единой кievской в. и.—ва епархіи, но еще у двухъ преосвященныхъ состоитъ, то одному в. пр.—ву такового титула присвоить себѣ не должно, и для того впредь в. пр.—ву митрополитомъ Малы Россіи себя не именовать...» Тогдашній митрополитъ Арсеній сталъ было возражать, ссылаясь на пожалованныя грамоты к. XVII и нач. XVIII в., а когда эти возраженія не имѣли благопріятныхъ послѣдствій, то просьба о возвращеніи Кievскимъ митрополитами прежняго ихъ титула была включена въ составленный тѣмъ же митрополитомъ проектъ «о дарованіи малороссійскому духовенству разнаго рода выгодностей», который долженъ былъ поступити въ «комиссію о сочиненіи новаго уложенія...».

7) *Странствующій украинскій философъ Гр. Сав. Сковорода* (№ 20), очеркъ сваящ. Н. Стеллецкаго, составленный по случаю столѣтія со дня смерти Сковороды.

8) *Письмо Кievск. митроп. Рафаила къ молдавскому митрополиту съ объясненіемъ, въ чемъ состоитъ заблужденіе раскольниковъ (пильповцевъ), поселившихся въ Молдавіи.*

9) *Рождественскія колядки или славленіе Христа* (№ 24), Г. Лисавскаго, описаны такъ, какъ онѣ практикуются теперь въ звингородскомъ уѣздѣ. — Въ первый день праздника, послѣ вечерни, колядники собираются... Чтобы эффектъ съ освѣщеніемъ изъ бумажнаго фонаря (съ помѣщаемымъ въ среднѣй прозрачнымъ изображеніемъ Рождества Христова), былъ полный, поджидаютъ, пока стемнѣетъ, — зажигаютъ звѣзду (т. е. приготовленный зараньше «зубчатой формы бумажный фонарь») и идутъ къ священнику. Священникъ, дабы выразити свое уваженіе къ дѣлу, приглашаетъ ихъ въ домъ, стоя, выслушиваетъ одну—двѣ колядки¹⁾, жертвуетъ отъ себя нѣсколько конфетъ и преподавъ имъ благословеніе, отпускаетъ съ

¹⁾ Не всѣ священники такъ поступаютъ. Нѣкоторые ограничиваются только сухимъ разрѣшеніемъ, а другіе открыто запрещаютъ этотъ обычай и даже, въ не удовольствіи приходятъ, запрещаютъ «коляду», ссылаясь на случившіяся безпорядки. — *Примеч. автора статьи.*

настырскимъ наставленіемъ—честь исполнить свой долгъ. Отъ священника колядники идутъ къ ближайшему хозяину, отъ того къ другому и такъ далѣе, пока не обойдутъ всего села. Передъ каждымъ домою или въ доми поютъ не больше одной «колядки» закончивая и пожеланіемъ хозяину: «Добрый вечеръ, пане господарю! Поздравляюъ тебе съ цимъ празникомъ—Рождествомъ Христовымъ,—зъ миромъ, покоемъ, добрымъ здорověемъ! Дай намъ, Боже, цей празникъ отправадыты та нового году дочекаты, нисля нового году—Богоявленія, нисля Богоявленія—Воскресенія, а вы, колядники, скидайте шапочки, та кажитъ; дай Боже!» Приѣтъ говорить «береза»¹⁾; при послѣднихъ же двухъ словахъ онъ обращается ко всѣмъ, а тѣ, снявъ шапки, вмѣстѣ съ нимъ громко кричатъ: «Дай Боже!» Благодарный хозяинъ выноситъ имъ за трудъ хлѣбъ, куски сала,—колбасу, а иногда и денегъ. Хлѣбъ берутъ въ мѣшки парни. Чтобъ не быть неожиданными гостями, колядники извѣщаютъ хозяевъ о своемъ приближеніи звономъ маленькаго церковнаго колокольчика. Черезъ два-три дня они усѣиваютъ обойти все село. «Староста» съ казначеемъ или уполномоченными отъ компаніи считаютываютъ хлѣбъ, устанавливаютъ цѣну и продаютъ желающимъ купить. Вырученныя отъ продажи деньги присоединяются къ общей суммѣ и отдаются на сохраненіе церковному старостѣ. Староста, съ вѣдома священника, можетъ пустить ихъ до времени въ оборотъ. Черезъ лѣтъ пять-шесть накопляется порядочная сумма колядничихъ денегъ. На эти деньги, по желанію колядниковъ, покупается или колоколъ, или крестъ въ церковь, обновляются иконы, а иногда они идутъ на ремонтъ или постройку церковно-приходской школы.

«Родина «колядки», вѣроятно, Галиція, тамъ она имѣетъ такъ сказать права гражданства. Въ Галиціи поютъ ее не на улицахъ только, какъ это бываетъ у насъ, но и въ храмахъ, вмѣсто частныхъ стиховъ. Этотъ обычай освящаетъ «колядку» и предохраняетъ ее отъ извращенности...»²⁾.

¹⁾ Авторъ говоритъ что „распорядителями колядокъ въ Малороссіи назывались и старостами“ или „березами“.—Послѣднее названіе относится, повидимому, только къ правому берегу.

²⁾ Статья заключена такимъ примѣчаніемъ редакціи: „къ сожалѣнію, но независимыиъ отъ насъ обстоятельствамъ, ни не можемъ помѣстять здѣсь пріславленныиъ нами авторомъ девяти колядокъ, нереложенныиъ даже на воум“.

Изъ этой замѣтки видно, что колядники на правомъ берегу Днѣпра, употребляя собираемыя ими подачки на нужды церкви, применили къ церковнымъ братствамъ. Къ сожалѣнiю, авторъ не говоритъ—повсемѣстное ли это явленiе въ правобережной Малороссiи.

4. Иванъ Романовичъ Мартосъ.

(р. ок. 1760 † 1831).

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ.

Мартосы происходятъ отъ лубенскаго полкового судьи Мартына Мартоса, который, повидимому, не имѣлъ никакого состоянiя, почему потомство его очень скоро и измелъчало. Сынъ судьи—Михайло еще былъ бунчуковымъ товарищемъ, но внукъ Федоръ былъ уже только войсковымъ товарищемъ, правнукъ Романъ—только значковымъ товарищемъ, т. е. тѣмъ-же рядовымъ козакомъ, но только грамотнымъ и, кромѣ того, залучившимъ къ себѣ двѣ-три семьи подсосѣдковъ. Вотъ у этого-то Романа Мартоса было два сына,—Иванъ и Федоръ, которые для того, чтобы выбиться въ люди, стали учиться. Старшій, Иванъ, (родился въ Глуховѣ) довелъ ученiе свое до кievской академiи, послѣ которой поступилъ, въ 1778 г., въ военную службу и опредѣленъ былъ въ гвардію нижнимъ чиномъ, но не будучи склоненъ въ военной службѣ, а, напротивъ, имѣя природный даръ къ юридической словесности, опредѣлился въ штатъ гетмана Кирилла Григорьевича Разумовскаго, при которомъ и служилъ, по смерти гетмана, въ званiи кабинетнаго секретаря^а. Свѣдѣнiя эти записалъ ближайшій другъ И. Р. М—са, В. Я. Ломиковскій, на рукахъ котораго М. и умеръ. Нѣтъ сомнѣнiя, что запись сдѣлана со словъ М—са, такъ какъ никакихъ бумагъ о своей молодости послѣдній не оставилъ. Далѣе Ломиковскій продолжаетъ: „гетманъ Разумовскій, увидѣвъ, что М.—имѣеть необыкновенный даръ ума, великую способность къ административнымъ дѣламъ, неустанную дѣятельность, точность по

дѣламъ службы, а при томъ безкорыстность, доброму сердцу и благородство души, имѣлъ къ нему полное довѣріе. Гетманъ въ кругу приближенныхъ не однажды говорилъ: М. одинъ, другого нѣтъ! ¹⁾ Черезъ эти то христіанскія добродѣтели Мартосъ во всю жизнь свою встрѣчалъ крайне чувствительныя горести. По смерти гетмана Разумовскаго, наслѣдники (послѣдняго) много огорчили М—са, и онъ, можно сказать, оставшись въ нищетѣ, пошелъ въ гражданскую службу въ гродненскую губ. При восшествіи на престолъ Павла I, въ 1796 г., М. сопровождалъ въ Спб. бывшаго послѣдняго польскаго короля Станислава Понятовскаго. Тогда М. опредѣлился въ службу въ правит. сенатъ и продолжалъ оную въ разныхъ присутственных мѣстахъ, въ особенности въ удѣльномъ д—тѣ, въ которомъ, находясь въ званіи камериера и столоначальника, съ 1797 г. по 1802, составилъ общее наставленіе для управленія всѣхъ удѣльнаго вѣдомства сельскихъ приказовъ. Затѣмъ, служилъ въ прав. сенатѣ секретаремъ и оберъ секретаремъ по 1809 г.² Далѣе изъ бумагъ Мартоса видно, что въ 1809 г. онъ перешелъ на службу въ министерство юстиціи, экспедиторомъ департамента, а когда директоръ д—та гр. Салтыковъ назначенъ былъ, въ 1813 году, оберъ-прокуроромъ, то М—су поручено было исправленіе должности директора. Вслѣдъ за назначеніемъ Трощинскаго министромъ юстиціи, М. съ 1-го января 1815 г. былъ назначенъ директоромъ департамента. Но въ слѣдующемъ году М. вышелъ въ отставку, по болѣзни, съ пенсіей въ три тысячи рублей.

Вотъ краткій послужной списокъ М—са, изъ котораго впрочемъ нельзя видѣть того значенія, которымъ пользовался Мартосъ

¹⁾ Въ обширной своей перепискѣ Мартосъ только разъ вспомнилъ Разумовскаго: въ письмѣ къ Трощинскому 1824 г., говоря о дѣластвѣхъ отъ старческихъ немощей, М—съ пишетъ: „на сей разъ необходимо вспомнить послѣдняго нашего малороссійскаго гетмана графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго, вѣроятно вамъ болѣе знакомаго, нежели мнѣ, который всякій годъ обновлялъ себя чрезъ употребленіе майскихъ соковъ, кои употреблены были пользовавшимъ его докторомъ. Тѣмъ самымъ отставной гетманъ ублажалъ свою старость и достигалъ, какъ выѣство, до самыхъ позднихъ лѣтъ, а средствомъ къ сему служили самая простая растенія, выѣстима подлинна“.

среди петербургских чиновниковъ, благодаря его „практическимъ познаніямъ юриспруденціи и особеннымъ успѣхамъ въ словесности сего рода“, какъ писалъ Трошчинскій въ своемъ представленіи объ утвержденіи М—са директоромъ департамента. Изъ сохранившейся частной переписки Мартоса, за время его службы въ м—въ юстиціи, видно, что онъ пользовался репутаціей вліятельнаго дѣльца, къ помощи котораго обращались и такъ называемые высокопоставленные люди. Изъ этихъ писемъ видно, напр., что грузинскій царевичъ Давидъ просилъ (1815 г.) Мартоса ходатайства передъ министромъ по какому-то дѣлу; „государственный докладчикъ“¹⁾ Марченко уведомляетъ М—са, что онъ „по его порученію объяснялся съ графомъ Алексѣемъ Андреевичемъ (Аракчеевымъ); гр. Безбородко (И. А.) проситъ М—са „удѣлить ему часть времени и назначить сей часть“, чтобы поговорить объ одномъ дѣлѣ и т. д.—Будучи дѣловымъ чиновникомъ, М. въ тоже время былъ хорошо образованнымъ человекомъ, при чемъ образованіе это выражалось въ полномъ знакомствѣ съ классической литературою, а отчасти и съ французскою, съ которою М. знакомился, вѣроятно, уже послѣ академіи. Но русскій образованный человекъ нач. XIX вѣка вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ быть, почти необходимо, и масономъ. Былъ масономъ и М. Когда по закрытіи въ 1822 г. масонскихъ ложъ, отъ бывшихъ ихъ членовъ отбирались свидѣнія о началѣ ихъ масонства, то М. отвѣчалъ: „прежде, съ 1810 г. или 1812, чего навѣрное не припомню, хотя принадлежалъ я нѣсколько времени, два или три года или болѣе, также не помню вѣрно, къ тайному обществу, которое существовало въ С. Петербургѣ—ложи Елисаветы добродѣтели, однако посѣщенія мои были не весьма долговременны и постоянны, съ начала по причинѣ моихъ недосуговъ по службѣ, а потомъ и по чрезвычайнымъ недугамъ, побудившимъ меня оставить и службу, и столицу, въ 1816 г.“ При этомъ, отвѣчая на вопросъ о цѣли масонства, М—съ, между

¹⁾ Такъ назывался тогда, возведенному, управляющій дѣлами комитета министровъ.

прочимъ, писалъ: „дѣлъ общества заключается въ познаніи себя и познаніи рукъ Божіихъ или природы, равно дѣйствительнаго выполненія, а не на словахъ только, любви къ ближнему и прочихъ добродѣтелей, находящихся въ совершенномъ согласіи со всѣми христіанскими добродѣтелями, въ которыхъ назидаетъ насъ православная восточная или греко-россійская церковь, такъ какъ источникъ истиннаго просвѣщенія блюдетъ не столько въ книжкахъ, сколько въ сердцахъ“.

М. оставилъ службу по болѣзни, выразившейся въ нервномъ разстройствѣ; быть можетъ, эта болѣзнь вмѣстѣ съ масонствомъ и развили въ М—сѣ тотъ мистицизмъ, который составляетъ сущность его интимной переписки за время жизни въ отставкѣ. Можно сказать, что мистицизмъ въ это время настолько поглотилъ М—са, что почти затемнилъ въ немъ живого человѣка. А между тѣмъ это былъ человѣкъ, хорошо подготовленный къ научнымъ занятіямъ русской исторіей, какъ это видно изъ единственной напечатанной М—сомъ книжки—*Исслѣдованіе баннаго строенія, о которомъ повѣствуетъ лѣтописецъ Несторъ*. (Спб. 1809. 8 д., 35 стр. Безъ имени автора). Въ этой книжкѣ М. пытается объяснить то мѣсто изъ первоначальной русской лѣтописи, гдѣ говорится, какъ епископъ Ефремъ въ Переяславѣ „воздвигъ городъ камень и строеніе банное каменное“. Какъ извѣстно, русскіе историки к. XVIII в. въ „банномъ строеніи“ видѣли народныя бани. Такое объясненіе „банному строенію“ давали Татищевъ, Щербатовъ и Стриттеръ; такое-же объясненіе „банному строенію“ давалъ и митрополитъ Платонъ въ его церковной исторіи. Одинъ только Болтинъ не принималъ такого объясненія, думая въ „банномъ строеніи“ видѣть крестильную купель. Не видѣлъ въ „банномъ строеніи“ „парильныхъ“ бань и М.— „Всякъ можетъ согласится, что къ полному разумѣнію Несторовыхъ повѣствованій, необходимо нужно знать, въ какой онъ былъ странѣ Россіи? Не видишь-ли у себя множество примѣровъ, сколь часто нарѣчія одного округа бываютъ невразумительны въ другомъ? Сколько разъ сіе было причиною, что важнѣйшая историческая истина принята въ иномъ видѣ и совершенно противно толкована къ затемненію подлинныхъ и

достопамятныхъ произшествій древности? Исходя изъ того, что „отецъ російской исторіи“ Несторъ жилъ и писалъ свою лѣтопись въ Кіевѣ, М. полагаетъ, что „неестественно, чтобы онъ, Несторъ, не употреблялъ такихъ словъ, кои тогда были свойственны тамошнему округу, кои вѣроятно и нынѣ частію употребительны, только немногимъ извѣстны, слѣдовательно мѣстное извѣстаніе можетъ намъ подать важное пособіе... Вскорѣ надобность указала мнѣ ѣхать въ Кіевъ... При выѣздѣ моемъ изъ дому получилъ я разныя препорученія: кому для счастья нужны были колечки великомученицы Варвары, кому для здоровья кипарисныя крестики и образки, кому для спасенія души—карманныя молитвенники, а кому для лакомства—сахарныя кіевскія варенья. Находясь въ Кіевѣ, поѣхалъ я, между дѣломъ, на Подоль, къ той знаменитой кіевлянкѣ, которая прославилась лучшимъ приготовленіемъ своихъ вареньевъ... Она во время прибытія моего находилась посреди своихъ работницъ, коихъ было до 30-ти, занимаясь распоряженіемъ своихъ дѣлъ... Не прошло болѣе двухъ четвертей часа нашего пребыванія въ горницѣ, какъ внезапно поднялась престрашная буря, застучали ставни и окошки... Распространилась ужасная туча и все вокругъ покрыла мракомъ... пошелъ сильный дождь... Еще продолжался на дворѣ ослабѣвшій и тихій дождь, какъ прибѣжала въ горницу дѣвочка вся мокрая и сказала сіи слова: господи! насъ дождь засталъ на мостовой и весь розовый цвѣтъ въ корзинкахъ перемочило, а у Притиска Николая сломило на банѣ крестъ.—Иной могъ бы сіи послѣднія слова такъ понять, что какой-нибудь Николай Притискъ, Притисковъ, Притисченко или Притисковскій имѣлъ у себя домашнюю баню и на ней, по какому нибудь старому завѣту, поставилъ крестъ, который бурей сбило. Я спросилъ хозяйку—не въ домѣ ли ся сродника или пріятеля послѣдовалъ объявленный случай?—Нѣтъ, не у пріятеля и не у сродника, отвѣчала она, это случилось въ домѣ чудотворца Николая, и подумайте, какая была буря, даже крестъ на церквѣ сломила: слава Богу! что сія сила миновала мой домъ. Получивъ такой отвѣтъ на мой вопросъ и вздумавъ для препровожденія времени болѣе распространить сей разговоръ, продолжалъ—я васъ не понимаю, ма-

тушка, вамъ дѣвочка сказала о крестѣ и банѣ какого то Николая Притиска, а вы мнѣ говорите о крестѣ и церквѣ Николая Чудотворца, но между банею и церковью и между Притискомъ и Чудотворцемъ большая разница, прошу васъ рассказать мнѣ о томъ яснѣе.—Я вамъ уже сказывала и еще повторяю, что, по словамъ дѣвочки, на нашей церкви, нзъ давна прозванной по нѣкому въ сей церквѣ чуду—Притискомъ, буря сломила крестъ.— На семъ я не упустилъ остановить свою кievлянку, говоря ей: вамъ дѣвочка при мнѣ объявила о банѣ, въ чемъ вы меня переувѣрить не можете, ибо я самъ ея слова слышалъ, однакожъ вы мнѣ говорите о церквѣ; то нзъ насъ кто нибудь неправъ, или я васъ не понимаю, или дѣвочка промолвилась, или—вы хотите на мой щетъ позабыться.—Вотъ какую вы штуку выдумали, продолжала старуха; но пожалуйста скажите мнѣ, на чемъ у васъ наружный церковный крестъ утверждается?—Если вы меня спрашиваете о томъ крестѣ, который бываетъ на самомъ верху церкви, то онъ у насъ утверждается на куполѣ—отвѣчалъ я.—Сей самый вашъ куполъ у насъ въ просторѣчїи называется баня.—При сихъ словахъ застучала на дворѣ коляска и хозяйка молвила: да вотъ отецъ протопопъ къ намъ прїѣхалъ, онъ вамъ лучше моего рассказать можетъ, что значитъ церковная баня. Оставаясь въ ожиданїи прїѣзжаго, подумалъ я про себя—какой странной случай способствуетъ мнѣ теперь открыть предметъ, столь долгое время скрывавшїйся въ древнихъ выраженїяхъ Нестора, подлинно человѣку наблюдательному надобно со вниманїемъ выслушивать и неопытныхъ дѣвочекъ, не только искусившихся женщинъ, а протопоповъ и того болѣе. Кіевлянка моя, послѣ краткихъ учтивостей, объявила новому гостю нашъ разговоръ. Я въ своемъ тонѣ подтверждалъ ея слова и спросилъ отца протопопа разрѣшить мое недоумѣніе!—Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнїя, что высокой сводъ надъ церковнымъ зданїемъ у насъ въ просторѣчїи называется баня. Въротно, дано ему сіе наименованїе по наружному его сходству съ круглымъ сосудомъ, который собственно у насъ называется банка, баночка, по той же причинѣ, какъ и водяные пузыри, каковыя видите на этихъ дождевыхъ лужахъ, называются уменьшительно банька, а вмѣсто увеличи-

тельнаго слова банчище, поелику такового окончанія слова употребляются только тогда, когда говоримъ о чемъ-нибудь съ презрѣнiемъ, кажется надлежитъ сказать баня, отсюда происходитъ банный, банная, банное строенiе. Сiе зданiе появилось у насъ послѣ введенiя христіанства; вещь была новая, собственнаго имени на русскомъ языкѣ не имѣла; какъ скоро дали ей названiе баня, такъ оно показалося приличнымъ и принято. Я не защищаю изыщества наименованiя, промолвилъ отецъ протопопъ, но употребленiе сего слова въ нашей сторонѣ въ смыслѣ церковной главы или купола, понынѣ продолжающееся, должно рѣшить всякое недоумѣнiе¹.

„Благодарилъ я своему новому знакомцу за такое оного слова объясненiе, а притомъ объявилъ ему и прямую свою въ томъ надобность. Мы съ нимъ согласнаго были мнѣнiя, что всѣ наши почтенные писатели банное строенiе принимали не въ томъ смыслѣ, въ какомъ написалъ преподобный Несторъ“...

Заинтересовавшись услышаннымъ объясненiемъ слова баня, М. написалъ свои догадки къ объясненiю словъ—строенiе банное каменное, составивши брошюру—*„Изслѣдованiе баннаго строенiя“*, изъ которой мы и взяли приведенный отрывок²).—Догадки М—са вызвали возраженiя Каченовскаго (Вѣст. Евр. 1810 г.), на которыя М. отвѣчалъ пространною статью—*„Изложене спорозъ о банномъ строенiи, о которомъ повѣствуемъ летописецъ Несторъ“*²). Изъ статьи этой видно обстоятельное знакомство М—са съ литературою русской исторiи. Ему извѣстны были не только русскiя сочиненiя, но онъ хорошо былъ знакомъ, напр., съ извѣстною книгою Чацкаго—*„О литовскихъ и польскихъ правахъ“*; хорошо знакома была М—су и *Литовская метрика*, „недавно передъ тѣмъ перевезенная въ С.-Петербургъ изъ Варшавы“. Отвергая возраженiя Каченовскаго рядомъ соображенiй, основанныхъ на томъ или другомъ сопоставленiи фактовъ, М. говоритъ: „очевидное сомнѣнiе, останавливая на каждомъ шагѣ любителя древности относительно баннаго строенiя, принуждаетъ искать разрѣшенiя

¹) Мы не имѣли подъ руками печатной брошюры М—са, а пользовались рукописнымъ ея экземпляромъ съ собственноручными поправками автора.

²) Вѣст. Евр. 1811 г., № 22, стр. 116—139 и 1812 г., № 1, стр. 25—52.

не въ буквально́мъ смыслѣ словъ, но въ пространнѣйшемъ соображеніи обстоятельствъ, ина́кче въ такомъ случаѣ, когда всѣ писатели (русскіе историки) соглашаются, что Ефремъ произвелъ въ Переяславѣ нѣчто новое и никогда небывалое въ Россіи.— Санъ епископа Ефрема возлагалъ приличную на него обязанность пещись о благосостояніи монастыря и благолѣпіи церкви. Его житіе насъ увѣряетъ, сколько онъ имѣлъ къ тому любви и призванности, что ви́няя сіе за чести́йшее себѣ и любезнѣйшее дѣло, мнилъ умножить онымъ и самую хвалу пресвятому имену Божію; слѣдственно воздвигнутое имъ *банное строеніе* должно составлять плодъ его любви къ церковному великолѣпію. Какой же видъ имѣло сіе банное строеніе, которое по свидѣтельству *современнаго* лѣтописца было новое въ Россіи и дивное?—Критика (Каченовскаго) наводитъ свое любимое сомнѣніе, стараясь обратить предметъ изслѣдованія въ прежній нравъ; но въ настоящемъ случаѣ не должно ли намъ по руководству разсудка предпочесть вѣрныхъ источниковъ, изъ которыхъ можетъ почерпнуть касательно сего ясное разумѣніе?—Прославленная житіемъ епископа Ефрема любовь его къ церковному великолѣпію, преимущество лѣтописца Нестора предъ прочими нашими древними писателями, ощутительное сходство нарѣчія ей съ нарѣчіемъ кievскаго края, наконецъ, явственное стеченіе согласующихся обстоятельствъ, нарочитымъ образомъ удостовѣряютъ въ истинѣ обнаруженной изслѣдованіемъ и въ существенномъ качествѣ строенія, открывая въ ономъ куполѣ, столь много соотвѣтствующіе намѣренію благочестиваго строителя, ибо дѣйствительно придаютъ видъ церквамъ великолѣпнѣйшій^а.

Итакъ, приведенныя въ изложеніи семъ доказательства могутъ совершенно приготовить любопытныя умы къ рѣшенію возникшаго спора въ пользу исторической истины, ибо есть степени вѣроятія, на которыхъ позволительно сомнѣваться, но есть и другія степени вѣроятія, на которыхъ сомнѣніе бываетъ предосудительно^а.

И брошюра *О банномъ строеніи*, и отвѣтъ Каченовскому показываютъ въ М—сѣ ученаго, обстоятельно знакомаго, какъ съ литературою вопроса, такъ и съ критикою текста письменныхъ

памятниковъ, причемъ нельзя еще не замѣтить въ изложеніи М-са и той логической послѣдовательности, съ которой онъ излагаетъ свои выводы. Къ сожалѣнію ученость свою М. примѣнилъ въ одному только этому вопросу—о „банномъ строеніи“.

Оставивъ службу, М. рѣшилъ уѣхать изъ Петербурга на югъ Россіи, для поправленія своего здоровья. Сначала онъ направился въ Глуховъ, чтобы, тамъ осмотрѣвшись, выбрать себѣ гдѣ нибудь въ Малороссіи пріютъ, такъ какъ никакой земельной собственности тутъ (да и нигдѣ) у него не было. За то у М—са были друзья. Такими друзьями были у него и братья Гамалѣи, Гаврило и Иванъ Михайловичи, изъ которыхъ первый жилъ въ конотопскомъ своемъ селѣ Семяновѣ, а другой—въ путивльскомъ своемъ же селѣ Клепалахъ. Гамалѣи вели въ это время большой земельный процессъ съ путивльскимъ своимъ сосѣдомъ Череповымъ, причемъ главнымъ ихъ совѣтчикомъ былъ М.—Жившій ради этого процесса въ Петербургѣ болѣе десяти лѣтъ, Иванъ Гамалѣя писалъ оттуда къ М—су, въ Глуховъ, 27 октября 1816 г.—„узнавши чрезъ письмо моего брата, что вы уже находитесь въ Глуховѣ, честь имѣю васъ, м. г., поздравить прібытіемъ въ отечество! Какъ мнѣ жаль, что я теперь не въ Клепалахъ, чтобъ показать вамъ, сколько я васъ почитаю и люблю; но если сему по Черепова вознямъ такъ быть уже должно, по крайней мѣрѣ пріймите, м. г., мою усердѣйшую просьбу о томъ, чтобы требовать и получить изъ Клепалъ все безъ исключенія, что вамъ только потребнымъ быть можетъ для продовольствія; а есть ли бы для васъ не скучно только показалось и жить въ Клепалахъ, то и о семъ усердѣйше просилъ бы васъ“... Приглашеніе поселиться въ Клепалахъ М—сомъ было принято, и онъ въ нач. ноября писалъ Гамалѣѣ: „пользуясь дружескимъ расположеніемъ вашимъ, я имѣлъ удовольствіе не только посѣтить вашъ родительскій домъ, окруженный прекраснѣйшими видами живописныхъ окрестностей, но и рассмотреть вашу деревенскую бібліотеку, въ которой нашлось весьма изобильное число знакомыхъ и незнакомыхъ мнѣ книгъ, а наконецъ и такихъ, кои для меня были весьма любопытны. Въ числѣ послѣднихъ оказалась рукописная книжца подъ заглавіемъ—*Зерцало богословія*

сромоната Кирилла Транквиліона, печатанное въ 1692 г... По ближайшемъ обзорѣніи моемъ сего любопытнаго отрывка древности, я нашелъ, что онъ не всуе носить на себѣ именованіе *Зерцало богословія*... и взялъ на себя трудъ, изъ уваженія къ священному предмету и къ прежней нашей словесности, перевести или, лучше сказать, передѣлать сію рукопись съ русскаго стариннаго и почти забвеннаго уже нарѣчія, на употребительное, собственно для себя и для друзей сердца моего, въ числѣ конхъ вы занимаете высокое мѣсто совокупно съ вашими ближними"... На это письмо Гамалѣи отвѣчалъ (20 ноября 1816 г.)— „Письмо ваше я имѣлъ радость получить 13 ноября, въ день моихъ именинъ, въ четыре часа пополудни, когда гости мои сидѣлись за обѣдъ... и—доставить неложное удовольствіе всему моему обществу безъ исключенія, что вы, благодаря Бога, въ отечественномъ климатѣ наслаждаетесь добрымъ здоровьемъ. На другой день, потомъ, я слышалъ отъ одного изъ дежурныхъ, что самъ министръ (Троцинскій) былъ очень обрадованъ вашимъ къ нему письмомъ и пересказывалъ за обѣдомъ о необыкновенномъ въ наше время философѣ города Глухова, который отъ 1000 рублей всего капитала, изъ процентовъ, навинаетъ квартиру съ садомъ, одѣвается, обувается и ѣсть, и не принимаетъ ни отъ кого никакой услуги... Любо мнѣ было читать хвалу вашу Клепальскому мѣстоположенію... Если бы такую я имѣлъ отраду, когда бы Клепалы вамъ понравились столько, чтобы вы согласились ниѣтъ въ нихъ ваше непремѣнное пребываніе, покуда находится будете въ тамошнихъ мѣстахъ"... Не смотря на такое дружеское приглашеніе, въ Клепалахъ М. не остался и въ январѣ 1817 г. уѣхалъ оттуда въ Прилуку, къ какому-то Троляновскому, чтобы оттуда весной ѣхать лѣчиться на кавказскія воды.—Переѣзжая съ мѣста на мѣсто, М. не прерывалъ переписки съ друзьями, какъ это видно напр. изъ письма, писаннаго къ нему 28 января 1817 г., изъ Минска, тамошнимъ архіепископомъ Анатолиемъ, которому М. писалъ о своемъ намѣреніи ѣхать на Кавказъ. Преосв. Анатолій (Максимовичъ, родомъ изъ Лубенъ) былъ близкимъ товарищемъ М—са по кievской академіи, судя по его письму, въ которомъ пишетъ: „Вы поѣхали не въ ту сторону

иностранныя воды лучше, а минскій воздухъ цѣлебнѣе всѣхъ минераловъ, и Минска миновать бы было не можно, по крайней мѣрѣ не слѣдовало бы. Безъ шутки скажу, что мѣсто здѣсь преузорочное и воздухъ очень здоровый; увѣряютъ, что положеніе Минска выше морской воды на 450 фут.—Малороссія и мнѣ показалась не лучшею; это не отъ того, что мы жили въ столицѣ, нѣтъ, она дѣйствительно упадаетъ. И въ языкѣ, и въ обычаяхъ весьма много осталось признаковъ, что она единоплеменна здѣшнему краю, но состояніе ихъ весьма различно. Много бы мы побесѣдовали съ вами о сей матеріи. Надобно вамъ возвращаться поскорѣе къ Дмитрію Прокофьевичу (Трощинскому), чтобы поддержать несчастное и при всемъ томъ любезное отечество наше (?). Не нужно вамъ доказывать, что на сей случай кавказскимъ водамъ я желаю особенной силы и дѣйствія противу всѣхъ недуговъ и молю Бога да обновитъ и укрѣпитъ васъ; да возвратитъ вамъ здравіе и благодушіе тѣхъ счастливыхъ лѣтъ, какія вы почитаете наилучшими въ жизни своей... Подписываясь подъ этия письма, преосв. Анатолій называетъ себя „старою друа богомольцовъ“.

Поѣхавъ на Кавказъ, М. пробылъ тамъ до осени 1817 г. и хвалился оттуда друзьямъ, что воды ему помогли. Съ Кавказа М. проѣхалъ въ Таганрогъ, гдѣ младшій его братъ Федоръ служилъ предсѣдателемъ коммерческаго суда. Въ Таганрогѣ М. прожилъ зиму 1817—1818 г. и отправился въ Полтаву, гдѣ продолжалъ свое лѣченіе до осени 1818 г., когда переѣхалъ въ миргородское село Кибинцы—погостить у бывшаго своего министра Трощинскаго. Живя здѣсь, М. не зналъ еще, повидному, гдѣ ему пріютиться на постоянное житье. Капнистъ (В. В., поэтъ) писалъ М—су въ Кибинцы (1 окт., 1818 г., изъ своей Обуховки): „Андрей Андреевичъ (Трощинскій, племянникъ министра) извѣщаетъ меня, что вы располагаете ѣхать къ какому-то пріятелю вашему, а я прошу васъ для проведенія осени, по крайней мѣрѣ, дать мнѣ предпочтеніе. Повѣрьте мнѣ, что обуховское понравившееся вамъ мѣстоположеніе и лѣчебная... (*неразобрано слово*) вода были бы весьма полезны для вашего здоровья; сверхъ же того вы бы сдѣлали посѣщеніемъ вашимъ чувствительнѣйшее

одоженіе. Не откажите онаго*... Но М. собирався переѣхать въ Пирятинъ къ какому-то пріятелю. Приглашали М—са также и въ кіевскую лавру, гдѣ въ это время былъ намѣстникомъ арх. Антоній Смирницкій, родомъ изъ с. Рудки, лубенскаго уѣзда; это былъ тоже товарищъ М—са по кіевской академіи и тоже пріятель. Вѣроятно, при посредствѣ этого намѣстника, М. тогда помогъ лаврѣ въ большомъ процессѣ ея за какія то рыбныя ошера. Процессъ лавра выиграла и намѣстникъ писалъ М—су: „указъ, въ копіи приложенный вами, послѣлъ въ то самое время, когда намъ должно было приступить къ пріему рыбныхъ ловель. Попеченіе ваше о мельницахъ и копію посланнаго вамъ въ Петербургъ письма св. лавра дорого цѣнить. Понтифексъ (митрополитъ) и всѣ соборныя старцы читали сію (?) многократно съ великимъ удовольствіемъ и благодарностью. Смѣю сказать, что любовь ваша къ св. обителя сей вождедѣнна и самому великому нашему отцу архимандриту, вже надъ вратами. По вдохновенію его, вы писали, куда слѣдуетъ, въ пользу лавры... Долго ли вы пробудете въ Полтавѣ и куда оттоль отправитесь? Аще живы будемъ и Господь восхочетъ, не угодно ли будетъ вамъ поспѣшить къ св. четыредсятицѣ въ любимый вами спокойный уголокъ. Теперь отарываются и другія келіи, въ которыхъ бы далѣе и далѣе пожить можно“. (11 авг., 1818 г.). Черезъ десять дней послѣ этого арх. Антоній снова писалъ къ М—су: „Я съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего пріятнѣйшаго увѣдомленія, скоро ли вы въ любимый свой уголокъ возвратитесь? Я не думаю, чтобы нынѣшня ваша разсѣянность разсѣяла или повредила благія мысли ваши, во благомъ сердцѣ вашемъ глубоко вкоренившіяся. О памяти вашей о почтеннѣйшемъ старцѣ нашемъ о. Вассіанѣ и о вашемъ къ нему благоговѣніи я ему докладывалъ. Отецъ Вассіанъ... благословлялъ имя ваше и виѣсть со мною единодушно желаетъ вашего неукоснительнаго въ лавру прібытія“...¹⁾ Изъ этихъ писемъ видно, что М. хорошо былъ

¹⁾ Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ М—су, И. М. Гамалія говоритъ объ этомъ старцѣ, котораго онъ видѣлъ, будучи въ лаврѣ: „я также видѣлъ тамъ и снѣного, благообразнаго іеромонаха, едвали ли именомъ не Вассіана, обращенія пре-

знакомъ и съ лаврой и съ ея братіей, и что въ лаврѣ какъ будто и ждали его. М. дѣйствительно рѣшилъ поселиться въ лаврѣ. „Мнѣ сдѣлалось весьма тягостно скитаться по такъ называемымъ пріятельскимъ домамъ, гдѣ я всегда долженъ былъ держать себя въ принужденномъ состояніи“. Такъ писалъ М. къ „великому магистру ложъ“ Левенгагену, въ 1820 г., объясняя свое рѣшеніе поселиться въ лаврѣ.—Въ февралѣ 1819 г. М. представилъ лаврскому собору 1150 р. асс. съ просьбою отвести ему келію для постоянного жительства, „обязываясь уплачивать кромѣ того, ежегодно по 300 р. за монашескую порцію и за ямную отопку его келіи“. Тогдашній митрополитъ Серапіонъ удовлетворилъ просьбу М—са и кромѣ того рекомендовалъ—„стараться братіи сего владыка всякое спокойствіе соблюсти“. Сообщая эти свѣдѣнія, близкій пріятель М—са В. Я. Ломиковскій добавляетъ: „митрополитъ Серапіонъ обращался съ М—сомъ съ уваженіемъ и любовью; онъ ежегодно посѣщалъ келію М—са и бесѣдовалъ съ нимъ въ сладость; тогда М—су никакъ и на мысль не приходило оставить ту святую обитель, которой богоуслуженіемъ онъ несказанно восхищался“.—Поселившись въ лаврѣ, М. не прерывалъ сношеній съ своими пріятелями и довольно часто съ ними переписывался. Однимъ изъ такихъ пріятелей М—са былъ и сенаторъ Ег. Андр. Куселевъ, бывшій „великій грессмейстеръ всѣхъ ложъ російскихъ“. Узнавъ, что Куселевъ путемъ пастойчиваго предствательства помогъ какой-то бѣдной вдовѣ выиграть въ сенатѣ ея давній процессъ, М. написалъ ему письмо (въ нач. 1822 г.), въ которомъ, восхваливъ Куселева за полученный вдовою правый судъ, въ то же время даетъ ему совѣтъ (по личному опыту бывшаго оберъ секретари)—какъ слѣдуетъ сенатору вести себя по отношенію къ об.-прокурорамъ и об.-секретарямъ, чтобы не попадаться въ ихъ ловушки при рѣшеніи дѣлъ. Куселевъ отвѣчалъ *восторженною* благодарностью („въ радостномъ восторгѣ, купно съ супругой моею, какъ за оное письмо, такъ и за сохраненіе меня въ памяти и въ непремѣнле-

стого, но любезнаго; все сердце его, мнѣ казалось, наливалось въ его рѣчахъ и физиогноміи. Онъ сказалъ мнѣ, что родился въ нашей Сельниковѣ (ковотонскаго у), происхожденія козачьего“.

момъ благорасположеніи вашемъ ко мнѣ, благословили духомъ нашимъ непостижимую благодать промысла и вмѣсто васъ, почтеннаго моего друга, обლობязалъ я дружескія строки ваши“) ... и затѣмъ писалъ: „мнѣ извѣстно, что мѣстопробываніе ваше въ Кіево-печерской лаврѣ и что вы довольны были благорасположеніемъ къ вамъ тамошняго митрополита Серапіона; но какъ онъ, по желанію его, уволенъ, а на мѣсто его опредѣленъ архіепископскій Евгеній... то я по прибытіи его въ Петрополь, при первомъ моемъ свиданіи, не оставилъ дать знать о васъ и просить, какъ о моемъ другѣ. Его пр—во съ особеннымъ удовольствіемъ отозвался, что онъ почитаетъ для себя находкою пользоваться духовною бесѣдою съ вами... Не лишнимъ почитаю доставить вамъ предварительное свѣдѣніе о отличномъ качествѣ и достоинствѣ пресвященнаго: при природномъ дарованіи и добромъ сердцѣ, ученъ много съ успѣхомъ, по разнымъ предметамъ познанія имѣеть обширныя, литераторъ, великій историкъ, географъ, біографъ, даже дипломатикъ и артиллеристъ, большой хозяинъ, въ жизни опытенъ и въ бесѣдахъ простъ, обходителенъ, искрененъ и любезенъ, словомъ въ высокому сану ихъ почитается единственнымъ...“ Куселевъ, какъ видно, очень любилъ М—са я, пользуясь случаемъ, просилъ и Евгенія—быть милостивымъ къ лаврскому отшельнику. Но М—су трудно было сойтись съ м. Евгеніемъ, который на мистицизмъ смотрѣлъ, какъ на болѣнь... О неудачномъ знакомствѣ своемъ съ новымъ митрополитомъ М. вотъ что писалъ Куселеву... „если справедливо, что Платонъ, афинскій мудрецъ, говаривалъ: безъ сильной рекомендаціи и честной семейственной человѣкъ влечить нерѣдко самую бѣдственную жизнь, то ваша рекомендація обо мнѣ есть превыше всякой цѣны. Преосв. принялъ меня въ первый разъ такъ хорошо, какъ своего знакомаго, какъ я желаю, чтобы онъ и въ послѣдній разъ не лучше меня принялъ...“ Но вслѣдъ за симъ М. продолжаетъ: „можетъ быть я при вашемъ снисхожденіи дѣлаюсь и дерзкимъ человѣкомъ, какъ откроется въ приложеніи, но по крайней мѣрѣ нѣтъ сему никакой другой причины, кромѣ моего къ вамъ усердія, преданности и благодарности... Если я не способенъ быть пшюномъ или дописителемъ, то не способенъ также быть и болтуномъ,

ибо для меня скромность и прочія сопряженныя съ нею въ одинъ вѣнецъ добродѣтели, всего возжелѣннѣе. Пусть я буду несчастенъ — въ томъ есть воля божія, противъ которой мнѣ трудно прать, но только я не хочу быть подлымъ — въ чемъ уже моя воля заключается. Посадите голуба передъ самыми лучшими жаркими, онъ околѣветъ съ голоду. Многіе думаютъ, что когда я сижу здѣсь и когда пишу письма, то вѣрно вдаюсь въ какую-нибудь ябеду или клевету, не зная того, какъ мнѣ все сіе до смерти наскучило по службѣ въ чужихъ производствахъ...“ Приложение, о которомъ говоритъ М., не сохранилось, но другъ М—са Ломиковскій по поводу этого письма сдѣлалъ слѣдующую замѣтку на самомъ письмѣ: „хвалимый м. Евгенийъ съ перваго знакомства съ М—сомъ предложилъ ему посѣщать его, и—та, покрайней мѣрѣ, два раза въ недѣлю и шпионить на монаховъ обо всемъ, что увидитъ и что услышитъ. Столь низкое предложеніе до крайности оскорбило М—са“... Замѣтка эта сдѣлана ближайшимъ другомъ М—са В. Я. Ломиковскимъ, благодаря которому сохранена вся переписка М—са за время послѣ его отставки. Ломиковскій былъ миргородскій помещикъ и ближайшій сосѣдь Трощинскаго. Здѣсь, у Трощинскаго, М. и познакомился съ нимъ въ 1818 г. Знакомство очень скоро перешло въ болѣе тѣсное дружество; Ломиковскій привлекъ М—са къ себѣ своею склонностью къ мистицизму, проповѣдникомъ котораго М. давно уже готовъ былъ сдѣлаться. Мѣсяца черезъ два послѣ знакомства съ Ломиковскимъ, М., живя еще у Трощинскаго, въ его Кибинахъ, уже просилъ Ломиковскаго „о продолженіи дружественныхъ отношеній, основанныхъ на любви Христа“, продолжая затѣмъ: „въ разсужденіи чего я не желаю ничего болѣе, какъ только того, чтобы онъ, ниспосылая на насъ свой святыи свѣтъ, вразумилъ бы насъ говорить и мыслить одними устами, единымъ сердцемъ всѣ тѣ божественныя истины, кои содѣлались обонмъ намъ извѣстными посредствомъ избранныхъ своихъ и дышущихъ духомъ просвѣщенныхъ свыше...“ Ломиковскій, какъ видно, знакомъ былъ съ мистическою литературою и самъ упражнялся въ послѣдней. Получивъ какую то рукопись отъ Ломиковскаго, М. проситъ его „начатаго не оставлять безъ окончанія“, добавляя: „сущіи и

Святій раскройть въ насъ идеи сіи въ яснѣйшемъ свѣтѣ, дабы сообщать лучи и въ окружающую меня тѣнь. Я столько чувствую къ вамъ умственной привязанности, что желалъ бы возобновить между собою любовную переписку во вкусѣ обитателей новаго Іерусалима, хотя я и не имѣю права на тамошнее гражданство...“ Переѣзжая въ Кіевъ для жительства въ лаврѣ, М. писалъ Ломиковскому съ дороги (дек. 1818 г.): „судя по вѣдшимъ видамъ, я конечно могу быть признанъ внѣзнымъ предъ вами: для чего по сіе время не писалъ къ вамъ и не прислалъ Экартсгаузена и Штиллинга? но судя по внутреннимъ отношеніямъ, я ласкаюсь быть оправданъ предъ вами въ обоихъ сказанныхъ случаяхъ. Коль скоро беру въ объятія свои рукописи ваши, содержащія сочиненія Сведенборга, въ ту минуту и соединяюсь съ вами. Сколь скоро же начинаю читать оную, тотчасъ представляю себѣ, что начертаніемъ буквъ сами вы, а я чрезъ чтеніе оныхъ—сливаемся въ одномъ средоточіи...“ Ломиковскій отвѣчалъ въ томъ же тонѣ, и между новыми друзьями завязалась оживленная переписка, вся наполненная сообщеніемъ впечатлѣній послѣ чтенія тѣхъ или другихъ сочиненій объ „ученіи новаго Іерусалима“¹⁾. Впрочемъ, Ломиковскій въ письмахъ своихъ говоритъ о своихъ житейскихъ заботахъ, неудачахъ, свиданіяхъ съ сосѣдями и проч., но письма М—са почти исключительно наполнены разсказами о его мистическихъ писаніяхъ и размышленіяхъ по поводу ихъ... Все эта переписка сохранилась²⁾ и по отношенію къ М—су наглядно показываетъ, какъ „мистика“ губила людей; несомнѣнно, что писанія Сведенборга, Штиллинга, Экартсгаузена—сгубили въ М—сѣ живого человѣка и сдѣлали изъ него мистика, которому стали недоступны интересы общечеловѣческіе. Поэтому трудно было М—су сходиться съ живыми людьми, къ числу которыхъ принадлежалъ и м. Евгеній. Мы уже видѣли, что первое знакомство М—са съ новымъ митрополитомъ было неудачно, вслѣдствіе

¹⁾ Въ одномъ письмѣ Ломиковскій спрашиваетъ М—са: „довольно ли такихъ людей въ св. градѣ Кіевѣ, коихъ сердце приимлетъ ученіе нов. Іерусалима, и есть ли охотники въ немъ въ обитателяхъ черноризцевъ“.

²⁾ Переписка эта недавно приобрѣтена нами выборъ съ бунгана В. Я. Ломиковскаго.

того оскорбительнаго предложенія, которое сдѣлалъ м. Евгений М—су (если только послѣдній, какъ-нибудь, самъ не извратилъ его сущности). Но года черезъ два, черезъ три послѣ этого, у М—са съ Евгениемъ возникаютъ отношенія какъ будто близкія, что видно изъ сохранившихся писемъ митрополита, которыя онъ писалъ М—су изъ Петербурга. Въ первомъ письмѣ м. Евгения читаемъ: „Продолжающіяся у васъ въ лаврѣ и въ отсутствіе мое починки и постройки утѣшаютъ и здѣсь меня. У васъ въ толпѣ братіи есть люди благомысленные, которымъ нужно дать только направленіе, а неблагомысленные пусть ворчатъ про себя. Ворчаніе ихъ бессильно остановить или затруднить ходъ добрыхъ распоряженій“... (Май 1825 г.). Письмо это, между прочимъ, указываетъ, что М. какъ будто сообщалъ главѣ лавры о томъ, что въ „толпѣ братіи“ есть и „благомысленные“, но есть и „ворчащіе“ противъ распоряженій митрополита... Въ другомъ письмѣ м. Евгений пишетъ: „благодарю васъ и за благопріятнѣйшій отзывъ о моихъ распоряженіяхъ по лаврѣ. Немного въ свѣтѣ людей, умѣющихъ въ добрую сторону толковать начальническія распоряженія, а въ лаврѣ это еще рѣже по старинному предразсудку—такъ не бывало. Сей предразсудокъ нельзя иначе побѣдить, какъ твердостію и невниманіемъ толковъ самоправныхъ. Вамъ и самимъ извѣстно, что на всѣхъ и Богъ не угодитъ, когда строить по своему, а не по людскому“. (Январь 1826 г.) Въ отвѣтъ на письмо М—са, въ которомъ послѣдній пишетъ, что Евгений сдѣлалъ два чуда: первое,—назначеніе лаврскаго намѣстника Антонія—епископомъ, а второе, что съ перемѣщеніемъ намѣстника, въ лаврѣ „не примѣчается по наружному церковному благочинію ни малѣйшей разницы“, митрополитъ отвѣчалъ: „гораздо большее чудо, что въ лаврѣ, всегда своевольной, порядокъ не измѣняется; можетъ быть сами признали, что полезны для нихъ инструкціи, безъ которыхъ они и при начальникахъ спутывались въ должностяхъ“... (Май 1826 г.). Отношенія

*) „Спутываніе въ должностяхъ“ лаврской братіи въ это время было явленіемъ застарѣлымъ, какъ это видно изъ любезнаго письма, написаннаго въ окт. 1827 г. м. Евгениемъ къ своему намѣстнику Ассентію, гдѣ митрополитъ говоритъ

между М—сомъ и м. Евгениемъ настолько стали пріязненны, что первый изъ нихъ даже рѣшился показать второму одно изъ мистическихъ своихъ писаній, озаглавленное „Церковь“. Евгений не замедлилъ высказать М—су свое мнѣніе объ этой его работѣ, а М., съ своей стороны, передалъ это мнѣніе Ломиковскому, сообщая ему отрывки изъ „Церкви“ съ своими „примѣчаніями“ по поводу отзыва м. Евгенія. Въ одномъ изъ этихъ „примѣчаній“ М. пишетъ: „Фаетонъ ¹⁾ объявилъ себя непримиримымъ врагомъ мистики. При всемъ ужасномъ удивленіи моемъ на сіе, я защищалъ уваженіе свое относительно сей науки тѣмъ только, что она со временъ глубокой древности существуетъ и всѣми отцами пріемлется. Онъ однакожь раздѣляетъ отцовъ на двѣ степени, на принимавшихъ и не принимавшихъ мистику, причисляя себя къ послѣднимъ и говоря, что буквальный смыслъ есть смыслъ самый величайшій. Когда жъ я припомнилъ ему, что и по церковной исторіи, писанной Иннокентіемъ, въ продолженіе начатой Филаретомъ, поставляется на видъ семь смысловъ, то онъ возразилъ на сіе: „ну, что Иннокентій...“ Другое примѣчаніе: „Фаетонъ повидимому не получилъ убѣжденія въ сихъ изъясненіяхъ (въ сочиненіи о „Церкви“). Если такъ, то я не знаю, какую онъ исповѣдуетъ вѣру.—Помните, баснословный Фаетонъ, схвативши возжи солнцевой колесницы, въ буйномъ стремленіи и самъ погибъ, и подвергъ гибели всю вселенную; не близко ли будетъ сіе приложеніе къ тому, кого я называю Фаетономъ? быть органомъ вѣры и не вѣрить и другихъ еще съ пути сбивать—это ужасно...“ Работу М—са о „Церкви“ м. Евгений назвалъ результатомъ „ипохондріи“ ея автора, почему М. и замѣчаетъ: „Впрочемъ, гдѣ надобно и ненадобно, Фаетонъ употребляетъ *ипохондрію весьма усердно*, даже разставаясь со мною, говорилъ, что, когда я начну страдать ипохондріей, которою онъ также нѣкогда страдалъ, то приходилъ бы къ нему. Я однако не былъ и не буду у него

что „еще бывшій кіевскій губернаторъ Бухаринъ, со вступленія моего въ начальство заваръ, предостерегалъ меня и обращалъ мое вниманіе на разраты въ заварѣ“. См. Древн. в Нос. Рос, 1877 г., № 1.

¹⁾ Такъ М. называетъ м. Евгенія въ письмахъ къ Ломиковскому, видноразумія Фаетона ипфологического...

прежде, какъ на праздникъ пасхи. *Такихъ друзей можно считать въ покое.* Наконецъ, Фаетонъ обѣщаль, написавши свою критику на сіе сочиненіе, отдать для храненія въ лаврскую бібліотеку. Одинъ разъ когда приближенная къ Фаetonу комета совѣтовала мнѣ бывать у него, то я сказалъ на сіе: „да онъ меня считаетъ сумасшедшимъ: на что мнѣ его беспокоить...“

Такимъ образомъ начавшееся было сближеніе у М—са съ м. Евгениемъ, скоро разстроилось, и они, повидимому, совсѣмъ разошлись. Разстройство отношеній съ главою лавры должно было разстроить отношенія М—са и къ лаврскому обществу. Отсюда явилось одиночество. Не смотря на ипохондрію, М—су однакожъ тяжело было остаться совсѣмъ безъ людей, и вотъ результатомъ такого его положенія явилось письмо къ Ломиковскому, написанное М—сомъ въ пол. декабря 1829 г.— „Обращаясь отъ вашихъ ощущеній къ моимъ собственнымъ, я считаю приличнымъ привести въ началѣ словъ изъ 247-го правила Пифагора, который говоритъ: „пригласи съ собою жить твоего друга, утѣшительно состарѣйся двоимъ подъ одною кровлею“. А какъ взаимная между нами довѣренность утвердила сѣдалище свое на взаимной же любви нашей къ духовнымъ и купно священнымъ истинамъ, то я не смѣю прилагать и съ своей стороны показаннаго правила ни къ кому болѣе, какъ только къ вамъ, прошу васъ не лишитъ меня послѣдней отрады, помочь—кончить жизнь мою покойно, хотя бы то было въ крестьянской избѣ, хотя бы то было въ самомъ послѣднѣйшемъ зданіи, лишь бы оно не тиранило меня всѣдневными неудовольствіями со стороны такъ называемой услуги, вотъ я и доволенъ! Ибо я вижу, что въ наше время бываетъ услуга, не услуга, но совершенное буйство, котораго ничѣмъ укротить нельзя, наипаче человѣку, находящемуся въ моемъ исключительномъ положеніи. При всемъ томъ вы можете быть весьма покойны со стороны моихъ прихотей. Не менѣе того я не думаю ничѣмъ обременять васъ тщетно, но желаю вносить въ ваше казначейство такую сумму, которая могла бы соответствовать выгодамъ, отъ васъ мною получаемымъ: за квартиру, за провизію и за услугу, для которой просилъ бы я назначить добросовѣстнаго старика со старухою. Все сіе должно быть соответственнo моеи

уднипенной жизни, противъ которой прошу не вооружаться никакими развлеченіями любопытныхъ или посѣтителей, для коихъ я желаю быть совершеннымъ уже мертвецомъ... Я также думаю перевезти къ вамъ и свою бібліотеку, съ тѣмъ, чтобъ обратить ее въ свое время въ уѣздное училище, гдѣ она по крайней мѣрѣ не сгніетъ безъ употребленія... Прося милосердаго Бога помиловать меня, а васъ прошу быть моимъ опекуномъ, сжалившись надо мною, но безъ огласки! Вы сами видите и знаете, что мнѣ болѣе не нужно, какъ одинъ покойный кровъ, въ которомъ бы не было течи и земельного полу. Желательно при семъ отдать вамъ отчетъ и въ употребленіи моего времени. Мучась разстройствомъ и бессоницею, ничего лучшаго не могъ я сдѣлать, какъ только заглядывать въ Четин-Миней и дѣлать замѣчанія на счетъ воспитанниковъ...¹⁾ На это письмо Ломиковскій отвѣчалъ „великою и превеликою благодарностью, за особенное довѣріе и преимущественное предпочтеніе прожить до послѣдней крайности подъ одною кровлею....“

Получивъ согласіе Ломиковского, М. нашелъ нужнымъ оговорить, по возможности, всѣ подробности своего жительства въ Трудозлюбъ, чтобы „ничего не оставить въ неизвѣстности и *вновь не подвергать перепутаннымъ уже чувствамъ случайному повороту вещей*“. Поэтому М. писалъ еще разъ Ломиковскому: „Благоразумное желаніе ваше поселить желающаго въ своемъ Паркѣ мимо лордовыхъ чертоговъ (зѣсь М. разумѣетъ домъ А. А. Троцинскаго) церемоній, столовъ и всего прочаго, но въ совершенномъ отдѣленіи, ручается въ томъ усердномъ расположеніи, которое чрезвычайно вождегъвно. Въ семъ случаѣ, дабы ничего не оставить въ неизвѣстности и вновь не подвергать перепутанныхъ уже чувствъ случайному повороту вещей, прошу, покорнѣйше прошу—изчислить пропорцію провизіи всякаго рода, которую нужно будетъ отпускать на мѣсяць для одного со старикомъ и старухою или съ мужемъ и женою и съ мальчикомъ, отъ васъ же испрашиваемыхъ, включая муку и крупу разныхъ

¹⁾ Воспитанниками М. называетъ свои истыческія рукописныя сочиненія, можетъ быть потому, что одно изъ нихъ носило заглавіе „Питомецъ“.

родовъ, огородину, вариво, молочное, топливо, услугу, обитель, хотя примѣрно на одинъ мѣсяцъ, также примѣрно же и годовая пропорція откроется; да и тутъ за лишнюю сотнею для васъ не постоятъ, лишь бы ничего не подвергать неизвѣстности и не играть въ жмурки. Се способъ сохранить взаимное дружелюбие на долгое время! Гораздо лучше знать оное, нежели быть въ невѣдѣніи. Здѣсь дѣло идетъ не о щедрости или милости, кто кого въ томъ перещеголяетъ, но о совершенномъ безстрастіи. Когда шведскій король отдаетъ въ наймы, по надлежащей цѣнѣ, погреба, подъ жилимъ его домоу находящіеся, то вы также подражательно имѣете право назначить всему цѣну справедливую, какъ честный человекъ, а желающій подражательно же долженъ удовлетворить оную съ благодарностію, какъ человекъ признательный; но безъ этого нельзя быть ему ни подсосѣдкомъ, ни посполитымъ Трудолюбиваго парка. Дружба тамъ всегда терпится и теряется, гдѣ интересъ находится въ запутанномъ состояніи. Сынове же сего свѣта во всякомъ случаѣ должны предпочитать истинный свѣтъ тьмѣ". (4 марта, 1830 г.). Ломиковскій отвѣчалъ: „Письмо ваше отъ 4 марта я поцѣловалъ и нахожу въ ономъ условіе совершенно сходное съ моею мыслию, и оное взято вами изъ глубокой опытности; оно будетъ свято исполнено, ибо Боже сохрани, чтобы съ моей стороны, могло что либо послѣдовать такое, что бы нарушало что либо покой въ священнѣхъ занятіяхъ вашихъ"... Но М., все еще опасаясь за полную свою свободу у новаго амфитріона, продолжалъ ему объ этомъ напоминать. — „Когда прошу въ Паркѣ вашемъ независимаго пріюта, значить, что я расположенъ къ вамъ чистосердечно, безъ всякихъ околичностей, т. е. безъ намѣренія быть вамъ въ тягость и безъ желанія стѣснять себя невольническою зависимостью. Кромѣ книгъ и вещей, со мною неразлучныхъ, я ничего съ собою не возьму... Здѣсь я оставляю не только всю мебель, но и всю фаянсовую и стеклянную посуду. Рѣшаюсь лучше вужное купить на мѣстѣ, нежели возиться съ этимъ хрупкимъ громовомъ. А до того пріятно мнѣ будетъ ѣсть и пить изъ деревянной мисы, и деревяною ложкою, и изъ деревянаго кухлика, подаваемыми приставленною вами ко мнѣ старушенціею, которая будетъ убла-

жать всачески, чтобъ я съѣлъ дѣлаго быка, но я съѣмъ только барана. При томъ же думаю спать и на соломѣ, и на сѣнѣ, хочю бродить между посявами и сѣнокосами и зарослями, собираюсь валяться въ клуяѣ, и на гумнѣ, и на току, замышляю въ лѣтнія жаркія ночи спать въ одномъ хлѣву съ маленькими телятами; словомъ, отлагая всѣ предрасудки въ сторону, желаю дѣтскимъ образомъ и глубоко повергнуться въ лоно природы подѣ благотѣльнымъ кровомъ провнѣнія, не получу ли сколько ивбудъ спасенія въ болѣзненномъ состояніи моемъ послѣ многихъ отвратительныхъ затинскихъ соусовъ, изготовляемыхъ эскулапами нашими, большею частью въ пещкѣ несытаго корыстолюбія, нежели состраданія къ страждущему человѣчеству... А мнѣ въ Лубнахъ не завернуть ли къ лѣкарю, то къ которому?—¹⁾.

М. прїѣхалъ въ Трудолюбъ въ концѣ мая 1830 г. и въ половинѣ іюня писалъ къ своему дядѣ И. П. Мартосу (скульптору): „Я странствую въ обширныхъ поляхъ, зеленѣющихъ разными хлѣбными посявами, кои растутъ и цвѣтутъ и колосятся, представляя свободное игральще вѣтрамъ и мнѣ прїятное зрѣлище, послѣ долговременнаго лишенія таковыхъ явленій природы. Не безъ основанія говорили древніе, что первые земледѣльцы были и

¹⁾ На послѣдній вопросъ М—са Ломиковскій даетъ слѣдующій интересный для исторіи тогдашней провинціальной медицины отвѣтъ — „Касательно лѣкаря доложу вамъ, что въ Лубнахъ находится одинъ преученый ибнецъ, вольнопрактикующій, бывшій въ путешествіи вокругъ свѣта по избранію академіи, но яко внадшій въ малаколію, прибылъ въ Малороссію для климата. Не одинъ человекъ хвалится его искусствомъ, но многіе отзываются о его странностяхъ и циркулярныхъ воззваніяхъ къ дворянству съ уроками... Плохая надежда на такую ибноту.— Если еще при больницѣ лубенской харьковскій ибнонецъ, родомъ мнргогородецъ, прошлый годъ вступавшій въ службу и въ практику, безкристиный, мало даетъ лѣкарствъ, преудачна производилъ лѣченія въ несложныхъ и очевидныхъ болѣзняхъ, кажется по теоріи; но въ хроническихъ припадкахъ дѣло иное, и кажется не шибкій на заключеніе, ибо когда я сказалъ ему, что страдаю старини завалани, то онъ отвѣчалъ, что завали не существуютъ.—Посудить можете!—Въ Хоролѣ есть ибнотскій ибнонецъ назъ Жидовскій, реформатъ ибнотскій, который крестится и по русски, весьма слѣдующій, удачный врачъ на отчалинныхъ конспліяхъ, но такой іуда что нарочно портитъ больного, чтобъ долъше молоко донѣ. Но хвалитъ очень ловицкаго поѣтованаго, совосиытаника Голованова; весьма хвалитъ три поѣта, и хвалитъ по многия отоменианъ; отъ меня домъ его отстраненъ одною конпои уряжкоѣ. Что Богъ помилетъ на сердце ваше?“

первые мудрецы. Можетъ быть и вы сообразно сему, смотря въ окошко на мимо ходящихъ крестьянъ и солдатъ, часто называли ихъ героями побѣдителями: подобно вамъ, я также называю своихъ малороссянъ гречесѣевъ волхвами-мудрецами, тѣмъ достойнѣйшими, что подражать имъ въ необходимѣйшихъ упражненіяхъ нашему брату весьма трудно... Выѣзжая изъ Кіева въ послѣднихъ числахъ мая, думалъ я оставить его навсегда, прильпившись къ имѣнію миргородскаго подкоморія Василя Яковлевича Ломиковскаго, называемому Паркъ-Трудолюбъ, въ которомъ и нахожусь почти подъ бокомъ Миргорода, но будущее въ вѣ рудѣ Божіей*...

Но и миргородская природа не могла уже помочь изнемогшему отъ физическихъ и душевныхъ мукъ М—су. Въ Трудолюбѣ онъ прожилъ около года и умеръ 4 апрѣля 1831 г.—Ломиковскій, въ своихъ замѣткахъ объ умершемъ другѣ, о смерти его пишетъ: „М. переселился въ домъ мой въ 1830 г., мая 28 д. На слѣдующій же годъ скончался отъ аневризма въ груди, 1831 г., апрѣля 4 д. Онъ погребенъ въ саду моемъ. Извѣстный художникъ, академикъ Иванъ Петровичъ Мартосъ, по желанію младшаго брата усопшаго—Федора Романовича Мартоса, сдѣлалъ надгробную колонну съ надписью.¹⁾ Эта колонна стоитъ у подножія усопшаго, а я въ возглавіи поставилъ дубовый крестъ“.

Всѣ свои бумаги М. завѣщалъ Ломиковскому, который говорить объ этомъ: „И. Р. Мартосъ оставилъ по себѣ великое число драгоценныхъ рукописей, частію юридическихъ (въ маломъ числѣ), но преимущественно богословскія, содержація въ себѣ неподражаемая объясненія церковнослужебныхъ книгъ. Они писаны по самому выстему и превыспреннему откровенію, по большей части писаны въ продолженіе 12-тилѣтняго пребыванія его въ Кіево-печерской лаврѣ... Впослѣдствіи, не задолго до кончины его, промыслу Божію благоугодно было согрѣть сердце М—са христіанскою любовію ко мнѣ... Для того М. сталъ исподоволь, всячески испытывать меня, сообщать для прочета нѣкоторыя изъ

¹⁾ Памятникъ этотъ и теперь существуетъ, какъ сообщаетъ одинъ изъ сосѣдей Парка-Трудолюбъ.

своихъ сочиненій... А наконецъ, сколь ни прискорбно было сердцу его, однакожъ онъ рѣшился оставить святую лавру киево-печерскую съ тѣмъ, чтобы проживать въ домѣ моемъ, пояснять мнѣ писанія свои и вручить всѣ рукописи свои на мое сохраненіе... Причемъ онъ не рѣдко убѣждалъ меня не только словесно, но и письменно, чтобы я подъ величайшею тайною сохранялъ писанія его и чтобы не иначе сообщалъ ихъ для прочета, какъ только такимъ особамъ, которыхъ самъ Богъ къ тому укажетъ"...

Мнѣніе свое о М-сѣ, какъ о писателѣ, Ломиковскій выразилъ въ слѣдующемъ своемъ о немъ отзывѣ: „Богъ одарилъ М-са глубокомысленнымъ умомъ, и М., съ своей стороны, всячески старался всю способность ума своего употреблять на славу имени Божія... М. находилъ лучшимъ услажденіемъ своимъ лишь то, чтобы собственными опытами исполнять всякую добродѣтель, начитываемую имъ въ священномъ писаніи и въ церковныхъ поученіяхъ. Чѣмъ болѣе подвизался въ добрѣ, чѣмъ болѣе очищалъ сердце свое, чѣмъ болѣе отсѣкалъ страсти и приближался къ безстрастному состоянію жизни, тѣмъ болѣе онъ смирялся духомъ... М. находился почти въ непрестанныхъ откровеніяхъ; такимъ образомъ получая высшія и высшія разумѣнія, исправлялъ по нимъ свои сочиненія"...

Отсюда видно, какого преданнаго адепта имѣлъ М. въ Ломиковскомъ; но только онъ же одинъ у него и былъ; съ нимъ только М. и отводилъ душу, дѣлясь результатами своихъ занятій тою „мистикою“, которая сгубила въ М-сѣ живого человѣка. Проживъ, послѣ отставки, въ Малороссіи почти пятнадцать лѣтъ, М—съ другихъ адептовъ, судя по его перепискѣ, не нашелъ, хотя часто сталкивался съ людьми того же умственного уровня, къ которому принадлежалъ и Ломиковскій. Повидимому, „мистика“ въ Малороссіи не находила для себя годной почвы...

5. Извѣстія Таврической Ученой Архивной Коммиссіи. № 22. Симферополь. 1895 г. 8°. 133 стр.

Настоящая книжка Извѣстій заключаетъ въ себѣ слѣд. статьи:
1) Ордера кн. Пл. Ал. Зубова правителю таврической области, за

1795 г. (продолж.). 2) Изъ дѣлъ Николаевского портового архива (Ордера кн. Потемкина, донесеніе капит. Клобукова о нефти, найденной на Кубани, въ Крыму, письма правителя таврической области Жегулина, отношеніи кн. Зубова). 3) Историческій очеркъ крымско-татарскаго землевладѣнія (продолж.) Ф. Ф. Лашкова. 4) Документы по исторіи крымско-татарскаго землевладѣнія. 5) Раскопки кургановъ въ д. Тавкель-Найманъ, евпатор. у. 6) Письма управляющаго имѣніемъ Сабли, симферопольск. у., Я. Дахнова, писанныя во время войны 1854—1856 г. 7) Свѣдѣніи о дѣятельности Таврич. архивн. комиссіи въ 1894 г.—Изъ перечисленныхъ статей главною является, конечно, послѣдованіе г. Лашкова о крымско-татарскомъ землевладѣніи, о которомъ мы намѣрены подробнѣе поговорить послѣ окончанія этой работы ¹⁾. Здѣсь же отиѣтитъ только два документа, напечатанные между ордерами кн. Зубова. Оба они настолько интересны для исторіи Малороссіи, что мы перепечатаемъ ихъ полностью.

Первый документъ заключаетъ въ себѣ *прошеніе мичмана Плевковскаго, поданное 3 января 1795 г. гр. Зубову* съ ходатайствомъ отвести ему и зятю его Андріяну Чепѣ, изъ пустопорожныхъ земель въ мелитопольскомъ уѣздѣ, десять тысячъ десятинъ земли, причемъ основаніемъ къ этому ходатайству указывается то обстоятельство, что «маленькая деревушка его, называемая Чепурковка, пирятинскаго уѣзда, оустѣла почти совершенно чрезъ побѣги крестьянъ». Въ прошеніи своемъ Плевковскій пишетъ:

«Не много осталось мнѣ наслѣдія послѣ покойнаго отца, но въ продолженіе времени воспитанія моего въ морскомъ корпусѣ, у базионной вдовы, матери моей, в тогѣ поубавилось гораздо. Маленькая деревушка наша, лежащая въ селскаго имѣнства, въ пирятинскомъ уѣздѣ, называемая Чепурковка, оустѣла почти совершенно чрезъ побѣги въ екатеринославскую и таврическую губерніи. Давитесь до 25-ти думъ тому, кто нѣтъ в всѣхъ 50-тъ, много ли же ихъ останется? Но скудными силами остатками должна жить мать, быть отдѣлена сестра, вышедшая замужъ и мнѣ при маломъ жалованьи помогать.—И никому ничего, ибо остальные, оплачивая подати за бѣжавшихъ, и изъ недоимки еще не выходятъ. Въ сей аспѣнчайшей (?) избирала всевозможнѣйшее, а прошу вашего сіятельства не оставитъ насъ милостию вашей. Величайшую мнѣ въ томъ нѣтъ будень (милость?) естьли мнѣ и зятю поспеу кол. асес. Андріяну Чепѣ ²⁾ повелѣно будетъ дать нѣкіи позантой еще

¹⁾ См. «Кіевск. Стар.» 1895 г., февраль.

²⁾ Извѣстный собиратель матеріаловъ для исторіи Малороссіи. Едва ли не онъ же, Чепѣ, и писалъ приводимое прошеніе, въ которомъ заиѣта уѣзда имѣла наперу писанія дѣловыхъ бумагъ, а за эту наперу Руандозъ и цѣнилъ Чепѣ.

зѣмли, лежащей въ уѣздѣ мейтенольскомъ, вершину Бѣловери Ямчокракъ (sic) или на Молочинихъ Водахъ—десять тысячъ десятина. И какъ бѣглецы оныя не въ прокъ и тѣмъ, кто ихъ и въ кончаннхъ губерніяхъ принимаетъ, и оны и тамъ, выигравши льготные года, также бродятъ, то, сіятельнѣйшій графъ, по уваженію разоренія нашего, не оставьте снабдить меня, если кто уполномоченъ отъ меня будетъ открытими и въ екатеринославскую и таврическую губерніи о полнотѣ и отдачѣ оныхъ, концы бы могли тамъ и поселить на вымерсннмъ землѣ. Столь велика надежда на милость ваш. с—ва, сколь велика и скорбь наша, потерявъ людей. Столь и благодарно вамъ будетъ, и все семейство наше, столь чувствительно ни о помощи просимъ. (Слѣдуютъ „имена бывшнхъ“).

Побѣги крестьянъ изъ Малороссіи, преимущественно въ Новороссію, были приняты слѣдствіемъ указа 3 мая 1783 г., которымъ узаконялось, что «каждый изъ поселенъ долженъ остаться въ своемъ мѣстѣ и званіи, гдѣ онъ по послѣдней ревизіи написанъ, а въ случаѣ побѣговъ послѣ издавія сего указа (съ поселянами слѣдовало) поступать по общимъ государственнымъ установленіямъ». Послѣ этого указа, какъ извѣстно, и начался побѣги, такъ какъ до указа «поселенце» могли свободно оставлять своихъ «помѣщиковъ».

Другой документъ не менѣе любопытенъ. Онъ заключаетъ въ себѣ «записку» архимандрита Феодосія о жизни черноморскихъ козаковъ и обращеніи съ ними изъ чиновниковъ, составленную въ апрѣлѣ 1795 г., по порученію екатеринославскаго губернатора Каховскаго.

Приводимъ этотъ документъ.

„Феодосій, архимандритъ двухъ пустыней, курскаго наѣстничества—Софроніевской, екатеринославскаго—Григоріевской, по приглашенію покойнаго екатеринославскаго губернатора Каховскаго, отирающаяся въ мѣста, обитаема черноморскими козаками, ради осведомленія о жизни ихъ и обращеніи съ ними чиновниковъ ихъ, и тамъ намель неудовольствіе козаковъ на судью Головатого и полковника Юзбана, исправляющаго въ Таманѣ должность градоначальника, а въ уѣздѣ исправника: 1) Что слѣдующій имъ изъ казенъ провантъ отлучается большою частію снѣженной съ пескомъ и тутъ не въ полной пропорціи. 2) Употребляются они, козаки, въ собственныя ихъ работы и къ скотоводству, и на мѣсто платежа на граждандъ ихъ побоями; сноси всѣ тѣ работы на собственномъ своемъ содержаніи; съ богатыми же и капиталистами козаками поступаютъ они такнмъ образомъ: по вскрытіи весны подъ видомъ службъ государственной, отлучаютъ ихъ отъ домовъ, а между тѣмъ всѣ ихъ рыбныя ловли пріостанавливаютъ ради большаго прирѣтка отъ своихъ собственниковъ. 3) Близъ Екатеринодара, на границѣ съ владѣніемъ черкесскимъ, учреждена тѣни черкесами цѣна хлѣба, соли и другихъ товаровъ, но бѣдныя по части сей удовольствія лишены: ихъ чиновники къ тому не доумаютъ ради того, чтобы весь нужннй имъ товаръ, а наиболѣе хлѣбъ, воскупая у нихъ гораздо высшею цѣною. 4) Вишнй откупъ во всяку занимаемую ими мѣстоположенію судья Головатый, безъ всякаго ихъ согласія, которой желали бы они взять, отдавъ постороннему откупщику, но незвѣстна, куда получаемы за оной деньга слѣ-

дуть. 5) Рыбная ловля на Черномъ протоцѣ, приносящая (приносящая?) ежегодно доходу до осмидесяти тысячъ рублей, но слухамъ нѣтъ доводнитъ, якобы нѣтъ, Головатый, продана подъ предлогомъ, что будто-би весь оной доходъ употребляется на войско. 6) Сверхъ сего полковникъ Юзбанъ, прїѣхавъ въ Емьколъ, чинитъ безчеловѣчные поборы козаку, въ чемъ я самъ свидѣтель, когда дошло сіе до свѣдѣнія оберъ-коменданта, и отъ него за нѣтъ посланъ былъ, оицъ, Юзбанъ, уѣхавъ. 7) По такимъ обстоятельствамъ, гдѣ я ни проѣзжалъ мѣста нѣтъ обитаемна, вездѣ слышалъ отъ козаковъ, что они, ежели всѣ кратко мною здѣсь описанныя стѣсненія нѣтъ не будутъ отъ нихъ удалены, то козь скоро послышатъ они о приближеніи въ Анапу, проживавшихъ теперь въ портѣ атаманской прежнихъ запорожцевъ, перейдутъ в сами туда. Но напротивъ того ежели обратятъ они себя повою, обѣщавшись и клянутся служить ей императорскому величеству и отечеству до послѣдней капли крови. Все сіе объявляю я его превосходительству г. генералъ-маіору, правителю екатеринославскаго наместничества и кавалеру Іосифу Пвановичу Хорвату во самой истинѣ. Подлинную подписалъ архимандритъ Феодосій⁴.

Исторія переселенія бывшихъ запорожцевъ на восточный берегъ Чернаго моря подробно разсказана Бентковскимъ въ его статьѣ — *Заселеніе Черноморіи съ 1792 по 1825 годъ*¹⁾. Изъ этой статьи мы узнаемъ, что переселеніе запорожцевъ въ Черноморію совершилось подъ главнымъ руководствомъ кошевого Ченѣга и судьи Головатого. Послѣдній ѣздилъ съ депутатами въ Петербургъ и выхлопоталъ тамъ, въ дополненіе къ пожалованнымъ землямъ, еще и другія богатыя милости. Переселеніе на Кубань совершилось главнымъ образомъ въ 1792 и 1793 гг. «Войск. судья Головатый, — говоритъ Б. нтковский, — человекъ энергическій и грамотный въ полномъ значеніи слова²⁾, что доказывается уцѣлѣвшими его собственноручными письмами, былъ повидному главнымъ распорядителемъ переселенія Черноморскаго войска и исполнителемъ предначертаній императрицы; но крайней мѣрѣ больше Ченѣга оставилъ (оицъ) слѣдовъ своей дѣятельности»... Переселившись въ Тамань лѣтомъ 1793 г., Головатый тутъ оставался до весны 1794 г., неустанно распорядясь о размѣщеніи въ Черноморіи продолжавшихъ пребывать сюда запорожцевъ. Осенью (7 ноября) 1796 г.³⁾ Головатый умеръ, въ персидскомъ походѣ. Заниска арх. Феодосія составлена въ апрѣлѣ 1795 г. и заключаетъ въ себѣ обвиненія въ злоупотребленіяхъ, которыя, значитъ, практиковались Головатымъ въ томъ же 1794 г., когда запорожцы только что размѣща-

¹⁾ Въ Памятной книгѣ Кубанской области на 1881 г. стр. 1—125.

²⁾ Головатый учился въ Кіевской академіи.

³⁾ По другимъ свѣдѣніямъ — 28 января 1797 г.

лись по Черноморіи. Кажется, что вводимыя на Головатого здѣсь обвиненія сильно преувѣрены, причемъ исходили они едва ли не отъ войскъ писаря Котляревскаго, который былъ антагонистомъ и Головатата, и Чепѣги († 1797 г.). По смерти этихъ чиновниковъ, Котляревскій въ запискѣ, поданной императору Павлу, обвинялъ ихъ обоихъ въ затрудненіяхъ и лошеніяхъ запорожцевъ при переселеніи, происшедшихъ отъ непредусмотрительности Чепѣги и Головатата, причемъ говоритъ, что оба они «нѣкоторыхъ козаковъ четыре года затрудняли переселеніемъ съ мѣста на мѣсто...» Четыре года Головатый едва самъ прожилъ въ Черноморіи... Наконецъ, черноморецъ Туренко («Кіевск. Стар.» 1887 г.) рассказывая, въ 1838 г., первоначальную исторію Черноморія, прославляетъ заслуги Головатата по устройству благосостоянія черноморскаго войска, указывая, что «Головатата стараніемъ отдана на откупъ въ іюль 1794 г. купцу Яшпину продававшая», что его же стараніемъ отданы рыболовные заводы на южной косѣ на откупъ керченскимъ артелямъ... А Туренко могъ быть и живымъ свидѣтелемъ дѣятельности Головатата...

6. Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ въ его письмахъ. Часть первая, томъ третій. Письма 1851—1860 г.г. Поѣздна въ Малороссію и проч. Москва. 1892. 8°.

Еще въ 1888 г. начато было изданіе писемъ И. С. Аксакова, писанныхъ къ его отцу изъ разныхъ мѣстъ, куда бросала судьба А—ва. Переписку онъ велъ оживленную и весьма пространныю, замѣнявшую, по словамъ его самого, дневникъ. Въ послѣднемъ томѣ этого изданія, дошедшемъ къ намъ только теперь, напечатаны письма изъ Малороссіи, изъ которыхъ мы и сдѣлаемъ нѣсколько извлеченій, чтобы показать, какое впечатлѣніе производила Малороссія пятидесятихъ годовъ на такого отзывчиваго человѣка, каковымъ былъ И. С. Аксаковъ. Въ 1853 г. И. С. А—въ получилъ отъ Географическаго Общества порученіе отправиться на годъ въ Малороссію для обзорѣнія и описанія главнѣйшихъ ярмарокъ. Отправившись осенью того же года для исполненія этого порученія, А—въ первымъ своимъ украинскимъ

впечатлѣніями подѣлился съ извѣстнымъ А. И. Кошелевымъ, которому, въ к. ноября 1853 г., писалъ изъ Сумъ „про обаяніе Малороссіи“; но пріѣхавъ въ Харьковъ, онъ уже пишетъ:

«Это впечатлѣніе (обаяніе) теперь совершенно изчело, во-первыхъ потому, что я убѣдился, что Харьковская губернія совсѣмъ не Малороссія... Затѣмъ А—въ дѣлаетъ характеристику совмѣстно живущихъ тамъ «кохловъ» и «русскихъ» и заключаетъ эту характеристику такъ: «здѣсь какая-то безобразная помѣсь въ быту крестьянскомъ, въ быту мѣщанскомъ, въ быту купеческомъ и даже въ быту дворянскомъ. Забавно видѣть презрѣніе здѣшнихъ купцовъ и чиновниковъ къ малороссійскому нарѣчію, когда сами они говорятъ по-русски невмыслимо для московскаго уха!... О малороссійской народности знаютъ здѣсь менѣе, чѣмъ въ Москвѣ»...

Не найдя Малороссіи въ харьковской губерніи, А—въ, по-видимому, нашелъ ее въ Полтавѣ. Пріѣхавъ сюда въ февралѣ 1854 г., А—въ записываетъ въ свой дневникъ:

«Въ четвергъ обѣдалъ я у Бодянскаго ¹⁾, угостившаго меня варениками и слявянкой... Малороссовъ чиновниковъ здѣсь гораздо больше, чѣмъ русскихъ, почти все малороссы. Русскіе занимаютъ большую часть самыхъ высшихъ должностей. У насъ въ Россіи рѣдкій дворянинъ, богатый и получившій образованіе, соглашается служить у себя на родинѣ, въ глуши. Не манитъ къ себѣ родина. Когда я говорю служить, то разумѣю дѣйствительную службу, не по выбору.—Малороссія вѣчно привлекательна для малоросса: она имѣетъ до сихъ поръ въ себѣ что-то самостоятельное, своеобразное; удалиться въ Малороссію не то, что уѣхать въ глушь саратовскую, а удалиться въ другой край, въ другой міръ, какъ бы въ другое государство. Не говорю уже о ея природѣ, о ея климатѣ»...

Попавъ весною того же года въ Елисаветградъ, А—въ писалъ оттуда отцу:

«Буду пробираться въ Кіевъ—черезъ Чигиринъ, Золотоношу; словомъ, хочу заглянуть въ самое гнѣздо козацкое... Мнѣ именно интересно посмотрѣть поближе весь бытъ деревенскій лѣтомъ»...

«Много слышалъ я о Кіевѣ, но онъ превзошелъ всѣ мои ожиданія! Я еще до сихъ поръ не могу настоящимъ образомъ придти въ

¹⁾ Родственникъ Осипа Максимовича В—аго.
А. ЗАВАРЖОВСКІЙ.

себя и отдать себѣ ясный отчетъ во всѣхъ испытанныхъ ощущеніяхъ: и красота самаго Кіева, и весна—съ разливомъ Днѣпра, съ молодою свѣжею зеленью, съ милліонами соловьевъ, съ благоуханіемъ, отсюда несущимся,—и пещеры съ своими будто-бы вѣчно бодрствующими мертвецами, и слѣды древности на каждомъ шагу, напоминающіе весеннюю пору въ исторіи Руси, ея первую, раннюю молодость, Русь еще княжескую, не царственную!—все это такъ разнообразно дѣйствуетъ на человѣка, что, кажется, мало одинъ разъ побывать въ Кіевѣ!—Я пріѣхалъ сюда въ среду утромъ, на солнечномъ восходѣ»...

«Теперь отъ Броваръ (овъ) до самаго Кіева—шоссе, слѣдовательно песковъ нѣтъ. Густая зелень деревъ по обѣимъ сторонамъ шоссе мѣшала видѣть Кіевъ надалека; впрочемъ, уже на 15 верстѣ—тамъ, гдѣ разстунились деревья, сверкнули главы и кресты церквей. Наконецъ, за нѣсколько верстѣ до Кіева, деревья пстезли и вся великолѣпная панорама Кіева раскрылась предо мною, отражаемая синими водами Днѣпра и ярко освѣщенная солнцемъ»...

«Отправился обѣдать къ Юзефовичу, который созвалъ на обѣдъ довольно много гостей—по случаю моего пріѣзда. Тутъ я познакомился и съ Ригельманомъ, и съ Судьенко, и съ статистикомъ Журавскимъ, и со многими другими... Послѣ обѣда мы долго слѣдѣли въ саду—въ виду роскошнаго клена, въ объѣмъ толщины, и при нѣннхъ соловьевъ. Потомъ перебрались къ Ригельману»...

«Я много разказывалъ Ригельману про Трутовскаго и у него есть прозекъ—предложить Трутовскому отъ себя, отъ Галагана, Тарновскаго ¹⁾ и отъ другихъ богатыхъ малороссовъ сумму денегъ, достаточную для артистическаго путешествія по Малороссіи. Я думаю, Трутовскій не откажется; взаимнѣ денегъ онъ можетъ представить въ ихъ пользу свои рисунки»...

Поѣхавъ лѣтомъ 1854 г. въ Яновщину, навѣститъ мать Гоголя, А.—въ пишетъ:

«Бѣжали мы чудесными мѣстами, освѣщенными луною, но большею частью бѣжали мы между хлѣбовъ. Знаете-ли вы хлѣбный запахъ? Я его никогда не обонялъ въ Россіи. Это такой живительный запахъ, что, вдыхая его въ себя, кажется, вдыхаешь въ себя силы и здоровье. Да и вообще хорошо лѣтомъ въ Малороссіи! Такъ пріятно видѣть эту сочность почвы, эту щедрость, благость, доброту природы»...

¹⁾ Василій Васильевичъ († 1866 г.)—отецъ извѣстнаго собирателя предметовъ малорусской старины.

Въ іюль того же года А—въ отправился къ Галагану (Г. П.) въ его Сокиренцы, посѣщеніе которыхъ описано отцу особенно подробно:

«Назвавъ лошадей у еврея, отправился я (изъ Ромна) въ Сокиренцы... Галаганъ встрѣтилъ меня самыми радушными объятіями. Семейство его состоитъ изъ матери его, урожденной граф. Гудовичъ, жены, урожденной Кочубей, сестры—замужемъ за гр. Комаровскимъ Павломъ и изъ самого гр. Комаровского. Тамъ же нашелъ я Ригельмана и художника Жемчужникова (Л. М.), сына сенатора, брата нашего правовѣда ¹⁾... Взглянувъ на домъ и на садъ, я сказалъ Галагану, что онъ не панъ, а лордъ Галаганъ, что его очень смутило и заставило горячо оправдываться. Въ самомъ дѣлѣ я думаю, и герцогъ Девонширъ былъ бы доволенъ здѣшнимъ мѣстомъ. Вообразите, что подъ англійскимъ садомъ и подъ паркомъ 140 десятинъ, 80 полъ садомъ и 60 подъ паркомъ. И какой садъ, какой паркъ! Я не видалъ ничего лучше и думаю, что только въ Англии можно найти что-нибудь подобное и даже лучше. Этотъ садъ былъ устроенъ еще его отцомъ, съ помощью какого-то знаменитаго садовника, изъ великолѣпнаго стараго лѣса. Садъ расположенъ съ необыкновеннымъ знаніемъ дѣла. Я не имѣлъ до сихъ поръ никакого понятія о наукѣ или, лучше сказать, объ искусствѣ садоводства. Садовникъ долженъ быть истиннымъ художникомъ и носить въ душѣ своей чувство красоты...

А что за деревья! Благодаря необычайной растительности прелюдкаго уѣзда,—всѣ деревья гиганты, дубы, липы, клены въ нѣсколько обхватовъ ширины. Есть дубы, которымъ независимо отъ растительности, дающей имъ большіе размѣры, считается лѣтъ подъ 300! Такіе высокіе, такіе могучіе дубовъ я нигдѣ не видалъ ²⁾. Есть кленъ, подъ которымъ можетъ помѣститься цѣлый батальонъ. Отъ одного края вѣтвей до другаго 42 шага, въ полеречникъ! Садъ такъ огроменъ, что въ немъ много урочищъ съ народными названіями. Въ одномъ дубѣ, обхвата въ три ширины, образъ, уже давно и неизвѣстно кѣмъ сюда поставленный. Онъ уже не однажды вросъ въ дубъ, т. е. его затагнувало корою дуба,—и должны были вновь вырубать его. Жаль одного. Воды мало, рѣки нѣтъ, есть прудъ, и большой, но по саду онъ малъ».

¹⁾ Поэтъ Алексѣя Михайловича.

²⁾ Въ Диканьскѣ Кочубеевъ—дуби еще могучее.

«Садъ содержится отлично, и Галаганъ посѣщившій объяснить, что содержится не панщиной, а наймомъ.—Домъ огромный, настоящій замокъ, содержится богато, но особенной роскоши въ немъ нѣтъ. Вся роскошь въ саду. Весь тонъ и строй жизни въ этомъ домѣ благочестивый, скромный и даже строгій, вся семья очень набожна. Галаганъ внушаетъ мнѣ характеромъ своимъ, направленіемъ и поступкамъ искреннее, глубокое уваженіе. Его убѣжденія мать извѣстны, они дѣлаютъ его постоянно серьезнымъ и даже грустнымъ. Среди этой роскоши онъ постоянно занятъ одною мыслью,—извлечь всю возможную пользу изъ своего положенія для другихъ, сдѣлать какъ можно болѣе добра, оправдать свое богатство передъ своею совѣстью. Онъ не распоряжается еще всѣмъ имѣніемъ, но по возможности, потому что главною госпожею его мать, старается объ облегченіи участи крестьянъ и о достиженіи со временемъ полнаго для нихъ освобожденія. Отношенія крестьянъ къ помѣщику въ Малороссіи хуже, чѣмъ въ Россіи у самаго лучшаго помѣщика, но это другой вопросъ, очень пространный, о которомъ какъ-нибудь послѣ, если будетъ можно. Мать Галагана очень замѣчательная женщина. Лишившись мужа еще въ малолѣтствѣ дѣтей, она вела все огромное хозяйство и воспитала дѣтей. Она очень умна, образована, чрезвычайно пріятлива и любезна, добра, ласкова съ людьми и крестьянами, набожна, но въ то же время авторитарка въ душѣ и деспотка. Все дѣлается по ея волѣ, по ея приказанію, отдаваемому кроткимъ, ласковымъ голосомъ, съ пріятнымъ, хотя и старымъ лицомъ,—никто никогда не смѣлъ и не смѣлъ послушаться этой худощавенькой, любезной старушки. Я говорю любезной, потому что она именно любезна, напоминаетъ любезность стариннаго свѣтскаго общества.—Здѣсь Жемчужниковъ—молодой художникъ съ большимъ талантомъ, страстно любящій Малороссію, уже три года ее посѣщающій. Онъ рисуетъ масляными красками, но genre его нѣсколько другой, чѣмъ у Трутовскаго. Онъ посвящаетъ себя эпизодамъ изъ козацкой исторіи, хочетъ рисовать картины въ украинскимъ думамъ, расписываемымъ бандуристами. Должно признаться, что онъ добросовѣстно изучаетъ козацкую поэзію, знаетъ почти всѣ думы наизусть и, вполне владея малороссійскими языкомъ, шатаясь по Малороссіи, завелъ знакомство съ бандуристами и много собралъ самъ пѣсенъ и думъ. Впрочемъ, въ Малороссіи это легче, чѣмъ въ Россіи; здѣсь художникъ, рисующій видъ природы, не удивитъ никого, не потому, что это явленіе случилось часто, но потому, что пониманіе вышнихъ искусствъ доступно Малороссу самому простому

и онъ самъ способенъ любоваться красотой цвѣта по дѣлать часамъ. Я видѣлъ масляную картину Жемчужникова, изображающую бандуриста сѣдаго съ мальчикомъ на дорогѣ: вдаль тянутся заборы, ползеть экипажъ на гору, и, слышавъ шумъ, бандуристъ заиграетъ на бандурѣ и запѣетъ. Картина хороша, но крайней мѣрѣ мнѣ нравится, и Галаганъ и всѣ малороссы ею очень довольны. Я несколько подумалъ, что при томъ серьезномъ, печальномъ даже расположеніи духа вѣстныхъ мнѣ богатыхъ малороссовъ, герге Трутовскаго, мало знакомаго съ исторіею Малороссіи и равнодушнаго къ ея прошедшему, не удовлетворить ихъ...

Пѣсни въ народѣ хорошо сохранились, и я не думаю, чтобы онѣ могли дойти до такой степени путаницы и неясности, какъ большая часть пѣсенъ, которыя поетъ великорусскій народъ. Здѣсь поющій обращаетъ вниманіе на содержаніе и на смыслъ пѣсни, между тѣмъ въ Россіи самая протяжность звуковъ мѣшаетъ обратитъ вниманіе на слова пѣсни. Ямщикъ проѣдетъ семь верстъ прежде, чѣмъ успеетъ кончить совсѣмъ первый стихъ пѣсни: *не было то слышанъ а мола заблѣлися*... «Что это за прелесть пѣсни малороссійскія въ собраніи Метлинскаго. Онѣ всѣ записаны изъ устъ народа. Столько въ нихъ художественной красоты, оконченности, граціозности что относятся вообще къ области чувства, исчерпано въ нихъ со всей глубиной, тончайшими оттѣнками и переливами. Вообще эти пѣсни показываютъ высокое душевное образованіе въ народѣ. Что касается до вѣстныхъ мнѣ пѣсенъ духовнаго и философскаго содержанія, то онѣ ниже великорусскихъ. Какая удивительная гармоничность, музыкальность стиха, наприимѣръ, въ этой пѣсни, гдѣ дочь, выданная замужъ въ чужую сторону, рассказываетъ про посѣщеніе своей матери:

Ище сонце не заходило,
Щось до мене да приходило?
Приходила моя матушка,
Приходила моя ридная,
Порадонька моя вирная.
Вона въ мене не обидала,
Тилки мене да одвидала;
Вона въ мене не полуднала,
Тилки мене приголубила;
Вона въ мене не барылася
Тилки сила, пожурылася...

На этомъ мы оканчиваемъ наши выписки, полагая, что по малой распространенности названной книги, онѣ будутъ прочтены съ любопытствомъ въ виду личности автора.

7. Отрывокъ изъ дневника В. Я. Ломиковскаго.

(Октябрь 1822 года).

Обширная переписка В. Я. Ломиковскаго съ другомъ его И. Р. Мартосомъ¹⁾, продолжавшаяся двѣнадцать лѣтъ (1818—1830 г.г.), почти вся посвящена возлюбленной ими „мистикѣ“; лишь въ немногихъ письмахъ Л—аго встрѣчаются свѣдѣнія о житейскихъ дѣлахъ. Но въ одномъ изъ своихъ писемъ Л—ий нашелъ нужнымъ познакомить М—са со всѣми подробностями той хозяйской сутолоки, въ которую онъ былъ погруженъ, живя въ селѣ въ качествѣ „хлѣбопашца“. Въ этомъ письмѣ Л—ий сообщаетъ М—су свой дневникъ за 22 дня октября 1822 г., при чемъ запись посвящена главнымъ образомъ сосѣду Л—аго, экс-министру Трощинскому. Мы уже знаемъ, что Л—ий былъ—миргородскій помѣщикъ, устроившій себѣ около дѣдовскаго села Шафоростовки, хуторъ, названный имъ *Паркъ-Трудолюбъ*²⁾. Въ этомъ хуторѣ Л—ий и жилъ, занимаясь „хозяйствомъ и древностями“. А верстахъ въ 8-ми отъ Парка-Трудолюба, въ с. Бибинцахъ, поселился въ 1822 г. бывшій министръ юстиціи Дм. Пр. Трощинскій, послѣ вторичной своей отставки³⁾. Трощинскій очень полюбилъ Л—аго и въ деревенскомъ своемъ уединеніи очень цѣнилъ бесѣду образованнаго и живаго парктрудолюбскаго хозяина, который, въ свою очередь, и почтительно, и пріязненно относился къ „вельможному своему сосѣду“.

Несмотря на краткость печатаемаго здѣсь отрывка, мы въ немъ находимъ любопытныя черты изъ общественнаго быта глухихъ уголковъ Малороссіи первой четверти настоящаго столѣтія.

¹⁾ См. Киевск. Стар. 1895 г., № 10.

²⁾ См. Предисловіе въ Словарь Малорусской Старини, Киевск. Стар. 1894 г., томъ 46-й.

³⁾ См. Русск. Старина 1862 г., июль, стр. 655 и слѣд.

Изъ этого же отрывка знакомимся ближе и съ самимъ Д—нъ, наблюдательность и писательская способность котораго показываютъ, что это былъ человекъ выдѣлавшійся изъ современнаго ему общества. Въ другомъ мѣстѣ мы намѣрены обрисовать личность Д—аго подробнѣе, а здѣсь лишь покажемъ, что, подчинившись вліянію Мартоса, послѣ случайной съ нимъ встрѣчи у Троцянскаго, въ Кибинцахъ, Д—ій забылъ любимыя имъ прежде „древности“ и погрузился въ „мистику“.—Изъ бумагъ Д—аго не видно, чтобы онъ имѣлъ обыкновеніе вести дневникъ. Помѣщаемый здѣсь отрывокъ явился, повидимому, случайно, изъ одного желанія, „обратась мыслей теплою къ благодѣтелю“, развлечь этого благодѣтеля подробнымъ разсказомъ о своемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ.

Засимъ, приводимъ письмо съ дневникомъ, опустивъ изъ перваго—мѣста, касающіяся мистическихъ писаній Мартоса.

„На утренней зарѣ и въ сумеркахъ вечернихъ, совѣсть тихо шепчетъ мнѣ: и чтобы значило, что ты коснешь писаніемъ въ истинному благодѣтелю своему?—Или жизнь разсѣянная заглушила въ тебѣ чувства признанія?—Совѣсть шепчетъ мнѣ и велитъ очнуться отъ забвенія постыднаго. Черными чернилами выражаю вину свою, и кровь багровая зардѣлась на щекахъ моихъ и—возговорило сердце мысленно: выдыбай душа изъ нучины суеты младенческой, пробѣги скорѣе черезъ дремучій лѣсъ въ поле ровное, обсушися тамъ и согрѣй себя противъ солнца, солнца свѣтлаго, обратися мыслей теплою къ благодѣтелю.

Мнѣ очень пріятно было видѣть въ письмѣ вашемъ отъ 20 сентября изъясненіе удовольствія за книги ваши, одѣтыя въ мастерскіе переплеты; теперь обстоятельства улучшились и впередъ можно будетъ безъ отлагательства переплетать и безъ замедленія доставлять книги, когда встрѣтится вамъ надобность¹⁾).

¹⁾ Н. Р. Мартосъ прислалъ свои книги изъ Кіева, для переплета въ Кибинцы, гдѣ у Троцянскаго былъ очень хорошій переплетчикъ. Какъ извѣстно, Тр—ій былъ большой библіофилъ и собиралъ извѣстную свою бібліотеку, старательно „одѣвалъ“ книги въ силовую телячью кожу; переплетчи эти сохраняютъ свое со-

Я не удивляюсь тому, что благолѣтельный вельможа изяснился мудрено (какъ вы пишете), а можетъ быть и хладнокровно о извѣстныхъ вамъ твореніяхъ¹⁾. Доложу вамъ, что я знакомъ теперь съ прямымъ образомъ мыслей его относительно такого рода твореній, ибо когда случайно зайдетъ рѣчь о библейскихъ обществахъ или о казанскомъ журналѣ, отличаю-

щее цегольство еще и теперь. Послѣ смерти Д. П. Тр-аго библиотека его перешла въ владѣніе одного изъ Кибинцевъ въ м. Кагаринѣ (киевск. губ.) и отсюда была куплена, гдѣ двадцать лѣтъ, киевскимъ книгопродавцемъ Федоровымъ, для розничной распродажи. Въ это время и намъ удалось приобрести нѣсколько книгъ изъ этой библиотеки; всѣ они мастерски перолетены въ саломану кожу, при чемъ на спинахъ, кромѣ заглавій, на всѣхъ книгахъ нѣтъ ни пинцала бывшего хозяина ихъ—Д. Т. Распродавъ болѣе цѣны изъ этой 6-ти книги, Федоровъ остальные недавно подарилъ въ киевскую учебную б-ку, которая такимъ образомъ приобрѣла очень много рѣдкихъ старинныхъ журналовъ.—Кибинскіе перелеты цѣнились недорого; въ одномъ письмѣ I—II, изъица М—са, что книги его уже перолетены, пишетъ: „относительно же цѣм, то вотъ и цотъ: 1) два сафьянныхъ перелета—10 руб. да еще 33 перелета французскихъ, каждый по три рубля, всего 109 рублей“. Материалы для перелета Тр—іа, жила въ Кибинцахъ, выписывалъ изъ Петербурга.

¹⁾ Помянутому, Н. Р. Мартосъ жаловался на равнодушіе Д. П. Трощинскаго къ „истинѣ“. Въ письмѣ Тр-аго къ М—су, 28 апрѣля, 1832 г., читаетъ: „Объ благодарности получая я рукописныя книги, отъ васъ доставленныя и они занимаютъ меня теперь вслѣдствіемъ; но признаюсь вамъ чистосердечно, безъ предубѣжденія вашего, съ толикою твердостью и основательностью опровергающаго должна устроиванія сочинителя, а бы не нѣтъ терпѣнія прочтати его отъ начала до конца. При всей знаменитости Г. С. (Сведенборга), при всей глубокой мудрости его, одни чудесныя видѣнія его совершенно унижаютъ цѣну его творенія и показываютъ его или сумасшедшимъ или шарлатаномъ. Можетъ быть я и обманываюсь на счетъ сего прославленнаго сочиненія, но система его одна изъ тѣхъ, кои никогда не привлекутъ моего къ нимъ уваженія...“ Въ другомъ письмѣ (1 іюля, 1832 г.) Тр—іа пишетъ М—су: „Употребилъ ровно 50 дней на прочтеніе извѣстной книги вамъ мнѣ доставленной, и чистосердечно сознаюсь предъ вами, что не смѣю назвать ее Ангельскою премудростію, и слѣдуя вашему мнѣнію, „что въ семъ дѣлѣ горадо полезнѣе молчать“, не могу однакоже не убѣдиться справедливостію того заключенія, которое намѣтъ я въ прочтатной другой книгѣ подъ титуломъ *Божественная философія*. Сочинитель сей послѣдній нацѣтъ Г. С. высказываетъ свои слова: „Жаль, что онъ часто божественному мистичку съ писанія потемнелъ своимъ воображеніемъ, которое нерѣдко заражало его своею ривачиою. Ся истина не можетъ быть чиста, какъ скоро для достиженія къ ней нужно ломати голову...“ Вѣроятно, на эти письма Тр-аго М—съ и жаловался Домбровскому, говоря, что „вельможа изяснился хладнокровно о извѣстныхъ твореніяхъ“. (Подлинныя приведенныхъ писемъ Тр-аго нахожд. въ нашей б—кѣ).

щемся богословскими сочиненіями, то онъ часто говорить: „не люблю я господствующаго нынѣ духа“. На всѣ таковыя сочиненія онъ удѣляетъ самую малую часть времени и сейчасъ спѣшитъ къ свѣтскимъ сочиненіямъ, не говоря уже о застарѣлой наклонности ко всякимъ политическимъ изданіямъ и новостямъ. И такъ, не взирая на то, что онъ усердный сынъ церкви и притомъ ведетъ жизнь благоподательную, не взирая на то, и въ самой даже уединенной жизни своей, не можетъ легко изглаживать впечатлѣній, укоренившихся въ немъ въ продолженіе долгодлѣтнаго служенія, начавшагося между богатыми міра и пол-вѣка продолжавшагося предъ лицомъ роскошнѣйшей царицы и двухъ великомогущнѣйшихъ царей русскихъ, нельзя сказать, чтобы онъ преимущественно занимался *боюмысленнымъ чтеніемъ или сборомъ сильныхъ мыслей*, по конь бы могъ размышлять и поступать, предпочитая всегда послѣднее первому; но онъ питаетъ духъ свой всякого рода чтеніемъ; въ семъ отношеніи онъ служитъ тому и другому господину. Нѣкогда удалось мнѣ переложить въ русскіе стихи оду Жанъ-Батиста Руссо, отрывки оной такъ говорятъ:

Счастливы, кто въ жизни сей
Рубежъ наследственныхъ волей
Спокойнымъ духомъ обтекаеть,
Чье сердце сонъ не укасаеть
Вдовецъ убогихъ, дѣтокъ ихъ,
Игнанныхъ изъ жилищъ своихъ.

А ты, гдѣ нѣла тишина
Въ предѣлахъ сихъ родоверна,
Прійди, спокойствомъ наслаждась,
Заботъ догучныхъ удалясь,
Они здѣсь кровью не гадцаеть,
Дыханьемъ воздуха не тустаеть...

Такъ стихотворцы издавна увѣряють, что посвятившіе себя сельской жизни могутъ обрѣсти прочное спокойствіе. Истинный христіанинъ, съ твердостью покоряясь промыслу, на всякомъ мѣстѣ найдетъ счастье въ сердцѣ своемъ; сельское же счастье, искомое въ мірѣ, существуетъ только въ воображеніи стихотворцевъ, ибо нынѣ сельская жизнь нашего дворянства такъ

отдѣлена отъ непорочной патриархальной жизни, какъ и гѣто-счисленіе отъ первыхъ періодовъ бытія до нынѣшнихъ временъ, самыхъ мятежныхъ.—Многолѣтніе опыты удостовѣрили меня, что безмятежное спокойствіе не весьма чаще заглядываетъ въ сельскую обитель, какъ и въ городскія палаты. Я посвятилъ себя мирнымъ занятіямъ; любя умѣренность, koliko можно удаляюся отъ суеты, непрестанно ищу удивленія, и при всемъ томъ мирныя упражненія мои тревожатся день и ночь. Въ доказательство сего представляю здѣсь дневныя записки такого хлѣбопашца, котораго позагаютъ въ числѣ трудолюбивыхъ и котораго многіе сосѣди упрекаютъ рѣдко за то, что рѣдко съ ними видится.

1822 года, мѣсяцъ октябрь.

8-ое число. Украли у меня рабочую лошадь; слѣдъ найденъ у городского жителя.

9. Мнѣ, обиженному, надлежало поѣхать къ городничему и просить удовлетворенія, убѣждая его въ справедливости дѣла моего. Я представилъ градоначальнику, что званіе его столь важно, что и въ самой литургіи церковь молится о немъ въ особенности; онъ отвѣчалъ, что чувствуетъ это; однакожь лошадь мою болѣе двухъ недѣль извурали въ городѣ, наконецъ возвратили ее, но не даромъ!

10. Я повезъ въ городъ подушную подать, за вторую половину сего года, за 91 душу ревнскихъ крестьянъ своихъ заплатилъ за полъ-года до 300 рублей! Кое-какъ еще помѣщики уплачиваютъ за крестьянъ своихъ подати; много же званія крестьяне погрязли въ недонимкахъ.—Между тѣмъ казначей доказалъ мнѣ, что въ числѣ податей, одна бѣлая ассигнація есть фальшивая, вслѣдствіе чего пошли крайне непріятныя переписки, показанія и снятіе сказки по узаконенной формѣ.

11. Еще въ сентябрѣ мѣсяцѣ получилъ я повозъ¹⁾, дабы явиться въ повѣтовый судъ къ отвѣту на одинадцатое число

¹⁾ Повозку о шестѣ.

октября мѣсяца; позовъ сей данъ на имя мое отъ пяти лицъ, за то именно, что я, соображая обоюдныя выгоды, промѣнялся съ сосѣдомъ своимъ одной полосой земли; не смотря на то, что обмѣнъ сей сдѣланъ былъ 13 лѣтъ тому назадъ и на законномъ основаніи, однакожъ самыя неопытныя сосѣди, наиболѣе изъ женскаго пола, наставлены были ябедниками, чтобы они, жалуюсь на обидчика, приравнашаго у нихъ въ послѣдствіи собственную землю ихъ, ссылались бы и на меня; и хотя при этомъ дѣлѣ истцы просили у меня совѣтовъ для защиты ихъ и я всемирно защищалъ ихъ и успѣлъ въ томъ, но все негдѣ того дѣтъ, что я получилъ позовъ, съ омерзеніемъ занимался нѣсколько дней юридическою словесностью и статутнымъ вижжаніемъ (sic). Среди докучныхъ занятій сихъ, сей день вечеромъ, вельможный сосѣдъ мой (Трощинскій) послѣ стодневнаго отсутствія, прибылъ въ Кибинцы.

12. Въмѣстѣ съ женою пріѣхали мы въ Кибинцы поздравить семейство вельможи съ благополучнымъ пріѣздомъ. Женѣ были сдѣланы намеки за то, что я не встрѣтилъ вельможу вчерашняго вечера и что досточтимый сосѣдъ мой весь вечеръ провелъ въ сукѣ одинъ. Они не внимали тому, что я не былъ предваренъ о пріѣздѣ и отнюдь не хотѣли соображать, что я могъ встрѣтить, какъ и случилось, разныя заботы и ненавистныя сердцу моему занятія,—я же и виновать!

13. Присланъ ко мнѣ нарочный въ село Кибинцы съ письмомъ отъ старшаго сына друга моего Алексѣева; онъ прибылъ изъ полку въ отеческую обитель, а потому просить меня, чтобы я пріѣхалъ къ нимъ для свиданія, убѣждая тѣмъ, что если я не воспользуюсь симъ случаемъ, то уже нескоро увидимся; сверхъ того, 14-е число октября мѣсяца есть день рожденія его матери. Докладывая вельможѣ о таковой необходимости, получилъ въ отвѣтъ: „вашъ отъѣздъ крѣпко разстроиваетъ меня, ибо мнѣ необходимо надобно будетъ поѣхать съ вами въ Хорольской уѣздъ, въ Марѣв Михайловнѣ Родзянкиной, (родной теткѣ моей по мужу¹⁾). Я далъ слово возвратиться черезъ два дня. Того-жъ

¹⁾ Рожденная Шранченко, изъ и. Воронежа, глухоосл. уѣзда.

вечера выѣхалъ къ Алексѣеву; ѣдучи съ горы, опрокинулась моя коляска; кучеръ, слуга и господинъ, всѣ трое выкатились изъ экипажа, какъ головки капустныя, но безъ вреда.

14. Домашній праздникъ въ домѣ Алексѣева¹⁾; обѣдню служили соборомъ; пѣвчіе отличныя.—Къ обѣду съѣхались сосѣди и знакомые изъ трехъ уѣздовъ, также военные изъ нѣсколькихъ полковъ и родные изъ нѣкоторыхъ губерній были здѣсь случайно; дамъ было до тридцати; пировали, пѣли и плясали; были игры, хоры и веселіа. Хотя ястія и питія явились здѣсь изъ многихъ странъ заграничныхъ, тучныхъ, сладкихъ и ароматныхъ свѣдій представлено было съ презыткомъ, однакожь все сіе посѣтителами приежливо было за самое обыкновенное и какъ бы ничто; такъ-то нынѣ усиллась роскошь.

15. Воскресный день; мало кто былъ въ церкви; пированіе такое-же.

16. Оставивъ множество гостей, выѣхалъ рано, чтобы поспѣть въ Кябинцы къ обѣду, и поспѣлъ. Алексѣевъ и жена его глѣзались на меня крѣпко, что рѣдко бываю у нихъ; разсудительная дама уважила причины мои, хозяинъ же никакого оправданія не принималъ и не захотѣлъ проститься со мной. Глѣвъ отъ любви, и притомъ крайне неосновательный и неспра-

¹⁾ Дмитрій Даріюловичъ Алексѣевъ былъ потомокъ гетмана Апостола и жилъ гдѣ то въ Миргородщинѣ, въ одномъ изъ бывшихъ гетманскихъ имѣній. О немъ Лониковскій, въ одномъ изъ писемъ въ Мартосу, разсказываетъ слѣдующее: „Д. Д. Алексѣевъ) объѣхалъ западную Европу въ качествѣ путешественника, пріѣхалъ въ Сиб. съ духомъ вольнодумства; здѣсь, во время прогулокъ, увидѣвъ во французской книжкѣ завагі случайно книгу о небѣ и адѣ, онъ внутренне смѣлся—какъ можно человѣку, будучи еще на землѣ, описывать адъ и небо? что можно знать, не бывши тамъ?.. Нацѣвался съ однимъ пріятелемъ своимъ надъ заглавіемъ книги, рѣшился купить книгу сію единственно изъ любопытства, дабы посмѣяться надъ висцателями; какъ, напротивъ того, встрѣтилъ тамъ такіа високія истины, которыя и на мысль не приходили ему. А какъ въ этой книгѣ авторъ ссылается часто на другія творенія свои, то и родилось у Алексѣева желаніе достать всѣ оныя книги и онъ выискалъ въ Лондонѣ, на англійскомъ языкѣ, всѣ творенія сего автора: тогда онъ столько приглянулся къ сему автору, что пожелалъ видѣть творенія сія въ рускомъ переводѣ, а потому и сталъ напирать на переводчиковъ, которые и перагали творенія сія съ различныхъ языковъ: съ англійскаго, французскаго, нѣмецкаго, а всего болѣе съ латинскаго языка“. (25 апр., 1823 г.).

ведливый гнѣвъ, не могъ поселить въ сердцѣ моемъ грустнаго впечатлѣнія. Дмитрій Ларіоновичъ Алексѣевъ никогда бы не поступилъ со мною такъ, какъ младшій братъ его, ибо первый въ бесѣдахъ привѣтливъ, мягкосердъ, слушающій оправданія, и въ общежитіи снисходителенъ и всегда скромнѣе, какъ красна дѣвица, воспитанная въ высокому теремѣ. Того-жъ дня, прибылъ я домой и привезъ женѣ кошницу съ лекарствами.

17. Давалъ женѣ лекарства по семи разъ въ день, а сверхъ того теплую ванну; она страдаетъ застарѣлымъ заваломъ въ селезенкѣ, который однакоже разбитъ болѣе полонини.

18. Утромъ пріѣхалъ въ Кибинцы. Въ 12-мъ часу мы легко пообедали; по здѣшнему выраженію, легко пообѣдать значить—6 блюдъ на завтракъ да 6 на обѣдъ; и такимъ образомъ съ полнотой желудка выѣхали мы за городъ Хороль, въ село Родзянки, къ Марѣ Михайловнѣ Родзянкиной; третій сотоварищъ нашъ былъ престарѣлый Р. И. Симоновскій. На половинѣ дороги подставлены были лошади, и мы, проѣхавъ 50 верстъ, посѣдѣли въ село Родзянки при закатѣ солнца.

19, 20, 21. Всѣ сіи дни была дурная погода, не было возможности проѣздить и разсматривать хозяйскія устройства; по сей причинѣ мы всякій день бостонировали. Оригиналъ Симоновскій и подобная ему французенка, живущая въ домѣ Марѣ Михайловны, часто смѣшили насъ странными глаголаніями. Молодежи было довольно, и мы такъ свободно празднословили, что еслибъ незнакомый человѣкъ подслушалъ насъ въ другой комнатѣ, то подумалъ бы, что все общество наше состоитъ изъ самыхъ зефирныхъ блазней; но еслибъ онъ заглянулъ внимательно на собесѣдующихъ, то какъ бы онъ удивился, увидѣвъ тутъ маститаго мужа, министра, украшеннаго первоклассными знаками отличія и утѣшавшагося нашимъ суесловіемъ! Извѣстно, что нашъ министръ до 2-го часу занятъ дѣломъ, а тамъ, чѣмъ веселѣе и свободнѣе бесѣда, тѣмъ пріятнѣе ему. Такого образа жизни и самъ издатель—*Способа къ долговременной жизни*, Гуфеландъ, не осудитъ.

22. Мы прибыли обратно въ Кибинцы на поздній обѣдъ. Вечеромъ бостонъ и хоръ пѣвчихъ. NB. Кратковременное путе-

шестые сіе принесло великую пользу народу, и вотъ такую: по случаю переѣзда нашего, я писалъ къ хорольскому исправнику, что на пути нашемъ находятся глубокой ручей, на которомъ проѣзжіе крестьяне издревле ломаютъ возы свои или объѣзжаютъ за 4 версты, что во время грязной дороги очень тагостно народу; и такимъ образомъ неоснительно сдѣланъ мостокъ тамъ, гдѣ не бывало онаго отъ сотворенія міра. Министръ, служившій отечеству во благо народа болѣе 50 лѣтъ, весьма стоитъ того, чтобы въ преклонныхъ лѣтахъ его оказывали къ нему особенное уваженіе.

23, 24. Пospѣшилъ домой. Жена моя приготовляла различные наряды къ празднику. Я же едва успѣлъ сдать счетъ расходовъ и прибытковъ хозяйскихъ; прочиталъ новыя журналы, газеты и тому подобное.

25. Рано пріѣхалъ я съ женою въ Кибинцы. Здѣсь получилъ я изъ рукъ А. В. Капниста два письма отъ васъ¹⁾ и драгоценную рукопись вашу. Немедля прочиталъ оную бѣгло, но съ ненасытнымъ удовольствіемъ, потомъ читалъ съ размышленіемъ и новымъ удовольствіемъ перечитывалъ и усладился въ снотость. Сей день засталъ я гостей въ Кибинцахъ: Марю Михайловну Родзянкину съ двумя старшими сыновьями, Анну Петровну Трохимовскую, Багрѣва съ женою; сей сказывалъ намъ, что старшій братъ его женился на дочери министра Сперанскаго, и въ прежнемъ качествѣ черниговскаго губернатора, возвратился съ женою и съ помпой во свояси. Сперанскій, на первый случай, подарилъ новобрачнымъ по 30.000 рублей ежегодно.

26. Тевонимный день нашего эксъ-министра. Еще съ двадцать-третьяго числа посѣтители начали съѣзжаться, но сей день отъ всѣхъ сторонъ катились во дворъ экипажи. Въ церковь ѣхали парадомъ болѣе тридцати экипажей; почти во всякомъ дворѣ видны были пріѣзжіе экипажи. Литургія продолжалась три часа. Возвратясь изъ церкви, едва можно было дойти до гостинной, надлежало крѣпко тѣсниться между мушкетерами. Изъ

¹⁾ Т. е. отъ И. Р. Маркса.

числа посѣтителей были: генералъ-губернаторъ князь Репнинъ, бригадный генералъ Ляховичъ, изъ Миргорода,—Лубень и Лохвицы—полковные командиры, также множество было штабъ-офицеровъ, эполетовъ, эксельбантовъ и пуговицъ съ губернскими гербами. Былъ губернской предводитель дворянства В. В. Капнистъ съ дочерью, племянницей, внукой и правнучкой; былъ и архимандритъ полтавскій Юсифъ; были изъ трехъ уѣздовъ протопопы, священники и діаконы; духовныхъ особъ было вообще 19. Дамъ было немного болѣе, всѣхъ же вообще было болѣе 150 человекъ. Что сказать вамъ объ угощеніи?—никакъ нельзя сказать, чтобъ угощеніе было блистательное или расточительное; но оно было въ сытость пресыщенія, какъ водится нынѣ у зажиточныхъ хлѣбосоловъ. Могу сказать утвердительно, что гости, включительно съ прислугой, въ три дня столько проглотили хлѣба насущнаго, рыбъ, птицъ и звѣрей земныхъ, что еслибъ во время оно, припасы сіи находились въ новомъ ковчегѣ, то весьма довольно было бы для всего семейства патриарха сего на все время плаванія его поверхъ пучины. Слѣдовательно, нынѣ роскошь столько усилилась, что для пированія нманинъ вельможіи потребно издержать съѣстныхъ припасовъ въ три дня столько, сколько во время плаванія Ноя потребно было для годового прокормленія всего рода человѣческаго, въ то время существовавшего. Но этого мало еще; потребно, чтобы всѣ царства земныя принесли избытки свои для трапезы его, ибо нынѣ уже и пища не въ пищу, если не будетъ приправлена многими иноземными произведеніями, какъ то: перцемъ, имбиремъ, лимономъ, померанцевымъ цвѣтомъ, ванилью, миндалями, амброй, лавромъ, капорцемъ, коринками, нзюманн, и проч., и проч. И этого мало! всѣ лѣса и сады міра нашего должны предстанить изящнѣйшіе плоды свои; долины, горы и острова отдаленные присылаютъ ему различныя вина свои, конхъ одна имена только ¹⁾ едва припомнить можно! Мудрены нынѣ прихоти людскія. Чудное дѣло! всѣ приморскіе народы суетятся день и ночь, дабы сбыть избытки свои; и шести-

¹⁾ Подъ видомъ славнаго заморскаго вина, имъ часто съ аломъ нмемъ лнма ходимъ имена.—Примеч. Ломоносова.

вершковый желудокъ не можетъ быть довольно сытымъ, если не утучнить утробы своей драгоценными произведеніями земли и моря! Посмотрите на городского ремесленника, живущаго вседневными трудами: едва проснется онъ, и первымъ глоткомъ (sic) пожираетъ уже произведенія четырехъ странъ свѣта!—какъ то: кофе—изъ Африки, чай—изъ Азіи, сахаръ—изъ Америки, а булка и крендели свои, изъ Европы. Такъ-то нынѣ большая часть людей трудятся въ потъ лица своего день и ночь для того, чтобъ не утучнить себя излишками; но соблюдая жизнь умѣренную, садясь и вставая отъ простой трапезы, трудами рукъ своихъ приобретенной среди зноя или среди нестерпимой стужи, благословляетъ Бога, насыщавшаго отца съ многочисленными семействомъ его. Какъ напротивъ того, большая часть людей, утопившихъ въ избыткахъ, нѣсколько часовъ сразу просыщается острыми и сладкими яствами, хоры и многолѣтіе громгласно раздается; встаютъ наконецъ нарядные сонмы, рдяныя лица ихъ играютъ веселіемъ—и никто не перекрестится! Кто посмѣетъ сказать, что земной шаръ истощился въ плодородіи своемъ? Господь сказалъ: „когда я одѣваю двѣты земные, питаю птицъ несѣющихъ хлѣба, то ужели не прокормлю человѣка?“

27, 28. То-же угощеніе и тѣ самыя веселія.

Пиръ веселій паровали,
 Въ карты, въ фанты такъ играли;
 Цѣли такъ, а такъ пили;
 Въ вечеръ шумный молодежь
 Перевстала, роль играли.
 Такъ не въ модѣ мудрецы,
 Гдѣ дѣвцы веселятъ
 И гдѣ головы вертятся;
 На старушекъ не глядятъ,—
 Скроиво въ уголку сидятъ,
 Юность съ горемъ воспоминаютъ,
 Съ звукомъ взоромъ не спускаютъ.
 Ужь не видятъ дочь отца,
 Все глядятъ на молодца:
 Шепчуть нилому твоему,
 Милый руку жметъ логонько...
 Суесловью вѣтъ конца.

29. Князь Репнинъ рано выѣхалъ въ Полтаву. Еще оставались въ Кибенцахъ нѣсколько семействъ прѣзжихъ. Я выѣхалъ домой ¹⁾).

30. Вотъ такъ-то мы въ деревняхъ убиваемъ время; на что такая жизнь похожа? Я тунеядничалъ, а крестьяне мои тѣмъ временемъ поочереды, въ сіи три недѣли, занимались своими и своими собственными дѣлами; работы были слѣдующія: орали, починяли разныя строения для домашняго скота; ушивали (соломяныя) кровли; молотили хлѣбъ, вѣяли, сушили и мололи; квасили капусту и свеклу; продолжали кирпичныя строения; подковывали лошадей; рѣзали сѣчку для скота; приготовляли къ зимѣ санныя экипажи и рабочія сани; жали камышъ; пилили строевой лѣсъ; ловили рыбу; рѣзали тучныхъ валаховъ и овецъ, изъ которыхъ дѣлали вообще слѣдующія всеполезныя употребленія: изъ кишокъ—струны для шановаловъ и другихъ потребностей; изъ ножекъ—клей мерзланой; кровію поливаются съ успѣхомъ, въ подражаніе китайцамъ, плодоносныя деревья; мясо въ солонину, сало и кожи—на тулупы для людей. Каковы овцы?—Также дѣлали крахмалъ, разныя крупы, вывозили гуменной и скотской навозъ на конопляныя поля и огороды, сѣяли на зиму нѣкоторыя сѣмена садовых и огородныхъ; курили горѣлку; дѣлали солодъ; обшивали людей дворовыхъ сапогами, шапками, тулупами, рукавицами и проч. и проч. полезныя и пріятныя занятія. И можно ли такія упражненія, столь близкія къ природѣ человѣка, столь безгрѣшныя дѣла, промѣнять на жизнь тунеядную, на деннонощное бдѣніе чувственности безъ мирнаго бдѣнія души? Посудите сами, на что похожа жизнь такая? гдѣ мирная тишина въ душѣ, гдѣ спокойствіе въ сердцѣ? И можно ли не краснѣть отъ стыда, давая вечерній отчетъ съ разумомъ и съ совѣстію о употребленіи жизни своей? Гдѣ то хожденіе передъ лицомъ Бога, которое требуется отъ всякаго христіанина? Пожалѣйте обо мнѣ, что я совершенно поневолѣ, но всегда съ глубокимъ сожалѣніемъ,

¹⁾ По свиданію, этотъ самый интересный праздникъ описанъ в другіяхъ сощдѣхъ Троицкаго; см. Русск. Стар. 1862 г., № 6, стр. 659 и слѣд. См. также Историч. Вѣсти, 1891 г., май, стр. 363, въ Воспоминаніяхъ Софьи Спалова.

убивая драгоценное время; разсыпанная жизнь сія тѣмъ нестерпимѣе для сердца моего, что у меня похищается, грабится, изъ рукъ вырывается даже и тѣ золотыя часы, которые бы желалъ я вседушно посвятить для сладостнаго собесѣдованія съ вами; не говоря уже о томъ, что закоснѣлость въ правдословіи изгоняетъ духовность, а грубую чувственность, унижающую чело-вѣка, всемірно ласкаетъ. Увы! не усну и не почию въ мирѣ!

Теперь доложу вамъ, что получивъ, чрезъ А. В. Капниста, октябрьскія письма ваши, положилъ въ мысляхъ своихъ, немедля и безъ всякой отсрочки, дать полный отвѣтъ на всѣ ваши от-зывы; но какъ же удивился я, когда на досугѣ сообразилъ, что уже мѣсяцъ прошелъ, а вы и до сихъ поръ не имѣете отъ меня никакого отвѣта! Я самъ себѣ говорилъ: какимъ образомъ это случилось такъ? Вѣдь, кажется, я былъ дома пять дней сряду, хотя дни очень короткіе, при свѣчахъ же я и читать не могу, ибо не хочу баловать глаза очками; однако-жъ, за пять дней, можно бы приступить къ дѣлу; приступилъ, а далѣе не имѣлъ возможности продолжать писанія, ибо въ сіе время гостила у насъ мать жены моей и собственные мои родственники изъ Харьковской губерніи. Послѣ сего получилъ неприятное извѣстіе, что старшій братъ мой жестоко страдаетъ грудною водяною и поѣхалъ въ Полтаву лѣчиться къ славному Рос-ташевскому. Чувство природы повлекло меня къ единоутробному и къ радостному удивленію моему, увидѣлъ брата довольно здо-роваго и виѣ опасности; онъ говорилъ мнѣ, что ему въ про-долженіи 3 недѣль, 8 разъ пускали кровь півночную и такимъ образомъ вылѣчили отъ водяной, прозшедшей отъ закрывшихся геморойдъ. Такіе-то разные непредвидѣнные случаи отторгаютъ меня отъ самыхъ необходимыхъ мнѣ занятій. Представивъ вамъ съ возможной подробностью, всякаго рода помѣхи, которыя отнюдь не чуждаются и сельскихъ жителей, — убѣдительно прошу васъ, когда и впередъ случится долгій періодъ молчанія моего, то это ни отъ чего другого происходитъ, какъ отъ невольной суеты, жестоко удручающей меня, и что я, какъ бы ни замед-лилъ своимъ отзвонъ къ вамъ, но все страхну съ себя и ни-когда не допущу себя до такой неключимости, чтобъ при пер-

вомъ досугѣ не постарался наградить горестной потерн таковой...
(Письмо помѣчено: Паркъ Трудолюбъ. Ноября 30, 1822 г.)

8. Жегота Паули.

(Некролог).

Въ началѣ октября (6-го) с. г. умеръ въ Краковѣ Жегота (т. е. Игнатій) Паули, которому принадлежит сборникъ малорусскихъ пѣсень, выданный въ 1839—40 гг. ¹⁾ Сборникъ Паули и сборникъ Вацлава Зелъскаго (1832 г.) представляютъ интересное явленіе, какъ труды полезовъ въ области маловѣдомой еще тогда малорусской народной поэзи. Въ предисловіи къ своему сборнику Паули, издавшій передъ тѣмъ таковой же сборникъ польскихъ пѣсень, говоритъ: «Przy układaniu i szukowaniu onych (пѣсень) trzymałem się tych zasad, co i przy pieśniach polskich, ograniczając się po części na same gminne pieśni, których wcale nie ma zbiór Wacława z Oleska, lub które tamże nie są wydrukowane». Для увеличенія своего сборника, Паули часть пѣсень заимствовалъ изъ сборника Максимовича (изд. 1827 г.), тѣмъ болѣе говоритъ онъ, что «też same pieśni i lud ruski w Galicyi zpiewa». Пѣсни въ сборникѣ Паули снабжены подробными объясненіями съ описаніемъ обрядовъ, какъ напр. свадебныхъ (I, 61—66), причемъ эти ириѣщанія, какъ записанныя болѣе полустолѣтія назадъ, теперь имѣютъ двойную цѣну. Какъ извѣстно, по поводу этого сборника пѣсень Паули, въ недавнее время, былъ обвиненъ въ плагиатѣ. Извѣстный галичанинъ Головацкій въ своихъ воспоминаніяхъ о совмѣстныхъ съ Шашкевичемъ в Вагилевичемъ занятіяхъ родною старинною, говоритъ по этому поводу: «Вмѣстѣ съ нами колегіи посѣщалъ небольшой человѣчекъ, нѣкто Игнатій Паули, мажуръ, ирѣхавшій изъ Сандецкой гимнази въ университетъ. Онъ постарался познакомиться съ нами, изъявилъ будто бы пламенное желаніе научиться по русски и по славянски, удавалъ славянина и подписывался даже *Жегота Паули*... Паули выманилъ отъ насъ не только тетради народныхъ пѣсень, но и переписалъ отъ меня пѣсни Максимовича и послѣ продалъ книгопродавцу Яблонскому, который и выдалъ ихъ въ двухъ частяхъ подъ з. *Pieśni ludu ruskiego*, хотя онъ вовсе не собиралъ пѣсень, а переписывалъ таковыя... ²⁾». Обвиненіе Головацкаго было напечатано при жизни

¹⁾ *Pieśni ludu Ruskiego w Galicyi, zebrał Żegota Paull. Łwów. T. I, 1839, 177 стр. и T. II, 1840, 205 стр.*

²⁾ *Литерат. Сборникъ, изд. Гал.-Русск. мати., 1855, зиа. I, стр. 14. (Львовъ).*

Паули, но оставлено безъ отвѣта, при чемъ едва ли можно допустить, чтобы воспоминавія Головацкаго остались неизвѣстны такому книжнику, какимъ былъ Паули. Трудно рѣшать теперь—гдѣ правда, но, повидному, не весь же сборникъ Паули составленъ былъ изъ «выпавшихъ» у Головацкаго и его товарищей, если первый въ своемъ большомъ сборникѣ, напечатанномъ въ «Чтеніяхъ», указывая источники записей, называетъ и Паули¹⁾. Въ только что напечатанномъ обширномъ некрологѣ Паули²⁾, по этому вопросу говорится, что по отношенію къ сборнику малорусскихъ пѣсней—*jak twierdzą rusini, sam Pauli nie zbierał, ale miał korzystać ze zbiorów rękopiśmiennych duchowieństwa ruskiego*. Повидному, г. Бартошевичъ имѣеть здѣсь въ виду показаніе того же Головацкаго, причеиъ никакнхъ возраженій не дѣлаетъ...

Вмѣстѣ съ пѣснями Паули издавъ, въ томъ же 1840-мъ году, книжку—*Starożytności Galicyjskie* (Lwów 1840, 8°, 47 стр. и 20 рис.). Книжка заключаетъ въ себѣ нѣсколько портретовъ и затѣмъ рисунки памятниковъ археологів. Для южнорусской исторіи здѣсь интересны: портретъ извѣстнаго Самуила Зборовскаго съ его подлинью (*fac-simile*) и обстоятельною біографіей, показывающею близкое знакомство Паули съ первоисточниками польской исторіи. Затѣмъ слѣдуетъ еще портретъ—полулегендарной *Роксоланы* (родомъ будто бы изъ м. Рогатина), взятой татарами въ плѣнъ и ставшей потомъ женою Соломана I, и извѣстнаго участника въ дѣлѣ церковной униі 1596 г. Гедеона Балабана († 1607). Заинтересовавшись Зборовскимъ, Паули впоследствии издавъ *Pamiętniki do życia i sprawy Samuela i Krzysztofa Zborowskich* (Lwów, 1846). Издавъ еще Паули *Pamiętniki Łosia*, повидному, относящіеся къ эпохѣ Хмельницкаго, но этой книжки намъ не приходилось видѣть. Труды Паули по польской исторіографіи перечислены г. К. Бартошевичемъ въ его обстоятельномъ некрологѣ этого неутомимаго книжника, который, родившись въ 1814 г., до послѣднихъ своихъ дней сидѣлъ за книгами бібліотеки краковскаго университета³⁾... Знаяше Паули польскіе ученые называли его *модлемъ энциклопедію*, но тутъ же и жаловались, что раскрывалася эта энциклопедія для справокъ очень неохотно...

¹⁾ См. у Пинни, Этнограф. Малорусская, 136—138, гдѣ приведены основательныя соображенія и за Паули.

²⁾ К. Бартошевича, Край, № 42.

³⁾ Свѣдѣнія г. Бартошевнча могутъ быть пополнены статьей о Паули г. Дубіцкаго (Кіюу 1887 г., № 1153), при которой помѣщенъ и портретъ Паули.

9. Исторія Запорожскихъ козаковъ. Д. И. Эварницкаго. Слб. 8°. Томъ 1-й. 1892. VII + 542 стр. и 22 рисунка. Томъ 2-й. 1895. 624 стр. и 1 планъ.

Г. Эварницкій считается специалистомъ по знанію Запорожья. Занимаясь исторіею послѣдняго, онъ преимущественно «изучалъ топографію Запорожскаго края». — «Изученію топографіи края авторъ всегда придавалъ огромное и первѣйшее значеніе, и потому, прежде чѣмъ взяться за изображеніе историческихъ судебъ войска запорожскихъ низовыхъ козаковъ, онъ много разъ объѣзжалъ всѣ мѣста бывшихъ сѣчей, много разъ плавалъ по Днѣпру, спускался черезъ пороги, осматривалъ острова, балки, лѣса, шляхи, кладбища, церковныя древности, записывалъ козацкія пѣсни, народныя преданія, вскрывалъ погребальныя курганы и изучалъ всѣ, болѣе или менѣе значительныя, частныя и общественныя, собранія запорожскихъ древностей. Во всемъ этомъ онъ руководился исключительно любовью (и ничѣмъ другимъ) (?) къ запорожскимъ козакамъ»... Эти слова г. Эварницкаго изъ предисловія къ первому тому, даютъ читателю право смотрѣть на автора изданной имъ нынѣ «Исторіи», какъ на самостоятельнаго историка Запорожья. Первый серьезный дебютъ г. Эварницкаго по изученію Запорожья заключался въ его книгѣ—«Запорожье въ остаткахъ и преданіяхъ народа», изданной въ 1888 г., въ двухъ томахъ, со множествомъ рисунковъ. По содержанію своему «Запорожье» явилось книгою очень неопредѣленнаго содержанія: тутъ была претензія и на ученость, и на *живой рассказъ*, переходившій иногда въ бессодержательную болтовню (I, 147, 163 и друг.). Главное, содержаніе книги заключалось въ описаніи той «топографіи Запорожскаго края», изученію которой авторъ, по его словамъ, «всегда придавалъ огромное и первѣйшее значеніе», не объясняя, однакожъ, почему, а

лучшую часть «Запорожья» составляли многочисленные рисунки, преимущественно вещей запорожской старины из богатого собрания А. Н. Поля († 1890 г.)¹⁾, который, по словам г. Эварницкаго, «ведет свой родъ по женской линіи отъ наказнаго атамана (?) малороссійскихъ козаковъ Павла Полуботка». Описывая нѣкоторыя вещи изъ этого собранія, г. Эварницкій опредѣлялъ ихъ значеніе иногда очень курьёзно: напр., сказавъ объ одной «статуеткѣ (ч. I, рис. 2)», что она «вылита изъ мѣди, довольно изящной работы, изображаетъ въ сидячемъ положеніи, по-турецки, запорожца, съ чаркой въ лѣвой рукѣ» и проч., г. Эварницкій добавляетъ: «видимо (?), статуетка имѣла назначеніе если не ручки книжала, то, всего вѣроятнѣе, фигурки, стоявшей на столовыхъ часахъ». Послѣ такого объясненія является вопросъ—неужели у запорожцевъ могли быть столовые часы?

О книгѣ «Запорожье» была уже напечатана довольно обстоятельная рецензія въ «Кіев. Старинѣ» за 1888 г. (№ 11, стр. 36—48), и здѣсь мы упоминаемъ объ этомъ трудѣ г. Эварницкаго лишь для объясненія происхожденія нынѣ изданной «Исторіи Запорожскихъ козаковъ».

Вторымъ трудомъ г. Эварницкаго по исторіи Запорожья была книга—«Вольности Запорожскихъ козаковъ, историко-топографическій очеркъ» (Спб. 1890). О значеніи этой книги авторитетный рецензентъ высказался такъ (Кіев. Стар. за 1891 г., № 2, стр. 352 и слѣд.), что этотъ трудъ г. Эварницкаго представляетъ собою болѣе систематическую переработку книги «Запорожье», причемъ, уступая послѣднему въ полнотѣ, легкости и разнообразіи изложенія, онъ превосходитъ его въ степени обработки, хотя, къ сожалѣнію, также не свободенъ отъ недосмотровъ, промаховъ и неточностей». Многіе изъ этихъ дефектовъ книги были указаны рецензентомъ, причемъ общій выводъ, сдѣланный изъ обзорнія «Вольностей» былъ тотъ, что въ книгѣ нѣтъ критики²⁾...

¹⁾ См. Каталогъ коллекціи древностей А. Н. Поля, въ Екатеринославѣ. Вып. I. Составила К. Мельникъ. Кіевъ. 1893. 8°. 213 стр. и XIV таблицъ рисунковъ.

²⁾ Въ другой рецензіи на эту книгу (г. Никольскаго, въ газ. «Южн. Край» 1891 г., № 3464) выводъ былъ тотъ же. Указавъ рядъ неточностей и ошибокъ въ «Вольностяхъ», рецензентъ заключаетъ: «разбираемая книга много выиграла бы, если бы г. Эварницкій отнесся къ ней съ большимъ вниманіемъ и еслибы въ ней была поменьше авторскихъ «вольностей», которыя сильно умаляютъ ея значеніе и лишаютъ другихъ возможности руководствоваться ею, какъ серьезнымъ научнымъ трудомъ».

Засимъ, въ 1892 г. изданъ первый томъ «Исторіи Запорожскихъ козаковъ». Въ предисловіи къ этому тому авторъ говоритъ: «Въ основаніе настоящаго труда легло десятилѣтнее изученіе жизни и военныхъ дѣяній запорожскихъ козаковъ, прославившихъ себя безсмертными подвигами въ борьбѣ за вѣру, народность и отечество»... Въ первомъ томѣ И. З. К. заключается 26 главъ, причемъ каждая изъ нихъ посвящается тому или другому вопросу изъ бытовой исторіи Запорожья. Начинается книга главою—«Границы вольностей Запорожскихъ низовыхъ козаковъ». Отрывъ исторію Запорожскихъ козаковъ, читатель ожидаетъ, что авторъ ея прежде всего дастъ свѣдѣнія—что же такое были эти запорожскіе низовые козаки?—Но книга начинается такъ: «Границы вольностей Запорожскихъ козаковъ въ разное время и отъ различныхъ обстоятельствъ постоянно мѣнялись»... О какихъ вольностяхъ говорить здѣсь авторъ—читатель недоумѣваетъ, но авторъ такъ и не даетъ объясненія этого слова... Онъ перепечаталъ эту главу изъ книги «Вольности», въ которой это слово объяснено въ предисловіи, но въ «Исторіи З. К.» это объясненіе авторъ почему то не нашелъ нужнымъ приводить... Затѣмъ слѣдуютъ главы: 2) *Гидрографія, топографія и климатъ Запорожскаго края*, 3) *Производительность земли, флора, фауна и времена года (?) въ Запорожскомъ краѣ*, 4) *Исторія и топографія осьми запорожскихъ сѣчей*. Все это та же «топографія Запорожскаго края», изученію которой авторъ придаетъ «нѣвѣйшее значеніе» и которую уже дважды передъ этимъ описалъ въ «Запорожьѣ» и «Вольностяхъ». Впрочемъ, есть тутъ нѣкоторыя измѣненія, сокращенія и передѣлки. Измѣненія такіа напр.,—въ «Вольностяхъ» читаемъ, что «Днѣпръ—самая извѣстная въ древнемъ мірѣ Европы и самая священная (?) у Запорожскихъ козаковъ рѣка», послѣ чего приводится рядъ другихъ названій Днѣпра и ихъ объясненій, а въ «Исторіи З. К.» говорится, что «Днѣпръ—это священная и завѣтная для запорожцевъ рѣка» (безъ объясненія причинъ), но затѣмъ опускаются всѣ другія названія этой рѣки и ихъ объясненія. При описаніи Чертомлыцкой сѣчи въ «Вольностяхъ», авторъ, не ограничиваясь топографическимъ ея описаніемъ вспоминаетъ и нѣкоторыя историческія событія, въ ней происшедшія, напр., онъ подробно повторяетъ здѣсь извѣстный разсказъ Величка о нападеніи въ 1675 г. янычаръ на сѣчь. Этотъ разсказъ въ «Исторіи З. К.» уже перенесенъ въ другое мѣсто, но за то въ «Исторіи»

приводится длинный рассказ (стр. 122—137) объ участіи Запорожья въ Мазепиномъ дѣлѣ, неизвѣстно почему относящійся къ исторіи топографіи Чертомлыцкой Сѣчи, такъ какъ, повидимому, рассказу объ этомъ очень яркомъ эпизодѣ изъ исторіи Запорожья въ XVIII в., мѣсто вовсе не здѣсь, а въ III-мъ томѣ «Исторіи», согласно плану самого же г. Эварницкаго. (Предисл. стр. V).

Послѣ топографіи слѣдуютъ главы о внутренней жизни Запорожья. Назовемъ нѣкоторыя изъ этихъ главъ, чтобы ближе познакомиться съ содержаніемъ перваго тома «Ист. З. к.» и научнымъ его значеніемъ. *Составъ, основаніе и число славнаго Запорожскаго низоваго войска.*—Здѣсь, между прочимъ, объ основаніи «низоваго войска», т. е. Запорожья, ничего не говорится, а начинается глава такъ: «Запорожскіе козаки, живя въ сѣчи безъ женъ и безъ поколѣнія (?)... старались пополнить свою убыль и увеличить составъ своего войска...» Затѣмъ перечисляются тѣ народности, которыми пополнялось «низовое товариство», со ссылкой на «академика XVIII в. Георги» и IV-ю часть его «Описанія всѣхъ обитавшихъ въ Россіи народовъ»; но послѣдняя, какъ извѣстно, написана не Георги (Сопиковъ, IV, 51, № 5736), а составляетъ компиляцію Мих. Антоновскаго, въ родѣ «Описанія о козацкомъ народѣ» Симоновскаго; засимъ, цитируются: Вероника Кребсъ—объ «Уманской рѣзнѣ», «Записки о Хотинской войнѣ» Якова Собѣскаго и Скальковскій. Здѣсь любопытна ссылка на «Записки о Хотинской войнѣ», указывающая, что этимъ памятникомъ г. Эварницкій пользовался лишь по тому его отрывку, который былъ напечатанъ въ «Черниг. Губ. Вѣд.» за 1849 г. (№№ 47—50). Какъ извѣстно, «Записки о Хотинской войнѣ» были изданы нѣсколько разъ, и одно изъ послѣднихъ изданій, 1853 г., заключаая «Заниски» (Diariusz wojny Turckiej) въ полномъ видѣ, гораздо удобнѣе было бы для пользованія, чѣмъ то краткое извлеченіе которое болѣе 40-ти лѣтъ назадъ случайно напечатано въ губ. вѣд. Вся глава о составѣ «низоваго войска» не представляетъ въ себѣ ни новыхъ свѣдѣній, ни новыхъ соображеній, будучи составлена по Скальковскому и Мышецкому...

Глава—*Войсковое и территориальное дѣленіе Запорожья*—говоритъ о дѣленіи сѣчеваго войска на курепи и всего Запорожья на «палачки». *Войсковыя куренныя и палачочныя рады запорожскихъ козаковъ*,— глава эта составлена, преимущественно, по книжкѣ Мышецкаго, при чемъ авторъ въ числѣ ея источниковъ указываетъ и на «Три книги Хо-

тинской войны Якова Собѣскаго», по Данцигскому изданію 1646 г., т. е. на ту книгу, которую нѣсколько выше онъ замѣняетъ напечатаннымъ въ губ. вѣдомостяхъ отрывкомъ. *Административныя и судебныя власти въ Запорожскомъ низовомъ войскѣ.—Суды, наказанія и казни у Запорожскихъ козаковъ.* Обѣ эти главы составляютъ повтореніе свѣдѣній Скальковскаго и Мышецкаго, но тутъ же указывается опять нѣсколько разъ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1849 г., т. е. Записки Якова Собѣскаго, подлинникомъ которыхъ, г. Эварницкому извѣстнымъ, онъ пользоваться почему то не желаетъ...

Одежда и вооруженіе у Запорожскихъ козаковъ. Одежда описана по рассказамъ встрѣченнаго г. Эварницкимъ древняго мѣстнаго старца Россолоды и по тѣмъ преданіямъ, которыя приведены въ «Запискахъ о Южной Руси». Добавленія автора являются сбивчивыми придатками, напр., хотя бы въ описаніи тѣхъ тканей, изъ которыхъ дѣлалась одежда. «Изъ всѣхъ приведенныхъ свидѣтельствъ, говоритъ г. Эварницкій, видно, что самія дорогія платья Запорожскихъ козаковъ дѣлались изъ шелка, польскаго и англійскаго сукна, кармазина и аксамита... Платья изъ красныхъ восточныхъ суконъ назывались кармазинными, отъ татарскаго слова кырыммызы—красный» (значитъ кармазинъ было тоже сукно, только восточное); «наконецъ, платья изъ аксамита назывались аксамитными» (!). При этомъ авторъ, желая дать объясненіе аксамиту, говоритъ: «аксамитъ—это дорогая ткань, приготовляемая изъ шести нитокъ (какихъ?), почему и получившая свое названіе отъ греческаго слова ἄσμιτος и ἱμάτιον—одежда... Аксамитъ—золотая и серебряная матерія плотная, ворсистая, похожая на бархатъ...» Но изъ какого матеріала дѣлался этотъ аксамитъ г. Эварницкій такъ и не досказываетъ... А между тѣмъ, обратившись хотя бы къ Линде, онъ бы увидѣлъ, что аксамитъ дѣлался изъ нитокъ шелковичнаго кокона, т. е. изъ шелка, а следовательно онъ не только былъ похожъ на бархатъ, но былъ дѣйствительно бархатомъ...

Описывая подробно огнестрѣльное и холодное оружіе, авторъ приводитъ иногда свѣдѣнія тоже весьма странныя... Описывая *келепъ*, г. Эварницкій добавляетъ: «историкъ Зеделлеръ говоритъ, что келепа употреблялась запорожскими козаками для разбиванія непріятельскихъ доспѣховъ»¹⁾; но какихъ доспѣховъ и почему ихъ можно было раз-

¹⁾ Этому историкъ Зеделлеру принадлежатъ свѣдѣнія «О состояніи ратнаго дѣла въ Малороссіи съ 1886 г. до 1867 г.», которыя наложены на *тремя строчками*

бывать только келепами—авторъ не поясняетъ, довольствуясь тѣмъ, что это сказали «историкъ Зеделлеръ»... Далѣе г. Эварницкій, при вопросѣ о стрѣльбѣ изъ луковъ, говоритъ: «стрѣлы видимо (?) употреблялись запорожскими козаками въ очень раннюю пору ихъ историческаго существованія и были заимствованы отъ татаръ и турокъ», причемъ указываетъ на рисунокъ Сагайдачнаго въ «Виршахъ» (изд. 1622 г.) и затѣмъ продолжаетъ: «сагайдакъ съ татарскаго «сагайдакъ»—дикій козель или кожа съ дикаго козла для обшиванія лука и даже самый лукъ—употреблялся запорожскими козаками для той же цѣли, какъ у татаръ, *траненія въ немъ стрѣлы* и носился за плечами; сагайдаки добывались запор. козаками главнымъ образомъ у татаръ». Что же такое былъ сагайдакъ—колчанъ или лукъ—г. Эварницкій такъ и не объяснилъ, конечно, потому, что затруднился этимъ вопросомъ¹⁾... Вообще надъ вопросомъ о стрѣльбѣ изъ луковъ, очень интересномъ въ исторіи холоднаго оружія, г. Эварницкому можно было потрудиться и разрѣшить хотя бы вопросъ—къ какому времени относится указываемая имъ «ранняя эпоха» употребленія луковъ и когда вышло изъ употребленія это архаическое оружіе у козаковъ?

Въ главѣ о войсковыхъ клейнотахъ нѣтъ сколько нибудь точнаго описанія даже козачьихъ знаменъ. «Знаменемъ, хоругвью, или короговою, и прапоромъ назывался шелковой ярко-краснаго цвѣта платокъ (?), съ изображеніемъ посрединѣ орла, а по бокамъ Спасителя и архангела Михаила». Вотъ и все. А между тѣмъ, уже *корогова и прапоръ* не одно и тоже, что видно и изъ того, что у козаковъ было два отдѣльныхъ чина: хоружій и прапорщикъ; первый оберегалъ большое знамя, корогву, а другой—меньшее, прапоръ²⁾.

второго тома его «Обозрѣнія исторіи военнаго искусства» (1843 г.); свѣдѣнія эти представляютъ такую же ничтожную компиляцію, какъ и статьяка другого такого же историка Коховскаго—Опытъ изученія войнъ В. Хмельницкаго, на которую г. Эварницкій тутъ же ссылается (стр. 261).

¹⁾ А между тѣмъ коротенькое, но точное объясненіе этого слова есть и у Линде (*Saydak*), а болѣе полное объясненіе сдѣлано Саввантовымъ при описаніи старин. царск. умарей и проч., въ Зап. Арх. Общ., XI, 594.

²⁾ Тутъ же г. Эварницкій говоритъ, что «запорожскіе клейноты по частямъ можно видѣть въ частныхъ музеяхъ, въ томъ числѣ у В. В. Тарновскаго и у П. ла». Смѣемъ увѣрить почтеннаго автора, что въ коллекціи перваго нѣтъ *клейнотовъ*, принадлежавшихъ запорожцамъ, какъ «войску», да и въ собраніи Поля, судя по каталогу его коллекціи, мы тоже не замѣтили *войсковыхъ* запорожскихъ клейнотовъ.

Въ главѣ «Характеристика запорожскаго козака», заключающей въ себѣ попытку автора представить нравственный обликъ запорожца, находимъ прелюбопытныя страницы... Напр., вотъ изображеніе запорожца, какъ созерцателя природы: «Будучи въ душѣ поэтами и мечтателями, запорожцы всегда выбирали самыя живописныя и красивыя мѣста для своихъ временныхъ (?) и вѣчныхъ (?) жилищъ, *слазали на высокія скалы*, уединялись въ лѣсныя пущи, поднимались на большіе курганы и съ высоты птичьяго полета любовались ландшафтами и предавались тихимъ думамъ и возвышеннымъ размышленіямъ»... Авторъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 315), что такой выводъ слѣдуетъ сдѣлать, «взглянувъ на мѣста бывшихъ запорожскихъ сѣчей», но едва ли одно мѣстоположеніе послѣднихъ можетъ дать основаніе для приведенной характеристики, въ противорѣчіе которой на слѣдующей страницѣ (284) читаемъ: «характернымъ недостаткомъ запорожскихъ козаковъ была также ихъ страсть къ спиртнымъ напиткамъ. Въ пьянствѣ и бражничествѣ, говоритъ очевидецъ (ссылка на Боплана), они старались превзойти другъ друга, и едва ли найдутся во всей христіанской Европѣ такія беззаботныя головы, какъ козація. Нѣтъ въ свѣтѣ народа, который бы могъ сравниться въ пьянствѣ съ козаками: не успѣютъ проспаться и вновь уже напиваются»... Повидимому, Бопланова характеристика запорожцевъ вѣрнѣе характеристики, принадлежащей собственно г. Эварницкому, который, впрочемъ, не хочетъ согласиться съ личнымъ свидѣтелемъ запорожскаго жителя-бытья въ первой половинѣ XVII в. и дѣлаетъ еще попытку облить запорожскую душу: «впрочемъ, предаваясь разгулу и бражничеству, запорожскіе козаки, говоритъ г. Эварницкій, не были однако похожи на тѣхъ жалкихъ пьяницъ, которые пропивали свои души въ черныхъ и грязныхъ кабакахъ и теряли въ нихъ всякій образъ и подобіе созданій Божіихъ; здѣсь (т. е. у запорожцевъ) было своего рода молодечество и особый эпикурейскій взглядъ на жизнь человѣка, напрасно обременяющаго себя трудомъ и заботами и непонимающаго истиннаго смысла жизни—существовать для веселія и радости»...

Обширная глава о «*Церковномъ устройствѣ у запорожскихъ козаковъ*» (306—364) представляетъ собою сплошныя выписки изъ «Описанія Екатеринославской епархіи» (Екатеринославъ, 1880, два выпуска), книги очень почтенной, но составленной по остаткамъ старихъ дѣлъ консисторскихъ архивовъ конца XVIII в. и потому дающей свидѣнія о

заселеніи епархіи и возникновеніи церквей въ слободахъ лишь за это время¹⁾). Вмѣсто того, чтобы сдѣлать общую характеристику заселенія запорожскихъ степей слободами и, вмѣстѣ съ тѣмъ, рассказать о церковностроительствѣ въ нихъ, г. Эварницкій называетъ одну за другою эти слободы по книгѣ еп. Феодосія и затѣмъ беретъ изъ послѣдней всѣ свѣдѣнія не только о времени построенія церкви, но и всѣ свѣдѣнія о сохранившихся въ ней вещахъ, говоря, напр., о той или другой церкви, что въ ней сохранилось «четырнадцать церковнобогослужебныхъ книгъ, изъ коихъ одна, тріодъ постная, куплена какимъ-то козакомъ Симеономъ въ 1775 г.» Подобнымъ сырымъ матеріаломъ загромождена глава, трактующая—о церковномъ устройствѣ запорожскихъ козаковъ.

Много лишнихъ свѣдѣній и въ слѣдующей главѣ—*Самарскій Пустынно-Николаевскій монастырь*, описаній котораго существуетъ нѣсколько, а «новыхъ матеріаловъ» для исторіи этого монастыря у г. Эварницкаго не было, какъ онъ самъ говоритъ (прим. на стр. 374). Стараясь затушевать общезвѣстность приводимыхъ свѣдѣній о монастырѣ, г. Эварницкій оттъпляетъ значеніе послѣдняго фразами: «Самарско-Николаевскій монастырь—замѣчательнѣйшая святыня и по историческимъ воспоминаніямъ, и по великимъ дѣяніямъ подвижниковъ (?), и по исключительному его положенію: въ немъ возникла первая для всего Запорожскаго края церковь; въ немъ положенъ былъ первый зародышъ просвѣщенія, монастырская школа²⁾; изъ него вышли первые апостолы вѣры и благочестія (?) на весь край необозримой пустыни...» Встрѣтивъ въ книжкѣ еп. Феодосія о Самарскомъ

¹⁾ Какого рода беретъ авторъ изъ этой книги свѣдѣнія, видимъ изъ слѣдующаго: «Въ с. Карнауховѣ церковь основана въ 1778 г., во имя св. вмч. Варвары; до построенія церкви, во время свирѣпствовавшей къ Запорожскому краю моровой аэмы 1771—1772 г.г., жители Карнауховки сперва соорудили себѣ икону св. Варвары по внушенію монаха Ивана Кайдаша, молялись предъ ней дневно и ночью, прося отвращенія отъ страшной смерти; въ это же время они дали обѣтъ, по минованіи общественнаго бѣдствія, устроить у себя церковь во имя заступницы св. Варвары, и когда бѣда миновала, то они положили свою просьбу въ запорожскій кошъ, на имя кошеваго атамана Петра Калинишевскаго» и т. д. Подобныхъ описаній въ «Исторію Запорожскихъ козаковъ» изъ «Описанія Екатеринославской епархіи» перенесены цѣлыя страницы....

²⁾ Ни о какой монастырской школѣ въ Описаніи Самарскаго монастыря еп. Феодосія свѣдѣній мы не нашли...

монастырѣ *сочиненныя* свѣдѣнія о священникѣ Кириллѣ Тарловскомъ («дикомъ пошѣ»), г. Эварницкій переноситъ и эти свѣдѣнія, въ свою книжку, нѣсколько ихъ варьируя противъ подлинника: «Кириллъ Николаевичъ Тарловскій въ отдаленномъ прошломъ былъ полякъ; предокъ его, носившій фамилію Тарахъ-Тарловскаго, въ 1587 году переселился изъ Мазовецкаго округа въ Кіевъ; въ Кіевѣ, тогдашнемъ разсадникѣ всѣхъ наукъ, духовной академіи, онъ получилъ высшее образованіе; изъ Кіева переѣхалъ въ городъ Остеръ, изъ Остра въ Козелець, Черниговской губерніи, гдѣ, «получа осѣдлость», женился на благородной шляхтянкѣ, Софьѣ Ходавской. Въ третьемъ или четвертомъ поколѣніи отъ этого брака, отъ протоіерея Николая и жени его Анны, произошелъ Кириллъ Николаевичъ Тарловскій. Онъ также воспитывался въ Кіевской духовной академіи; по окончаніи курса наукъ, сдѣлался священникомъ сперва при Козелецкомъ дѣвичьемъ монастырѣ, а потомъ при Козелецкой Николаевской церкви ¹⁾». (Стр. 376). Изъ этого свѣдѣнія видно, что оно *сочинено*, такъ какъ въ 1587 г. въ Кіевѣ академіи еще не было, а г. Козелець возникъ лишь ок. 1630 г. ²⁾, и сочинено по всей вѣроятности въ восьмидесятихъ годахъ прошлаго вѣка, когда, послѣ изданія дворянской грамоты (1784 г.), стали въ Малороссіи *сочиняться* разнаго вида «доказательства о дворянствѣ» для внесенія въ «дворянскія родословныя книги.» Хотя авторъ книжки, изъ которой г. Эварницкій переписалъ приведенное свѣдѣніе, и говоритъ, что послѣднее взято имъ изъ «документовъ», но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что документами этими и были именно тѣ «доказательства», которыя были представлены, въ свое время, и Тарловскими—мѣстнымъ уѣзднымъ пред-

¹⁾ Въ книжкѣ еп. Феодосія это свѣдѣніе изложено такъ: «Изъ имѣющихся у насъ подъ руками документовъ видимъ только, что предокъ Тарловскаго, молодой Тарахъ-Тарловскій, благородный шляхтичъ королевства Польскаго, 1587 г., изъ Мазовецкаго воеводства перешелъ въ Кіевъ, а потомъ, получивъ образованіе въ школахъ Кіевской академіи, перешелъ въ Остеръ и Козелець, Черниговской губерніи, и получивъ тамъ осѣдлость, женился на благородной шляхтянкѣ Софій Ходавской. Изъ внуковъ или правнуковъ его Кириллъ Николаевичъ Тарахъ-Тарловскій также воспитывался въ Кіевской духовной академіи; по рассказамъ многихъ, поступилъ въ священники» (Опис. Сам. монастыря. Екатериносл. 1880. Стр. 57).

²⁾ Въ илюстраціи 1826 г. Козелець называется еще только *слободою* (Zródła Dziejowe, V, 209).

водителямъ дворянства . «для сочиненія списка всѣмъ дворянскимъ родамъ»¹⁾).

Остальныя главы I-го тома «Исторіи Зап. коз.» также точно не представляютъ собою какой-либо самостоятельной работы, а состоятъ изъ выписокъ, кое-какъ соединенныхъ между собою, причемъ авторъ нерѣдко пользуется источниками совершенно уже устарѣвшими. Въ главѣ, напр., *О христіанскихъ сосѣдяхъ запорожскихъ козаковъ*, г. Эварницкій считаетъ излишнимъ сказать нѣсколько словъ и о религіозной униі 1596 г. (а не 1595 г., какъ у г. Эварницкаго, стр. 424), причемъ опредѣленіе униі беретъ изъ «Исторіи Малороссіи» Н. Маркевича. Говоря далѣе о результатахъ униі, г. Эварницкій безъ критики цитируетъ изданную полѣтка назадъ «Исторію русск. церкви» архіеп. Филарета Гумилевскаго.

Желая, какъ можно полнѣе изложить бытовую исторію Запорожья, г. Эварницкій послѣднюю главу I-го тома посвящаетъ *«Почтовымъ учрежденіямъ у запорожскихъ козаковъ»*. И вотъ что онъ въ ней говоритъ: «Въ странѣ, существовавшей исторически болѣе двухъ сотъ лѣтъ, въ странѣ вполнѣ благоустроенной, въ странѣ, гдѣ жили люди, постоянно находившіеся въ живыхъ и непрерывныхъ сношеніяхъ съ державными и властными особами востока, запада, сѣвера и юга, не могло не быть такого перваго, но вмѣстѣ съ тѣмъ такого необходимаго на пути развитія культуры учрежденія, какъ учрежденіе почты. Конечно, на первыхъ порахъ въ Запорожьѣ, какъ и въ каждой странѣ, роль постоянныхъ почтарей выполняли или случайно приѣзжавшіе въ сѣчу люди или же экстренно послывшіеся курьеры. Такъ, извѣстно, что кошевой атаманъ Иванъ Сирко, въ 1675 году, написавши письмо отъ имени всего запорожскаго товариства на имя гетмана Петра Дорошенка, отправилъ его для передачи черезъ «случившихся на ту пору» въ сѣчи чумаковъ. Извѣстно также, что и на Украинѣ генеральный судья Кочубей, посылая доносъ на гетмана Мазепу въ Петербургъ, отправилъ его съ особымъ гонцомъ. Впослѣдствіи случайныхъ подателей (?) и экстренныхъ гонцовъ замѣнили постоянные почтари.»

Обратясь къ ислѣдованію вопроса—когда же именно возникли «почтовые гоны» въ Запорожьѣ, г. Эварницкій находитъ, что по «ар-

¹⁾ См. Пош. Собр. Зак., XXII, № 16187.

живнымъ документамъ» гонимы эти учрежденія въ 1768 г. «правителями Новороссіи» Воейковымъ и Исаковымъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что Запорожье своею «необходимаго на пути развитія культуры учрежденія», т. е. почти, не имѣла...

Въ предисловіи ко второму тому И. З. К. авторъ довольно *кратко* заявляетъ, что этотъ томъ «написанъ при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ: авторъ труда находился вдали отъ столицы болѣе чѣмъ на 5000 верстъ разстоянія. Живя то въ Ташкентѣ, то въ Самаркандѣ, авторъ испытывалъ нерѣдко такое затрудненіе, о которомъ ученый европейской Россіи и самаго слабаго представленія не можетъ имѣть: какая-нибудь ничтожнѣйшая справка, стоящая въ столицѣ 20 минутъ времени, въ Туркестанскомъ краѣ стоитъ два мѣсяца времени. Къ этому надо прибавить полное отсутствіе въ краѣ людей, интересующихся исторіей вообще и исторіей Южной Россіи въ частности... Оттого написать исторію запорожскихъ козаковъ въ Туркестанскомъ краѣ была почти такую же задачею, какъ переплыть въ первобытной лодкѣ Каспійское море. Независимо отъ разстоянія, немалую трудность составляла при написаніи исторіи *з. козаковъ* новизна самаго дѣла: отъ начала запорожскаго козачества до первой полов. XVIII столѣтія исторія низовыхъ козаковъ представляла собою настоящую terra incognita или непочатое поле... Поэтому возможно, что многіе найдутъ немало пробѣловъ въ настоящемъ трудѣ автора; но авторъ, свято уважая мнѣніе всякаго человѣка, *нисколько не будетъ смущенъ указаніемъ на всѣ недостатки Исторіи*. Въ основаніе второго тома И. З. К. положены, главнымъ образомъ, подлинныя письма историческихъ лицъ и современные событіямъ акты. Послѣ писемъ и актовъ брались во вниманіе (и только?) лѣтописцы, малороссійскіе и польскіе, а потомъ изслѣдователи настоящаго и прошлаго столѣтія. Авторъ избѣгалъ давать обобщенія событіямъ и давалъ ихъ лишь въ такой мѣрѣ, сколько позволяли то самыя матеріалы...» Изъ этого любпытнаго предисловія мы видимъ, что авторъ имѣетъ намѣреніе писать исторію *низовыхъ козаковъ* и въ этой исторіи онъ избѣгаетъ давать обобщенія, т. е. давать то, что непременно долженъ давать научный историческій трудъ, хотя бы онъ писался «отъ столицы» еще дальше Туркестана.

Первая глава второго тома заключаетъ въ себѣ исторію «происхожденія козаковъ.» Сдѣлавъ попытку объяснить слово *козакъ*,

авторъ говоритъ о появленіи въ исторіи сначала «татарскихъ» козаковъ, а потомъ и южнорусскихъ, причѣмъ приводитъ хронологическій перечень всѣхъ извѣстій, которыя упоминають объ «украинскихъ» козакахъ. Указывая причины, по которымъ южнорусское козачество, «начавшись небольшими купами, дошло до развитія въ цѣлое сословіе и разлилось на обширной территоріи Малороссіи и потомъ Запорожья», авторъ называетъ этихъ причинъ пять: первая «причина земельная, которая заключается въ томъ, что когда Литва присоединила къ себѣ въ 1471 г. русскія области, то ввела въ нихъ собственный феодальный порядокъ государственнаго строя», причѣмъ «крестьяне, какъ низшій классъ населенія, считались неправо способными и потому не имѣвшими права лично на обладаніе землей... Отсюда естественно, что южнорусское населеніе, встрѣтивъ невиданный имъ порядокъ вещей и постепенно обезземелившись, стало бросать центральныя мѣста государства и уходить на окраины его»... Вторая причина—«экономическая». Объясненіе ея такое: до Люблинской уніи литовскіе помѣщики (?) совсѣмъ отказывались отъ окраинныхъ черноземныхъ земель, и правительство предоставляло ихъ низшему сословію», которое, «защищая свое имущество, должно было взяться за оружіе и стать на военную ногу». Третья причина заключалась въ томъ, что «южноруссы, уходя въ степи, ради промысловъ, постоянно сталкивались съ татарскими козаками («изъ Бѣлограда, Крыма и Азова») и постепенно усваивали отъ нихъ какъ отдѣльныя слова, такъ и костюмъ, вооруженіе, самыя приемы битвы и наименованіе козаковъ»... Четвертою причиною появленія южнорусскаго козачества была близость вольныхъ степей. Чтобы выростить, воспитать цѣлое сословіе или общину воиновъ, для этого нуженъ просторъ, нужны вольныя земли, свободная, никѣмъ незанятая территорія или, по крайней мѣрѣ, окраины, пограничныя со степной равниной. Оттого мы и видимъ, что какъ въ самой Азій, такъ и въ Европейской Россіи, козачество всегда начиналось на пограничной территоріи государствъ развивалось и ширилось на открытыхъ степныхъ равнинахъ»... Послѣдняя причина—этнографическая. «Дѣло въ томъ, говоритъ авторъ, что южнорусская народность, воспитанная на вѣчевомъ строѣ, самосудѣ и самоуправленіи, потомъ ставшая въ зависимость отъ Литовскаго великаго княжества и невпопѣ вошедшая въ колею государственныхъ порядковъ его, оттого потянувшаяся на свободныя, никѣмъ незанятая мѣста, естест-

венно могла стремиться воскресить въ своей памяти давно померкшіе идеалы нѣкогда существовавшихъ въ южной Руси, на началахъ полнаго самоуправленія, общественныхъ порядковъ»...

Вся эта теорія происхожденія козачества, исключая «причины этнографической¹⁾», взята г. Эварницкимъ изъ статьи, помѣщенной въ «Кіев. Старинѣ» за 1884 г. (№№ 8 и 9)²⁾, причемъ авторъ, добросовѣстно указавши источникъ, ни въ чемъ противъ него не споритъ, повторая прочитанные имъ домыслы, какъ историческія аксіомы...

Далѣе, желая выяснитъ предметъ своей книги, авторъ указываетъ на тѣ группы, которыя современемъ образовались въ южнорусскомъ козачествѣ. Козачество, жившее «на низовьяхъ Днѣпра, за порогами,» называлось низовыми или запорожскими козаками, а тѣ, которые выше пороговъ—«городовыми или реестровыми». «Рѣзкое раздѣленіе запорожскихъ отъ городскихъ козаковъ окончательно установилось въ первой половинѣ XVII в.», говоритъ г. Эварницкій, и тутъ же продолжаетъ: «начавши со второй половины XVI ст. и просуществовавъ почти до конца XVIII в., запорожцы до 1654 г. находились въ зависимости отъ Литвы и Польши, а съ этого времени вошли въ зависимость отъ Россіи: на Переяславской радѣ они признали власть малороссійскаго гетмана (?) и чрезъ него должны были сноситься съ московскимъ царемъ»... Какъ знаемъ, на Переяславской радѣ подъ именемъ «Войска Запорожскаго» разумѣется отбившаяся отъ Польши вся Малороссія (Бавт.-Кам., «Истор. Мал. Россіи», изд. 1822 г., прилож. къ 1-му тому), такъ что неизвѣстно—какихъ именно запорожцевъ разумѣеть здѣсь г. Эварницкій, которые будто бы признали тамъ власть гетмана и чрезъ него должны были сноситься съ московскимъ государемъ... Далѣе читаемъ: «не смотря однако на все различіе запорожскихъ отъ городскихъ козаковъ, между тѣми и другими была такая тѣсная связь, что отдѣлять исторію однихъ отъ другихъ въ теченіе XVI и начала XVII в. не представляется никакихъ основаній. *Только съ половины XVII ст. различіе между запорожскими и городскими или гетманскими козаками становится осязательнымъ*, а потому съ этого именно времени начинается и собственная, въ строгомъ смыслѣ слова исторія запорожскихъ козаковъ.»

¹⁾ Взятой у В. В. Антоновича.

²⁾ Принадлежащей, сколько мы помнимъ, г. Падальѣ.

Изъ приведеннаго мѣста и ихъ заглавія книги г. Эварницкаго мы полагаемъ, что книга его имѣетъ своимъ предметомъ исключительно *исторію Запорожья*, но изъ дальнѣйшаго содержанія книги видно, что автору трудно было провести въ своей «исторіи» указываемое имъ разграниченіе между запорожскими и городскими козаками....

Сначала объ этомъ разграниченіи авторъ и не заботится, оговорившись, что до половины XVII в. различія не было. — Онъ начинаетъ самую исторію рассказомъ о предводительствѣ низовыми козаками кн. Дмитрія Вишневецкаго и свѣдѣніями о первыхъ движеніяхъ южнорусскаго козачества, во второй половинѣ XVI в. Очеркъ этотъ заканчивается «регуляціей» козаковъ, произведенною Стафаномъ Баторіемъ, причемъ г. Эварницкій повторяетъ лишь то, что сказано по этому предмету въ «Исторіи Возсоединенія Руси», а отъ себя выписываетъ въ свою книгу цѣлкомъ извѣстный Блюцерковскій универсалъ Богдана Хмельницкаго, ни слова не говоря о заподозрѣнности этого документа, а лишь ссылаясь по этому вопросу на изслѣдованіе «русскаго исторіографа XVIII вѣка» Миллера¹⁾. Заключение о козацкой реформѣ Баторія составляетъ повтореніе словъ «спеціального изслѣдователя вопроса о происхожденіи козачества», т. е. взято изъ статьи «Кіевск. Старини» 1884 г., а отъ себя г. Эварницкій добавляетъ, что такимъ образомъ, въ концѣ XVI в., «оставаясь на низу, козаки складывались въ отдѣльныя общины или курени, представлявшіе на первыхъ порахъ землячества: курень Батуриискій, т. е. община земляковъ, вышедшихъ изъ Батурина» и т. д. Но здѣсь можно замѣтить, что этого самого Батурина «въ концѣ XVI в.» не существовало, почему и землячества батуриискаго быть не могло. При дальнѣйшемъ изложеніи внѣшней исторіи Запорожскаго козачества, начиная съ третьей главы, у г. Эварницкаго мы видимъ довольно точное слѣдованіе книгѣ г. Кулиша—«Исторія Возсоединенія Руси». Это видно изъ слѣдующаго: запорожская авантюра Самуила Зборовскаго г. Кулишемъ разсказана (I, 113) по книгѣ Папроцкаго—*Herby Rycerstwa Polskiego*. Разсказъ г. Эварницкаго изложенъ по Кулишу, не смотря на то, что источниками этого разсказа въ «Исто-

¹⁾ Блюцерковскій универсалъ Хмельницкаго взятъ г. Эварницкимъ изъ копій, хранящейся въ Московскомъ отдѣл. общаго архива главнаго штаба, въ дѣлахъ князя Потемкина». Къ сожалѣнію, при этомъ не говорится, что это за копія, о чемъ бы не мѣшало упомянуть въ виду сомнительности этого универсала.

рiя З. К.» указаны, кромѣ Кулиша, еще двѣ книги: 1) *Paprocki, Pinosza Rycerstwa Polskiego* (Kraków, 1584, 103—112) и 2) *Niesiecki, Korona Polska* (1740, IV, 717, 718)¹⁾. Какую собственно книгу Папроцкаго хотѣлъ указать здѣсь г. Эварницкій—рѣшить трудно. Дѣйствительно одно изъ сочиненій Папроцкаго называется *Pinosza* (t. j. *wysławienie panów i paniąt ziem ruskich*), но издано это сочиненіе не въ 1584 г., а въ 1575 г. и представляетъ собою, небольшую, рѣдчайшую теперь, книжку въ 126 стр.²⁾ Въ 1584 г. Папроцкимъ была задана другая извѣстная его книга—*Herby Rycerstwa Polskiego*, которою г. Кулишъ и пользовался, рассказывая приключенія Зборовскаго у запорожцевъ; а такъ какъ рассказъ г. Эварницкаго о тѣхъ же приключеніяхъ сходенъ съ рассказомъ Кулиша, то слѣдуетъ думать, что указанная въ «Исторіи З. К.» *Panosza* источникомъ для г. Эварницкаго не служила, а могла служить такимъ источникомъ книга *Herby*, изданная въ 1584 г.; какъ указано и у г. Эварницкаго, но только не о книгѣ *Herby*, а о книгѣ *Panosza*. Но сравнивая тексты Папроцкаго, г. Кулиша и г. Эварницкаго, оказывается, что послѣдній въ подробностяхъ своего рассказа пользуется текстомъ г. Кулиша едва ли не исключительно... Это можно видѣть изъ сопоставленія текстовъ всѣхъ трехъ историковъ объ одномъ и томъ же предметѣ.

Папроцкій.

Tam znalazł 200 kozaków gęsiących, który tylko zwierzę a guby łowią drugim na żywność, a ci już tam mieli starszego, co im rozkazał. Jest tam rzek wiele obfitych bardzo w guby i zwierzę goźnego rodzaju... A tak gdy przyjechał Zbowski do miejsca onego, kiedy się kozaki chowają,

Г. Кулишъ.

Зборовскій засталъ на Самарѣ 200 такъ называемыхъ рѣчныхъ или водныхъ козаковъ, которые находились подъ начальствомъ особаго атамана и занимались исключительно рыболовствомъ да охотою. Шкуры звѣрей обращая они въ собственную пользу, а съѣстное отсы-

Г. Эварницкій.

... гдѣ нашелъ 200 человекъ «рѣчныхъ» козаковъ съ нѣмъ атаманомъ, занимавшихся охотою и рыболовствомъ; эти рѣчные козаки, занимаясь звѣроловствомъ, кожи оставляли въ свою пользу, а мясо отправляли на порохъ въ жемчужныя ямы козачьяго османнаго (II, 66).

¹⁾ Зачѣмъ приводится здѣсь ссылка на Нѣсецкаго—неизвѣстно; вѣроятно для одного лишь украшенія ученаго аппарата, такъ какъ о Самуилѣ Зборовскомъ у Нѣсецкаго пишется всего нѣсколько строкъ, ничего новаго, сравнительно съ Папроцкимъ, не говорящихъ. См. «Herbarz» по изд. Вобровица, X, 184.

²⁾ См. «Wiadomość o życiu i piśmachъ В. Paprockiego», въ приложеніи къ изданію Туровскаго—*Herby Rycerstwa Polskiego*, (Kraków, 1856), стр. 6.

wzruszy mi szcłem uderzyli i postawienie wszelkie obiecali, bo ci tam ustawienie między rzekami zrobili, mając pożytek z zwierzg, jako z gusów i z innych, a co do żywności należy, drugim odsyłają.... (Стр. 157 по изд. Туровск.)

A gdy chciał przysięgi od murzów, oni mu rzekli, że my tobie za to nie możemy przysiąc... (Стр. 161).

дали за порочи, сѣмъ почесали козачи-сѣими. (I, 114).

Зборовскій требовалъ, чтобы мурзы поклонились въ его безопасности. Мурзы сказали, что это дѣло мусталима (поручителя)... (I, 123).

Зборовскій обратился къ мурзамъ и потребовалъ, чтобы они поклонились за его безопасность. На это мурзы отвечали, что за нимъ поклониться предъ нимъ танскій поручитель. (II, 73).

На стр. 123 г. Кулишъ разсказавъ о сношеніяхъ крымскаго хана съ Зборовскимъ, дѣлаетъ отступленіе отъ повѣствованія Папроцкаго и говоритъ о сношеніяхъ въ это время Самуила съ братомъ его Христофоромъ и о совѣтахъ послѣдняго Самуилу—возвратиться въ Польшу. Такое же отступленіе дѣлаетъ и г. Эварницкій, повторяя тотъ же разсказъ Кулиша съ нѣкоторыми вариантами (II, 73)¹⁾.

Изъ приведенныхъ мѣстъ видно, что г. Эварницкій, излагая исторію Самуила Зборовскаго, повидимому, слѣдовалъ одному Кулишу, а непосредственно изъ Папроцкаго привелъ всего одну фразу въ подлинникѣ (стр. 67, прим. 1), которой у г. Кулиша нѣтъ.

Сравнивая далѣе «Исторію З. К.» съ «Исторіей Возсоединенія Руси», видно, что послѣдняя служила для первой чѣмъ то въ родѣ путеводнаго маяка. Авторъ И. З. К., придерживаясь фактовъ по

¹⁾ Варианты эти у г. Эварницкаго иногда выходятъ довольно неудачны, такъ, напр., г. Кулишъ говоритъ: Христофоръ Зборовскій «считалъ (Баторія) недостойнымъ имени короля и грозилъ соединеніемъ многихъ противъ него мановъ за униженіе иль (Зборовски) достоинства». У г. Эварницкаго это мѣсто изъ Кулиша переиначено такъ: «Христофъ 36-ій поворилъ короля, считалъ его недостойнымъ носить великое королевское званіе и сообщалъ брату о своемъ стараніи составить партію солидарныхъ съ нимъ мановъ съ жмалъ, чтобы унижить достоинство короля». Хотя г. Кулишъ не указываетъ источника своей вставки въ разсказъ Папроцкаго, но вставка эта составлена по двумъ письмамъ Христофора 36-аго къ Самуилу, напечатаннымъ въ Pamiętnikach o Samuiele Zborowakim, изд. въ Познани, 1844 г. стр. 26—33. Г. Эварницкій этого источника тоже не называетъ.

И. В. Р., опускаетъ, впрочемъ, всѣ обобщенія автора. Послѣ авантюры Зборовскаго г. Эварницкій подробно рассказываетъ исторію возстанія Косинскаго, Лободы и Наливайка, причемъ, при описаніи плѣненія послѣдняго, рассказы Кулиша (II, 145) и—г. Эварницкаго (II, 161) *очень сходны* между собой, что можетъ быть происходить и отъ тождества источниковъ.... Впрочемъ, къ фактамъ, изложеннымъ у Кулиша, г. Эварницкій вводитъ въ свою книгу добавленія изъ статьи г. Николаичика—«Первыя козацкія движенія въ Рѣчи-Посполитой» (Кіев. Стар. за 1884 г.). Исторію Наливайковскаго возстанія авторъ И. З. К. заключаетъ *обобщеніемъ*, выпишиваемымъ почти буквально изъ Антоновича и Костомарова, которыхъ, впрочемъ, тутъ же и указываетъ въ цитатахъ¹⁾.

Продолжая изложеніе фактовъ о политическихъ движеніяхъ дѣпровскаго козачества, г. Эварницкій рассказываетъ въ четырехъ главахъ (VIII—XI) событія отъ начала XVII в. до 1638 г. Источникомъ для событій первыхъ шести лѣтъ XVII в., кромѣ книги г. Кулиша, были еще и *Listy Żółkiewskiego* (Краковъ, 1856). При этомъ, встрѣтивъ у г. Кулиша рассказъ о подвигахъ козаковъ на Черномъ морѣ въ 1602 г., заимствованной изъ рукописи Публичн. б—ки, г. Эварницкій передаетъ этотъ рассказъ со своими вариантами, обозначая въ цитатахъ какъ рукопись Имп. публ. б—ки (польск. f., IV, № 71), такъ и книгу г. Кулиша, въ которой (II, 170) сдѣлана ссылка на эту рукопись. Такая ссылка г. Эварницкаго могла бы указывать, что онъ и самъ пользовался означенною рукописью, но сходство текстовъ книги г. Кулиша (стр. 171—173) съ книгою г. Эварницкаго (стр. 177—178) указываетъ какъ будто бы на заимствованіе свѣдѣній изъ одной книги г. Кулиша...

Участіе козаковъ въ польско-московской войнѣ смутнаго времени изложено почти исключительно по Соловьеву, безъ всякаго касательства первоисточниковъ.

Походы Сагайдачнаго въ Крымъ, на Черное море и подъ Хотинъ описаны по книгѣ г. Кулиша, причемъ, впрочемъ, г. Эварницкій на-

¹⁾ Въ описаніи подвиговъ Наливайка, между прочимъ, находится и то мѣсто, гдѣ авторъ «И. К. З.», привелъ отрывокъ изъ Боркулабовской лѣтописи о разореніи «мѣста побожного» М. гилева, даетъ объясненіе (II, 135), что слово «побожное» указываетъ р. Вугъ, или Вогъ, при которой-де находится г. Могилевъ (губ.)... На эту грубую ошибку было уже указано въ одной изъ газетныхъ рецензій.

зывается и «Комментаріи» Якова Собѣскаго, указывая какъ данцигское изданіе этихъ комментаріевъ 1646 г., такъ и извлеченіе изъ нихъ, напечатанное въ «Черниг. Губ. Вѣд.» 1849 г., при чемъ остается неизвѣстнымъ, что чему было предпочтено... Событія 1637—38 гг. у Эварницкаго описаны почему-то всего на одной страничкѣ, при чемъ можно думать, что авторъ и не знаетъ о существованіи «Діаріуша» Окольскаго, перепечатаннаго Туровскимъ въ 1858 г. и столько разъ цитируемаго г. Кулишемъ, при подробномъ описаніи возстаніи Остриницы и Гуни, но уже не въ «Исторіи Возсоединенія Руси», а въ другихъ его статьяхъ¹⁾.

Въ гл. XII-й изложены событія войны Хмельницкаго довольно бѣгло и безъ какой-либо системы; рассказавъ, напр., очень подробно Желтоводское сраженіе (даже съ рисунками находящихся тамъ «земляныхъ укрѣпленій»), о Корсунскомъ сраженіи г. Эварницкій едва упоминаетъ. Съ этого момента въ своемъ изложеніи г. Эварницкій какъ будто начинаетъ уже разграниченіе исторіи запорожскихъ козаковъ отъ исторіи «городовыхъ», на что указываютъ и отдѣлы XII-й главы: *Недовольство запорожцевъ Хмельниками... Сношенія Хмельницкаго съ запорожцами по поводу передачи Малороссіи Москвѣ. — Партія людей, не желавшихъ соединиться съ Москвою и бѣство ея въ Запорожьѣ* и пр. Однакожъ указываемое разграниченіе исторіи запорожскихъ козаковъ отъ исторіи «городовыхъ» совсѣмъ не удается автору. Онъ говоритъ, напр., — «исходомъ Желтоводской битвы Хмельницкій обязанъ былъ сколько татарамъ, столько же, если не больше того, и запорожскимъ козакамъ, ихъ военнымъ силамъ (?), ихъ искусству строить земляныя укрѣпленія, ихъ арматамъ, вывезеннымъ изъ Сичи, ихъ мужеству и стойкости» (стр. 242). Тирада эта фактами, разумѣется, не подкрѣпляется, потому что она представляетъ лишь измышленіе автора... Г. Эварницкій желаетъ представить запорожцевъ чѣмъ-то въ родѣ такихъ же союзниковъ Хмельницкаго, какими были татары, но самъ же онъ, нѣсколькими страницами раньше, говоритъ, что

¹⁾ Борьба шляхты съ козаками за обладаніе Украиной обѣихъ сторонъ Днѣпра. Выбл. для Чтен. 1868 г., сентябрь и слѣд. Эта статья есть продолженіе статей г. Кулиша — *Паденіе шляхетскаго господства въ Украинѣ въ XVII в.*, печатавшихся въ Вѣстк. Юг.-Зап. Р. 1862 г. (№№ 7—12) и 1863 г. (№ 1). Содержаніе этихъ статей повторено и въ книгѣ «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши», но уже съ большими отклоненіями...

запорожцы объявили Хмельницкаго гетманомъ ¹⁾, что съ запорожцами онъ вышелъ изъ Сѣчи противъ поляковъ, что «запорожскій войско» (Хмельницкій) присоединилъ къ своему войску отрядъ «реестровыхъ козаковъ», шедшихъ къ Желтымъ Водамъ подъ начальствомъ польскихъ гетмановъ... Наконецъ, во все время войны съ поляками, да и послѣ, Хмельницкій иначе не пишется, какъ гетманомъ *войска Запорожскаго*... Какимъ же образомъ запорожцы могли быть только помощниками Хмельницкаго, составляя ядро козацкаго войска?—Повидимому, г. Эварницкій о запорожцахъ имѣетъ здѣсь неясное представление...

Загѣмъ остальныя тринадцать главъ книги г. Эварницкаго (XIII—XXVI) заняты изложеніемъ событій, слѣдовавшихъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго; заканчиваются они 1686-мъ годомъ. Вся эта часть И. З. К. изложена преимущественно по лѣтописи Величка и по «Актамъ Южн. и Зап. Россіи», при чемъ авторъ щедро переноситъ отсюда на страницы своей исторіи «подлинныя письма историческихъ лицъ» (предисл., стр. II), загромаждая свою книгу и здѣсь сырымъ матеріаломъ. Илагая событія второй половины XVII в., г. Эварницкій старается отгѣнять дѣятельность запорожскихъ козаковъ, но гѣни выходятъ слабыя и у него является изложеніе тѣхъ же событій, которыя рассказаны, напр., Костомаровымъ въ его «Руинѣ». Да оно иначе и быть не можетъ, потому что Запорожье было частью Малороссіи, и исторія его отъ исторіи послѣдней отдѣлена быть не можетъ. Запорожье отличалось отъ гетманщины только внутренними своими распорядками, какъ напр., сохранявшееся у запорожцевъ право выбора кошевыхъ очень разнило ихъ отъ гетманцевъ. Становились иногда запорожцы и въ оппозицію противъ гетмановъ (напр. противъ Дорошенка и Самойловича), но это обстоятельство указываетъ лишь на возможность заявленія въ «Сѣчи» болѣе громкихъ протестовъ противъ непопулярныхъ гетмановъ, чѣмъ въ «городахъ», гдѣ властно

¹⁾ Здѣсь (стр. 286) г. Эварницкій сообщаетъ очень любопытный рассказъ—какъ проведенъ былъ въ Сѣчи день избранія Хмельницкаго гетманомъ: «... Хмельницкій съ куренными атаманами отправился на обѣдъ въ курень кошевого атамана. Обѣдавъ и немного погулявъ, (послѣ обѣда далю не гуляли, потому что есая имало у себя мною на мыслалъ), всѣ гости ушли по своимъ куренямъ для отдыха... и т. д. Къ сожалѣнію, г. Эварницкій не указываетъ источника этихъ подробностей...

распоряжались полковники, бывшіе ставленниками этихъ самихъ гетмановъ...

Очень желалъ г. Эварницкій представить въ свѣтъ и блескъ «колоссальную личность» Сѣрка, но желаніе это не исполнено отъ неудачной группировки собраннаго матеріала ¹⁾. А матеріалъ о Сѣркѣ собранъ г. Эварницкимъ дѣйствительно богатый.

Внесъ во II-й томъ своей И. З. К. г. Эварницкій и рассказъ Величка о попыткѣ турецкаго султана разорить Сѣчь въ 1675 г., но ни слова не сказалъ въ защиту дѣйствительности этого невѣроятнаго эпизода, который необходимо требуетъ провѣрки турецкими и татарскими источниками.

Что же даетъ второй томъ И. З. К.?—Пересказъ событій изъ политической жизни южнорусскаго козачества, основанный, относительно времени до пол. XVII в.,—на работѣ прежнихъ изслѣдователей и преимущественно г. Кулиша, а относительно второй половины XVII в.—на официальныхъ документахъ, напечатанныхъ въ «Актахъ Ю. и З. Россіи». При этомъ авторъ ведетъ свой рассказъ такъ объективно, что его личное воззрѣніе на то или другое событіе остается неизвѣстнымъ: нигдѣ нѣтъ и намека на такъ называемую критику или на обобщенія... Авторъ вноситъ въ свою книгу все, что ему встрѣчается въ побывавшихъ въ его рукахъ книгахъ, относительно описываемыхъ событій: говоря напр. о Сѣркѣ, г. Эварницкій находитъ почему-то нужнымъ упомянуть даже и о томъ, что у нѣмцевъ (?) онъ называется Циркомъ... вмѣстѣ съ симъ, авторъ усиленно заботится о снабженіи своей книги обильнымъ ученымъ аппаратомъ. Пожаловавшись, что «Исторія З. К.» написана среди песковъ Туркестанскаго края, г. Эварницкій указываетъ однакожъ рѣдчайшія изданія сочиненій Папроцкаго, цитируетъ *рукописи* Публичной Библіотеки, ссылается на исторію Отоманской имперіи Гаммера не только въ нѣмецкомъ ея подлинникѣ, но и во французскомъ переводѣ ²⁾... Но поль-

¹⁾ Указаніе любопытныхъ противорѣчій г. Эварницкаго при обрисовкѣ личности Сѣрка сдѣлано г. Михневичемъ въ газ. «Новости» 1895 г., № 68.

²⁾ Повидимому, впрочемъ, ссылки на книгу Гаммера заимствованы г. Эварницкимъ изъ книги Костомарова—Б. Хмельницкій. (Ср. «Богд. Хм.», изд. 1884 г., стр. 71, 85 и друг. I-го тома и «Ист. З. К.», стр. 206, 214 и друг. II-го тома). Особенно характерна ссылка на книгу Гаммера на стр. 214-й, гдѣ навѣвъ книгу послѣдняго въ нѣмецкомъ подлинникѣ и указавъ томъ и страницу (V, 128) г. Эварницкій тутъ же

зуюсь такимъ богатымъ аппаратомъ, авторъ совершенно пренебрегъ приемами ученой критики, послѣдствіемъ чего явилось полное отсутствіе научности въ его трудѣ.

10. Лубенщина и князя Вишневецкіе

(Матвѣй Терентьевичу Слюсову).

Лубенщиною мы называемъ здѣсь все Посулье, начиная отъ впаденія Сулы въ Днѣпръ и оканчивая м. Константиновомъ, за которымъ Сула входитъ уже въ предѣлы Слобоцкой Украины. Сюда же мы причисляемъ и берега притоковъ Сулы, вмѣющихся у послѣдней только справа—Оржицы, Слѣпорода Удая (до Пиратина), Лохвицы и Ромна. Все это Посулье, составившее во время гетманщины Лубенскій полкъ, въ первой половинѣ XVI в. представляло собою почти совершенную пустыню. Такъ мы видимъ, что при дѣлежѣ между братьями Богданомъ и Григоріемъ Глинскими, въ к. XV в., „Глинска, Бѣльска, Ворсела и иныхъ сѣверныхъ вотчинъ,“ Богдану Глинскому досталась „Сѣверъ-Сульская (вотчина) и рѣка Сула съ верху достуя¹⁾.“ Такое общее указаніе всего Посулья говоритъ, что, если тутъ и были поселенія, то настолько незначительныя, что ихъ названіями еще нельзя было опредѣлять. Доставшееся Богдану Глинскому Посулье продолжало оставаться пустыннымъ, такъ какъ ни самъ Богданъ Глинскій, ни сынъ его, повидимому, ничѣмъ своего хозяйничанія въ Посульи не обнаружили. Остается Посулье и въ нач. второй полов. XVI в. пустыней, на которой жители г. Канева промышленяютъ добычей звѣря, рыбы и

добавляють: стоже *Histoire de l'Empire Ottoman*, t. X—XI, т. е. вмѣсто опредѣленной ссылки на страницу нѣмецкаго подлинника, указываются два тома французскаго перевода... Такое указаніе объясняется тѣмъ, что оно списано изъ перечня источниковъ, помѣщеннаго при книгѣ *Б. Хмельницкій* (стр. X), гдѣ подъ № 75 указанъ V-й томъ подлинника и—X—XI томы французскаго перевода.

¹⁾ Дворцов. Разряды 11, 900. 1) впасть Глинскихъ наиболѣе обстоятельными свидѣніи находятся у Воицкаго, *Rosset Rodów*, 63—67, откуда видно, что Григорій въ к. XV в. (1496—1501) былъ намѣстникомъ Оаруденъ, а Богданъ тогда же (1495)—намѣстникомъ Путыльскимъ.

меду. Право каневскихъ жителей на пользованіе въ Посульѣ промыслами было настолько давнее, что находить поддержку даже у короля. Уже въ семидесятыхъ годахъ XVI в. короли польскіе писали (въ 1571—1578 г.) къ Михаилу Вишневецкому, старостѣ черкасскому и каневскому, чтобы онъ „оберегалъ и боронилъ“ Посульѣ и Попселѣ, такъ какъ это все пространство земель составляетъ „уходы“ и „угоды“ каневскихъ мѣщанъ: „чтобы рубежи каневскіе, которые есть по самой Путивль, Михаилъ Вишневецкій оберегалъ и боронилъ и мѣщанамъ каневскимъ въ земляхъ, въ водахъ и угодахъ ихъ, по самой Путивль, перешкоды поносить не отъ кого не допущалъ“¹⁾. Но такое неопредѣленное право каневскихъ мѣщанъ на Посульѣ долго продолжаться не могло, такъ какъ королевскія распоряженія были неопредѣленны, а Посульскіе промыслы были выгодны. Выгода ихъ и привлекла къ к. XVI в. вниманіе нѣкогого Байбузы, повидному, претендовавшаго на наслѣдство Глинскихъ, по свойству съ ними²⁾. О немъ писалъ въ 1578 г. Степанъ Баторій, къ тому же Вишневецкому, „чтобы мѣщанъ каневскихъ отъ Байбузы, который въ земли ихъ каневскія и отъ рѣку Сулу и Удай вступается и отнимаетъ на себя, боронилъ и въ обиду не давалъ“³⁾. Но это королевское распоряженіе скоро загнѣмъ было и отиѣнено, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ тотъ же король утвердилъ Посульѣ за тѣмъ же Байбузою. Но Байбуза—или мало дорожилъ королевскимъ пожалованіемъ или встрѣтилъ здѣсь соперника въ старшемъ сынѣ Михаила Вишневецкаго, Александрѣ, такъ какъ вслѣдъ за тѣмъ онъ самъ уступаетъ Посульѣ Александру Вишневецкому, сѣвшему въ это время на староствѣ Каневско-Черкасскомъ. Въ 1590 г. Варшавскій сеймъ утвердилъ за Александромъ Вишневецкимъ право на *пустынное* Посульѣ (на *puszynie rzeki Sule*, за *Czerkassy leżącey, z iey przyłegłosciami*), которое было „дано

¹⁾ Дворцов. Разряды, II, 102.

²⁾ Сестра кн. Юрія Глинскаго Аграфена была замужемъ за ваянитъ то Байбузою, а дочь отъ этого брака была замужемъ за Михайломъ Грибузовымъ. Дворц. Разр., II, 900.

³⁾ Тамъ же, стр. 903.

королемъ Степаномъ Михайлу Грибуновичу Байбузѣ, а послѣднимъ переуступлено Александру Вишневецкому, старостѣ черкасскому¹⁾. На этомъ же сеймѣ, при утвержденіи части Кіевскаго Поросья за „трема особами,“ послѣднимъ была отдана и частица Посулья, а именно: Горошинъ и Слѣпородъ²⁾. Имена этихъ „трехъ особъ“ въ постановленіи сейма не названы, но ниже мы увидимъ, что въ числѣ ихъ былъ извѣстный Станиславъ Жолкѣвскій, воевавшій противъ Наливайка. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ самомъ концѣ XVI в. Посульская *пустыня* утверждена была за Александромъ Вишневецкимъ, причѣмъ незначительный участокъ ея былъ выдѣленъ и отданъ другимъ.

Получивъ Посулье въ видѣ *пустыни*, Вишневецкіе колонизовали эту пустыню и образовали ту Лубенщину, которая къ половинѣ XVII в. явилась уже въ видѣ ряда городковъ, мѣстечекъ, селъ, хуторовъ...

Исторія возникновенія Лубенщины и дальнѣйшаго ея устроенія тѣсно связана съ Вишневецкими, которые были ея властителями до освобожденія лѣвобережной Малороссіи отъ поляковъ.

Вишневецкіе стали извѣстны съ в. XV в., а съ половины XVI в. стали въ южной Руси и знаменитыми, благодаря Дмитрію Ивановичу Вишневецкому; внуку Михайла Васильевича, который первый сталъ писаться Вишневецкимъ³⁾. Дмитрій Вишневецкій прославился своими походами: захвативъ Каневъ ок. 1554 г., Вишневецкій отсюда сносился съ тогдашнимъ Запорожьемъ, нападалъ на татаръ, а затѣмъ, будучи вѣроятно недоволенъ поляками, перешелъ на службу къ турецкому султану („z tem wszystkim kozactwem a chlopstwem które około siebie bawił“⁴⁾), пробылъ у послѣдняго около года, вернулся на Ук-

¹⁾ Volum. legg., год. 1659 г., II, 317.

²⁾ Т. ж., II, 317.— „Также Норошъ у Слѣпород, над рѣкою Нисанъ (?) названъ, przy granicy Moskiewskiej.“

³⁾ Rocznik Rodów, 368.

⁴⁾ Изъ письма, напечатаннаго въ книжкѣ Лиховича — *Listy Zyg. Augusta do M. Radziwiłła Czarnego*, стр. 58.

ранну, но тутъ не зажился и отправился на службу къ Ивану Грозному, въ Москву, откуда ходилъ съ Адашевымъ на Крымъ; затѣмъ, въ 1562 г. Дмитрія Вишневецкаго видимъ снова въ Польшѣ, при чемъ съ Ласкимъ онъ воевалъ противъ волоховъ. Въ этомъ походѣ онъ былъ плѣненъ и отправленъ въ Цареградъ, къ турецкому султану Солиману, у котораго передъ тѣмъ служилъ. Солиманъ не простилъ Вишневецкому его бѣгства изъ Турціи въ 1554 г. и велѣлъ его повѣсить. Мученическая смерть Дмитрія Вишневецкаго воспѣта въ народной пѣснѣ, придавшей сему искателю приключеній имя Байды ¹⁾.—Послѣ Дмитрія Вишневецкаго наиболѣе извѣстнымъ изъ Вишневецкихъ въ XVI в. былъ его родичъ (двоюродный братъ?) Михаилъ Александровичъ, котораго въ 1560 г. видимъ по староствѣ Каневско-Черкасскомъ. Старостою здѣсь онъ пробылъ около двадцати лѣтъ и за это время конечно близко познакомился съ экономическими богатствами Каневскихъ „уходовъ“ по Сулѣ. Слѣдуетъ думать, что сидя въ Каневѣ, Вишневецкій могъ и захъ наложить руку на эти „уходы“, но малолюдство кievской Украины не дало ему возможности водвориться въ Посульской пустынѣ, требовавшей для ея эксплуатаціи—людей, т. е. населенія. Въ 1581 г. Михаилъ Вишневецкій былъ уже кievскимъ каштеляномъ, а преемникомъ его въ Каневѣ явился сначала одинъ изъ Ходкевичей, который не позже 1584 г. былъ замѣненъ старшимъ сыномъ Михайла V—го Александромъ ²⁾. Связъ на Каневско-Черкасское староство, Александръ V—ій, какъ видно, сразу поставилъ себѣ цѣлью—подчинить Посулье личному своему обладанію. Юридическимъ его обладателемъ V—ій сталъ, какъ мы видѣли, въ 1590 г., но фактическимъ обладателемъ Посулья онъ былъ уже раньше. Для того, чтобы утвердиться въ новыхъ своихъ владѣніяхъ, Виш-

¹⁾ Обстоятельныя свѣдѣнія о походахъ Дмитрія Вишневецкаго собраны польскимъ историкомъ П. Малиновскимъ (р. 1799—1865 г.), въ его критической работѣ о князѣ Ляховича—*Listy Zygm. Augusta do M. Radziwiłła Czarnego*,—напечатанной въ польской газетѣ *Tygodnik Petersburg.*, 1843 г., № 19, стр. 114—116. См. также *Историч. Пѣсни Малор. народа*, I, 153—159.

²⁾ Свѣдѣнія Бовецаго о времени староства Александра Вишневецкаго дополняются свѣдѣніями Рузницкаго въ его статьѣ „Каневъ“ въ *Słownik's Geogr.*, III, 612.

невецкому нужно было призвать сюда население, причѣмъ для защиты послѣдняго отъ татарскихъ набѣговъ, нужно было строить "городки."—Если мы взглянемъ на карту теченія Сулы, то увидимъ, что правый берегъ ея изрѣзанъ во многихъ мѣстахъ глубокими ярами, и особенно—берега притоковъ: Оржицы, Слѣпорода, Булатца и наконецъ Удая. Современное описаніе Лубенскаго уѣзда говоритъ что „теченіе Сулы, Удая и Слѣпорода представляетъ гористую возвышенность, прорѣзанную крутыми ярами. Наболѣе крутыя балки, прорѣзывающія эту возвышенность направляются къ рѣкамъ Сулѣ и Удаю, составляя какъ бы притоки этихъ рѣкъ“¹⁾. При помощи этихъ яровъ многія мѣстности праваго берега Сулы представляютъ собою такія защищенныя мѣста, что здѣсь искали и находили слѣды жилищъ доисторическаго человѣка, который умѣлъ выбирать защитныя мѣста. Тутъ же, на правомъ берегу Сулы, и первоначальная лѣтопись указываетъ на существованіе городковъ, между которыми Лукомль и Лубны называются уже въ XII в. Но кромѣ горъ, защищенныхъ рѣками и рѣчками, здѣсь были и среди степей защищенныя мѣста—тѣми же рѣками и рѣчками; такъ Удай, разливаясь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на нѣсколько рукавовъ, представлялъ среди послѣднихъ укромныя мѣста, до которыхъ трудно было добираться степному врагу древней поднѣпровской Руси.

Такимъ образомъ мы видимъ, что Посулье представляло много удобныхъ по защитности мѣстъ для того населенія, которое долженъ былъ новый владѣлецъ призывать туда для пользования естественными богатствами пустынныхъ своихъ владѣній. Первый, повидному, городокъ Александръ В—ій построилъ на мѣстѣ древнерусскаго городка *Лубно* и назвалъ его въ свое имя—*Александровомъ*. Лѣтописный *Лубно*, повидному, не терялся въ народной памяти: такъ при описаніи заднѣпровскихъ уходовъ Канева въ 1552 г., называется уходъ

¹⁾ Сборникъ по хозяйств. статистикѣ Полтавск. губ., т. IV-я, Лубенск. уѣздъ. (Полтава, 1885), стр. 1.

Гостиновскій, а въ немъ—„земля Лубни“¹⁾. Вотъ на этой землѣ, на пепелищѣ древнерусскаго городка, и возникъ новый городокъ въ к. XVI в.—„Лубны заложены въ 1589 г. Александромъ Вишневецкимъ,“ говоритъ Морачевскій, не указывая впрочемъ источника²⁾. Онъ же, Александръ В—ій, вѣроятно, построилъ и другой городокъ при рч. Слѣпородѣ, тоже названный Александровомъ, теперь—село Александровка. Хотя и не сохранилось нѣвѣстій—какъ устранивалъ Александръ В—ій свои Посульскія владѣнія, но мы можемъ съ полною вѣроятностью заключить, что устройство нѣсколькихъ городковъ должно было привлечь сюда населеніе съ праваго берега Днѣпра, при чемъ населеніе это искало удобныхъ по рѣкамъ и рѣчкамъ мѣстъ сначала для ловли бобровъ, заведенія пасѣкъ, устройства по рѣкамъ рыболовныхъ „езовъ,“ а потомъ и для постройки водяныхъ мельницъ, чтобы заняться излюбленнымъ въ старой Малороссіи мукомольнымъ промысломъ. Возникшіе около водяныхъ мельницъ хутора, очень скоро разрастались въ села подъ защитою городковъ, обеспечивавшихъ дальнѣйшій ростъ колонизаціи. Александръ В—ій не могъ однакожь успѣть устроить достаточное количество городковъ, потому что не позже 1600 г. онъ уже умеръ, оставивъ одного сына Юрія, который, какъ кажется, отцовскаго начинанія не продолжалъ, можетъ быть, по молодости. Посульскимъ наслѣдствомъ Александра В—го завладѣлъ младшій его братъ Михайло, который и продолжалъ колонизацію Посуль; повидимому, при немъ устроенъ былъ городокъ среди Удайскихъ рукавовъ, на мѣстѣ древняго Пирятина, такъ какъ городокъ этотъ въ нач. XVII в. носилъ названіе Михайлова³⁾. Получивъ

¹⁾ Архивъ Ю.—З. Россіи, ч. 7-, т. 1, стр. 102.

²⁾ Dzieje Rzeczypospol. Polackiej, V, wyd. 2-a, стр. 285. Пуласкій (Sakice i powiat. histor., Kraków, 1897) относитъ населеніе Лубенъ (Александрова) къ 1591 г. (стр. 40), но также безъ указанія источника.

³⁾ Венецкій, 376. Пуласкій впрочемъ говоритъ, что „Михайловъ надъ Удаемъ,“ т. е. древній Пирятинъ, населенъ въ 1592 г., но источника этого свидѣнія не указываетъ. „Земля Пирятинская“ какъ воспоминаваніе лѣтописнаго Пиратана, называется въ порочнѣй Капелескихъ улодахъ въ 1552 г. Архивъ Ю.—З. Россіи, ч. VII, т. 1, стр. 102.

Оврудное старство, веравше 1608 г.,¹⁾ Михайло В—ій продолжалъ заботиться о дальнѣйшемъ устройствѣ Посульскихъ своихъ владѣній, какъ это указываетъ напр. актъ 1609 г., въ которомъ записана жалоба Михайла В—аго на Януша Острожскаго за нападеніе на Лубенщину. В—ій жаловался на Острожскаго, что тотъ наслалъ на его Лубенскія маестности военный отрядъ почти въ три тысячи человекъ (болше полтрети тысячи), подъ предводительствомъ „слугъ“ своихъ, сидѣвшихъ въ сосѣднихъ съ Лубенщиною городкахъ Переяславщины, (принадлежавшей въ это время Острожскимъ), при чемъ старшимъ надъ этимъ отрядомъ былъ переяславскій подстароста Щастный Шлешинскій. Вооруженный „дѣлы, ручницами, луками и иною апаратою военною,“ отрядъ Шлешинскаго напалъ „на маестность властную и дѣдивную его, В—аго, на мѣсто Лубни, или Александровъ, и села до него належачія, яко и на другую маестность, которая недавно передъ тѣмъ пожалована отъ короля Вишневецкимъ, тамъ же на Украинѣ, на истиню, лежащую надъ рѣками Пслоу и Ворсклоу...“ И тотъ отрядъ „полками разными идучи черезъ помененныя маестности Лубенскіе, оныя яко неприятель пустошечи, нищечи, стаціе беручи, маестности и рѣчи рухомые такъ подданныхъ, якъ и самого князя Михайла В—аго властныя забпраючи, грабечи,“ направилъ, говоритъ жалоба, на тѣ новыя, пожалованныя Вишневецкимъ маестности, лежащія по р. р. Пслоу и Ворсклу²⁾. Изъ этого акта мы видимъ, что въ 1609 г. Лубны окружены были такими уже селами, которыя можно было и грабить военному отряду, посланному Острожскимъ въ зарождавшуюся тогда Полтавщину, для „выбитія“ оттуда Вишневецкихъ. У насъ нѣтъ свидѣній, которыя указывали бы на посѣщеніе когда либо Лубенщины самимъ Михайломъ В—имъ; можно думать, что ему незачѣмъ было ее и посѣщать, такъ какъ хозяйство и дальнѣйшее заселеніе Лубенщины вели разные его урядники, жившіе по здѣшнимъ городкамъ. На продолжавшееся при Михайлѣ В—омъ заселеніе Посулья указываютъ жалобы на

¹⁾ Такъ говоритъ Боведцій, но Руликосскій (Słowa. geogr., VII, 776) говоритъ, что Мих. В—ій получилъ Оврудное старство только въ 1614 г.

²⁾ Киевск. центр. арх., книга городск. Житомирск. 1609 г., № 11, л. 374 об.

В—го сосѣднихъ владѣльцевъ; такъ, въ 1607 г., жена кн. Григорія Довмонта жаловалась на Михайла В—аго, что онъ принимаетъ въ Лубны и Жовнинъ бѣжавшихъ ея подданныхъ ¹⁾. Такія же жалобы поданы были на В—ихъ и отъ другихъ сосѣдей за приѣмъ, бѣжавшихъ ихъ крестьянъ въ Лукомль, въ Михайловъ (Пирятинъ), въ Сенчу ²⁾. Умеръ Михайло В—ій въ 1616 г., оставивъ вдову, извѣстную Ранну Могилянку, (дочь молдавскаго воеводы Іереміа Могилы), и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, сына Іеремію (род. 1612 г.) и дочь Аппу. Опекуномъ этихъ дѣтей сначала былъ ихъ дядя Юрій В—ій, хлопотавшій о судебной передачѣ „заднѣпрскихъ маестностей“ вдовѣ умершаго брата Михайла, какъ это видно изъ постановленія Люблинскаго трибунала 20 іюня 1618 г.—По этому постановленію вдовѣ Михайла В—аго переданы были: „замокъ и мѣсто Лубны, во всѣмъ футорами, яко тежъ и ившіе замки и мѣста,“ при чемъ перечислены слѣдующіе „замки и мѣста съ футорами:“ Прилука, Лукомль, Буромль, Жовнинъ, Снятинъ, Переволочна, Александровка, Многая, Сенча и Хоролъ и кромѣ того—„мѣстечко Замосте ³⁾, alias Гусчинцы, и мѣстечко новоосаженное Краснобереже“.

Къ этому добавлялось, что перечисленные замки поступаютъ къ вдовѣ Михайла В—аго „со всѣмъ тѣхъ мѣстъ и футоровъ подданныхъ пожитками и повинностями.“ Но въ указанномъ выше постановленіи Люблинскаго трибунала перечислены не всѣ городки, уже существовавшіе въ это время по берегамъ Сулы. Въ жалобѣ Ранны В—ой на Юрія Михайловича В—аго, (предшествовавшей постановленію трибунала 20 іюня 1618 г.), за отнятіе маестностей, называются еще и слѣдующіе городки: Ситовичи (?), Лохвица, Стар. и Нов. Руменское (Роменъ) ⁴⁾. Быть можетъ, та часть Посулья, гдѣ находились перечисленные городки, отдѣлена была Юрію В—ому, который имѣлъ на Посулье одинаковое съ братомъ Михайломъ право...

¹⁾ Zródła Dziejowe, XXI, 106.

²⁾ Тамъ же, XXI, 120, 172, 174, 185.

³⁾ Какое поселеніе разумѣлось подъ Замостыемъ, мы не знаемъ, а подъ Краснобережемъ значился и. б. теперешній Краси. Колядинъ, который въ спискѣ мѣстъ В—аго названъ Крапце, а въ послѣдствіи Колядиномъ сталъ зватися отъ сдѣланнаго въ немъ урядника поляка Колады.

⁴⁾ Zródła Dziejowe, XXI, 315.

Для объявленія о переходѣ, по трибунальскому постановленію, наслѣдства Михайла В—аго къ вдовѣ его, собраны были въ Лубны со всѣхъ мѣстъ, мѣстечекъ и футоровъ—войты, мѣщане, подданные и бояре, при чемъ объявленіе это произвели нарочно прибывшіе для этого въ Лубны: кн. Семенъ Лыко, п. Андрей Росохацкій и два п. п. Марковича. Первый изъ нихъ тогда же былъ поставленъ „урядникомъ на Лубняхъ, а другіе слуги вышереченные по внѣшнихъ мѣстахъ ставши урядниками, ведлугъ розказу паненъ своихъ, подданными теми всѣми владать и роблять розказывать почали“. Такъ доносили возниѣ объ исполненіи трибунальскаго постановленія¹⁾.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что за тридцать лѣтъ (1589—1618) колонизаціонной своей дѣятельности въ „задѣвскихъ мастностяхъ“ В—іе сдѣлали очень много: они заселяли берега Сулы, начиная отъ ея устья и кончая Ромномъ, и берега Удая—отъ его устья до г. Прилуки. Конечно густаго населенія здѣсь еще не было, но было уже болѣе десятка городковъ, подъ защитою которыхъ ютились „футора,“ разроставшіеся затѣмъ, съ увеличеніемъ „подданническаго“ населенія, въ села... Никакихъ подробностей объ этой колонизаціи, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ. Не обнаружилось до сихъ поръ ни одного „осаднаго листа,“ который давалъ бы возможность ознакомиться съ экономической стороною колонизаціи. Другой вопросъ, не менѣе любопытный,—откуда находило населеніе въ южную лѣвобережную Малороссію, а слѣдовательно и въ Лубенщину, разрѣшается также съ помощью однихъ догадокъ, хотя, повидному, и вѣроятныхъ.

Прежде всего, первые насельники степной Малороссіи (такъ называемыхъ „полей“) не могли приходить сюда съ сѣвера, разумѣя здѣсь Черниговщину и Стародубщину, потому что до Деулинскаго перемирія, т. е. до захвата лѣсной Малороссіи поляками, населеніе послѣдней было до того рѣдкое²⁾, что ему рѣши-

¹⁾ Кіевск. Центр. Арх., книга градск. Житомирская, 1618 г., №, 13 л. л. 1046 и 1047.

²⁾ См. наши замѣтки по этому вопросу въ Записк. Черниг. Стат. Комит., II, 150 и слѣд. Никакихъ новыхъ данныхъ въ общеродованномъ съ того времени историческомъ матеріалѣ, для измѣненія тогдашняго нашего заключенія ни не встрѣтила.

тельно не было причинъ оставлять насиженные мѣста, притомъ изобильныя лѣсомъ и водою, чтобы пускаться въ горы, малозащищенные „поля.“ Никакого гнета „панскаго начала“ въ к. XVI в. здѣсь не могло быть, потому что и „пановъ“ то здѣсь было очень мало. Знаемъ мы, что были здѣсь обширныя земельныя владѣнія Борозднъ, Рубцовъ и нѣкоторыхъ менѣе богатыхъ бояръ (Козловыхъ, Дунаевыхъ)¹⁾; но населеніе въ этихъ владѣніяхъ было слишкомъ недостаточно для эксплуатаціи природныхъ богатствъ тамошнихъ угодій, чтобы владѣльцы послѣднихъ могли чѣмъ либо тѣснить это населеніе и тѣмъ заставлять его двигаться въ „поля,“ въ „степь,“ гдѣ жизнь представляла постоянныя опасности отъ татарскихъ нападений...

Не могло двигаться изъ Сѣверщины населеніе на югъ и послѣ Деулинскаго перемирія, потому что нахлынувшіе сюда поляки сами нуждались въ крестьянскомъ населеніи и усердно перезывали его сюда, какъ то показывается напр. колонизація юго-восточной окраины Сѣверщины Пѣсочинскимъ²⁾. Врядъ ли много могло двигаться на югъ и изъ населенія Волыни, лѣсной просторъ которой служилъ самъ по себѣ достаточною защитою отъ насилья „панскаго начала;“ впрочемъ, когда волынянамъ и бывала нужда бросать родныя мѣста, то едва ли жители лѣсовъ шли бы прямо въ степи, экономическая обстановка которыхъ такъ рѣзко отличалась отъ обстановки полѣсья. Волынянамъ открытъ былъ путь въ ту же черниговскую и стародубскую Сѣверщину, гдѣ природа была такая же лѣсная и земельного простору было много, покрайней мѣрѣ до полов. XVII в. Сохранились указанія, что уходили съ родныхъ мѣстъ жители сосѣдней съ Волынью Холмщины и уходили на востокъ, лѣвобережную Малороссію, но осаживались они здѣсь не доходя до „степи,“ въ мѣстности лѣсной, схожей съ ихъ родиною³⁾...

¹⁾ Опис. Стар. Малороссія, II, 317.

²⁾ Опис. Ст. Малор., II, 3. Также, Hist. Pamiętki, Сѣвнцкаго, I, 393. Визе движеніе Сѣверскаго населенія на югъ, но только въ болѣе позднее время (1651 г.) и притомъ временное, возникшее отъ причинъ частной. См. Самовида лѣтом., над. Бодявск., 19.

³⁾ Опис. Стар. Малор., II, 149.

Вѣроятнѣ всего, что главная колонизація степной Малороссіи, „полей“, производилась населеніемъ, жившимъ въ однохарактерныхъ мѣстахъ. Тотъ же степной просторъ, какимъ характеризуется южная Малороссія, видимъ мы и въ такъ называемой кievской Украинѣ, т. е. въ теперешней южной части Киевской губерніи; но отсюда колонизація въ нач. XVII в. идти не могла, потому что эта Украина въ это время была тоже почти пустынею¹⁾. Двигалось населеніе на лѣвый берегъ Днѣпра, повидному изъ Подолія, причемъ гнали его отсюда почти постоянныя татарскія нападенія и слѣдовавшія за ними разоренія²⁾. Куда же должно было двигаться населеніе разоренныхъ мѣстъ:— на западъ, на сѣверъ, на востокъ?—Слѣдуетъ думать, что оно могло двигаться только на земли свободныя, гдѣ прежде всего могло выбрать мѣста для поселенія на большомъ просторѣ и затѣмъ заручаться значительными льготами... Конечно, всѣ эти выгоды могла представить только лѣвобережная Малороссія, но ни какъ не Галицкая Русь и не Волынь. Первая изъ нихъ, также какъ и Подолія, подвергалась постояннымъ разореніямъ и тѣмъ не привлекала, а отвлекала отъ себя населеніе, а волыньскіе лѣса не могли привлекать привыкшаго къ степному простору подольщина. Въ подтвержденіе того, что Подолія была главнымъ колонизаціоннымъ источникомъ для лѣвобережной Малороссіи можно указать на названіе нѣкоторыхъ поселеній послѣдней, повидному, перенесенныхъ сюда изъ Подолія; такъ мы находимъ въ Подоліи: Бievцы, Демковку, Дорогинку, Жабинцы, Зиньковъ, Ивангородъ, Княжнью Луку, Комаровку, Коржовцы, Кузьминцы, Лозовую, Люинцы, Маковъ, Махновку, Мачуху, Рогинцы, Русановку, Сокиринцы, Сосновку, Сребрну, Тростянецъ, Улановъ, Хмельникъ, Хомутицы, Ярмолинцы... Всѣ эти названія находимъ мы и у поселеній лѣвобережной (и притомъ южной) Малороссіи, при чемъ быть можетъ нѣкоторыя изъ нихъ явились тутъ и независимо отъ подольскихъ поселеній, но есть же между ними несомнѣнно и подольскія, напр. глуховское и—ко Ула-

¹⁾ См. напр. статью Руликоскаго объ Уманя въ *Slowa Geogr.*, III, 209.

²⁾ О татарскихъ нападеніяхъ на восточную Подолію см. у Руликоскаго—*„Przed kilkuset laty“* (Врацлавъзупна) въ сборникѣ Трусывича—*Kwiaty i Owoc* (Киeвъ. 1870 г.), стр. 284 и слѣд.

новъ, названію котораго не откуда было здѣсь взяться, какъ только изъ Подолья¹⁾. Можетъ возникнуть вопросъ—какимъ образомъ Подолье могло выдѣлять изъ себя такую значительную массу населенія въ то время, когда оно само въ это время колонизовалось?²⁾ Для объясненія этого явленія слѣдовало бы найти источникъ, откуда пребывало населеніе въ Подолье, тогда, вѣроятно, и можно было бы увидѣть, что митрополія Подольскихъ колонистовъ настолько выдѣляла изъ себя (по тѣмъ или другимъ причинамъ) населенія, что въ Подольи являлся уже избытокъ колонистовъ, которые должны были поэтому двигаться далѣе... Въ подтвержденіе возможности такого явленія мы можемъ указать на то переселенческое движеніе, которое такъ рѣзко проявилось въ полов. XVII в. въ лѣвобережной Малороссіи и повело къ колонизаціи слободской Украины³⁾.—Откуда приходили переселенцы, осѣдавшіе въ Подольи и затѣмъ двигавшіеся далѣе на востокъ—вопросъ этотъ еще не подвергался изслѣдованію⁴⁾. Вѣроятноже всего, что митрополіей этой колонизаціи была Галицкая Русь, такъ какъ болѣе не откуда было взяться главному контингенту того люда, который дополнивъ старое населеніе Подолья, заселилъ потомъ кievскую и южную лѣвобережную Украины, при чемъ у колонистовъ и до сихъ поръ сохранились тѣ самыя пѣсни, которыя поетъ и митрополія, разумѣя подъ послѣднею Галицкую Русь...⁵⁾.

¹⁾ См. Опис. Стар. Малор., II, 481.

²⁾ Новѣйшій изслѣдователь исторіи ю.-о-восточнаго Подолья говоритъ, что разгаръ колонизаціонной дѣятельности въ Галичинѣ падаетъ на *вторую половину XVI и самое начало XVII в.*... Конецъ XVI и нача. четверть XVII в. характеризуется основаніемъ многихъ мѣстечекъ въ Барщинѣ и ее порубежьяхъ... Арх. Ю. З. Россія, ч. VIII, т. I, стр. 113.

³⁾ См. Очерки изъ исторіи колонизац. и биты стени. окраина Моск. госуд., Д. И. Багалъа, I, 378 и слѣд.

⁴⁾ Въ книгѣ г. Грушевскаго о Барскомъ староствѣ—вопросъ о томъ, откуда приходили колонисты послѣдняго,—остался не тронутымъ.

⁵⁾ По недостатку историческаго матеріала изслѣдованіе вопроса о происхожденіи колонистовъ южной лѣвобережной Малороссіи можетъ быть произведено съ помощью этнографическаго матеріала. Тутъ слѣдуетъ произвести сравнительное изученіе пѣсенъ и разныхъ жолтійскихъ обрядовъ съ пѣснями и такими же обрядами жителей преимущественно Полтавской губерніи. Матеріала для такого сравненія относительно Прикарпатской Руси собрано уже достаточно. Не говоря о Сборникѣ пѣсенъ Головацкаго, достаточно указать на изданіе Браковской академіи—*Zbiór wiadomości do antropolog. krajow.*

И теперь еще между жителями южной лѣвобережной Малороссіи очень часто встрѣчаемъ прозвища *Коломійцевъ* и *Коломиченковъ*, несомнѣнно происходящихъ отъ давнихъ сюда выходцевъ, черезъ Подолію, изъ Галицкой Коломин¹⁾.

Засимъ обращаемся къ дальнѣйшей исторіи Лубенщины, послѣ того какъ она была передана во владѣніе вдовы Михайла В—аго. Опекуны и дяди малыхъ дѣтей послѣдняго, Юрій В—ій скоро послѣ этого умеръ и былъ замѣненъ Константиномъ Константиновичемъ В—имъ, отца котораго Бартошевичъ называетъ роднымъ братомъ знаменитаго Дмитрія Байды²⁾.

¹⁾ Вопросъ о томъ—откуда колонизовалась лѣвобережная Украина въ послѣднее время затронуть М. Ф. Владимірскаго Будановича, въ предисловіи къ II-му тому 7-й части Архива Ю. З. Россіи, при чемъ авторъ рассматривалъ вопросъ о колонизаціи вообще Ю. З. Россіи отъ втор. полов. XV в. до 1569 г., относительно лѣвобережной Украины (южной) приходитъ къ такимъ заключеніямъ: „Здѣсь вовсе нѣтъ поселеній, а только „уходы“... Вся эта мѣстность однако наполнена „городниками“ и „селенцами“, которыя свидѣтельствовали о прежней заселенности края... Не вполнѣ исчезнувшее населеніе этой страны есть *сверская Русь*, сохранившая свое древнее названіе у тогдашняго поколѣнія: рѣки той пустыни именуются „сверскими“, уходы—„сверскими“. (Стр. 45—46... Обширная мѣстность Гливицкихъ во Ворсклѣ, Сулѣ и Удаѣ, хотя въ исторіяхъ и рисуется преимущественно пустынною, но въ 70-хъ и 90-хъ гг. XVI в. населеніе съ этихъ мѣстностей было и именно не пришло... Оно именуется въ актахъ свержками (которыя въ 1570 г. нѣкогда именовались Байбуриныхъ Ворскольскихъ освобожденіями отъ городовыхъ податей). (Стр. 134).—Колонизація южной Руси направляется отъ сѣвера къ югу, именно переселенціи, заселявшіе постепенно южную Русь; или изъ Вѣлороссіи, т. е. Литвы, т. е. сѣв. части той же Вѣлороссіи, Польска и изъ Московскаго государства,—но ни откуда болѣе. (Стр. 172).—Кіевское населеніе во все поголовно было сносно бурями татарскихъ опустошеній. *Сверщина* уцѣлѣла не только на Ворсклѣ, Сулѣ и Удаѣ, но значительно распространилось и на правый берегъ Днѣпра... (Стр. 188). Полагаемъ, что эти выводы за время, ограниченное Люблинскою унією, не могутъ имѣть особеннаго значенія по отношенію къ южной лѣвобережной Украинѣ, колонизація которой съ это время только что начиналась. Полагаемъ также, что свержки, жившіе въ это время въ защитныхъ мѣстахъ къ сѣверу отъ р. Сейна, приходили въ южную лѣвобережную Украину лишь для промысловъ, какъ приходили сюда и жители кіевскаго Полѣсся. Никакихъ данныхъ для заключенія, чтобы свержки въ это время, т. е. въ XVI в., были осѣдлыми жителями лѣвобережій Сулы, Удаѣ и Ворсклѣ—нѣтъ. Относительно „Ворскольскихъ Байбуриныхъ свержковъ“, защитивъ, что по актамъ даже посл. XVII в.—нѣтъ населеніи Ворскло. См. Кіевск. Губ. Вѣд. 1870 г., № 67 Архивъ Ю. З. Россіи, ч. VII, т. I, стр. 398. Ниого нѣтъ о колонизаціи лѣвобережной Украины другою ученій—г. Миланковъ, рѣшавшій этотъ вопросъ на основаніи данныхъ айма. См. „Мірѣ Божій“ 1895 г., № 4, стр. 52—54.

²⁾ Коцецкий, 269.

А. Лаварковскій.

Константинь завѣдывалъ Лубенщиною вмѣстѣ съ Райною до совершеннолѣтія Іереміи. Какъ видно изъ юридическихъ актовъ Лубенщины, Константинь В—ій былъ опекуномъ уже въ 1621 г.; въ этомъ году онъ далъ позволеніе на устройство Слѣпородскаго монастыря. Повидимому, онъ усилилъ опекунскую власть надъ имѣніями малолѣтнихъ В—ихъ: до него вдова самостоятельно выдавала акты—на устройство Мгарскаго монастыря, на маестности монастырямъ Густинскому и Подгорскому (Ладнвскому)¹⁾, но Константинь В. эти акты нашелъ нужнымъ подтвердить, съ своей стороны, „опекунскимъ правомъ“ (правеш опіекунскимъ), причемъ пзмѣнялъ прежде выданные по своему усмотрѣнію²⁾. Константинь В. управлялъ „заднѣпровскими“ маестностями своего племянника еще и въ 1630 г., когда имъ былъ выданъ актъ Мгарскому м—рю съ подтвержденіемъ Ольшанскихъ грунтовъ³⁾. Въ этомъ же году возобновленъ былъ

¹⁾ См. Іѣтовисъ м—ра Густинскаго, надъ Бодливскаго.

²⁾ Приводитъ здѣсь актъ, выданный Конст. В—имъ въ 1622 г., „на будованне монастыря надъ рѣкою Сулою“, послѣ того, какъ такое позволеніе было уже дано въ 1619 г. Райною. „Constanti Korybuti xte Wiszniowiecki, starosta Sierkaski. Wiadomo czynię tymъ писaniemъ niniejszymъ і napotymъ бѣдѣцымъ, кому wiedziecъ бѣdzie potrzeba, yż іа маіѣцъ w opiece swojej pozostałe potomky sławney памігці хіѣла јего мci niebosчыка Michała, brata mego, y маіетности ych, а зычѣцъ, абы не tylko w sprawachъ ychъ кому не была y oblizenia, y оwszemъ przyмноżenia zostawali, które абы tymъ pochопniey y прѣдсіей rozsзырзали сіѣ od Boga y такы іего początekъ засычъ mi сіѣ zdalo przeto tedy jako opiekun przyrodzony, за прычынѣ y прозбѣ mieyszczan moichъ Lubieńskich, pozwolitemъ y темъ listemъ moimъ pozwalamъ zbudować y ufundować monasterku ko rozmnożeniu chwały Bożey, religij greckiey, nadъ rzekѣю Sulѣю, między Mharemъ rzeczkѣю а Olszankѣю, drugѣю rzeczkѣю, за Lubniami palmile, оуца Jsaiu, episkopa y archimandrytu monasterowъ w маіетностиachъ zadnieprskichъ бѣдѣцыхъ, do ktorego gruntъ między temiъ rzeczkami бѣдѣцы przydałemъ z wolnymъ узываніемъ y ze wszystkimъ позытками według potrzeby do зывноці monasterzowi належѣцы, wzdлѣкъ od Olszankи rzeczekы do Mharu drugey rzeczekы, wasyръ od лѣки названей Zoreszyney do Sulы, wolno іemu swoimъ козштемъ y млынекъ gdzie w tymъзе gruncie mieysce upatrzywszy, zbudować ku позытку swemu, czego według tego nadania mego ма затуwać спокойне, нienarusznie, według upodobania swego прызречены оуцѣцъ Jsaiа bezъ жадней прызшыкы такъ оdcemie, іако y по мnie бѣдѣцыхъ. А dla pewnieyszey wаgy listu tego, рѣкѣю swѣю подпісалемъ сіѣ y піѣсѣцѣю прызцінаіѣцъ rozkasałemъ Działosiѣю w Alexandrowie, anno 1622, 15 septem.“ Акти Мгарск. м—ра, лл. 59 об. и 61 об.

³⁾ Акти Мгарск. м—ра, л. 64.

споръ дочерью Станислава Жолкѣвскаго Софьей, женой Яна Даниловича, воеводы русскаго, противъ „княжати Еремія Корнбутовича В—ого, старосты Овруцкаго, и опекуна его мл. княжати Константина Корнбутовича В—ого, старосты Черкаскаго и иныхъ опекуновъ (?) его милости“, за Горошинъ и Слѣпородъ. Мы уже видѣли, что по постановленію Варшавскаго сейма, въ 1590 г., эти два урочища были отданы анонимнымъ „тремъ особамъ“, въ числѣ которыхъ оказался и Жолкѣвскій (см. стр. 91); однакожъ эти „три особы“ своего права на пустынные урочища, какъ видно, не осуществили, пользуясь чѣмъ В—іе присоединили ихъ къ своимъ владѣніямъ. Дочь Жолкѣвскаго жаловалась „о посажене и осягнене добръ, грунтовъ и урочищъ, т. е. пустынь Горошина и Слѣпородъ, зо всеми тихъ обойга урочищъ належностями и о посажене на тихъ грунтахъ и урочищахъ разныхъ мѣсть, мѣстечокъ, селъ, футоровъ...“, при чемъ пояснялось, что закладѣлъ этими грунтами умершій Михайло В—ій, „не маючий жадного права на тие грунта Горошинскіе, надъ рѣкою Сулою лежачіе, и Слѣпородъ—за Днѣпромъ („позовъ“ писался въ Кіевѣ), на шляху татарскомъ, при самой границѣ татарской и при рубежу московскомъ“; при этомъ въ „позвѣ“ указывалось также, что эти грунта были отданы отцу „пани воеводиное русское правомъ вѣчнымъ отъ короля, въ року 1597¹⁾“, послѣ чего на сихъ грунтахъ сѣло немало „мѣсть, мѣстечекъ, селъ и футоровъ“²⁾... „Позовъ“ „русской воеводиной“ кончился, повидимому, ничѣмъ, такъ какъ Горошинъ значился въ спискахъ имѣній В—ихъ и послѣ 1640 г. Изъ приведеннаго „позова“ видно, что въ 1630 г. Еремія В—ій называется уже старостою Овруцкимъ; такъ ли это было на самомъ дѣлѣ, или „позовъ“ давалъ этотъ титулъ молодому Еремію гадательно—не знаемъ. Не знаемъ также, когда именно Еремія В—ій вступилъ въ самостоятельное распоряженіе отцовскими маестностями, а въ томъ числѣ и Лубенщиною; вообще мало

¹⁾ Равне (см. стр. 3) указано, что Горошинъ и Слѣпородъ отданы были Жолкѣвскому въ 1590 г. Разность въ годахъ происходитъ вѣроятно отъ опечатки.

²⁾ Кіевск. центр. арх., книга город. Житомирск., № 14. л. 836 об.

имѣется свѣдѣній о ранней молодости наследника Михаила В—аго. Въ компилятивныхъ біографіяхъ Іеремія разсказывается, что онъ учился въ львовскихъ іезуитскихъ школахъ и тутъ же отступился отъ православія;—что, затѣмъ, онъ путешествовалъ по Европѣ для изученія военнаго искусства, при чемъ особенно долго занимался послѣднимъ въ Нидерландахъ¹⁾. На родину вернулся Іеремія ок. 1632 г., т. е. въ возрастѣ ок. двадцати лѣтъ. Повидимому, тогда же пришлось ему познакомиться и съ „заднѣпровскими“ своими маестностями, куда звала его начавшаяся въ это время война Польши съ Москвою. Вѣроятно, что при этомъ первомъ посѣщеніи Іереміей Лубенщины было написано къ нему и извѣстное посланіе Исаи Копинскаго, укорявшее молодого отступника за неисполненіе предсмертнаго завѣта его матери.

— „Великій жаль наполняетъ наши сердца, пишетъ Копинскій, видя вашу княжю милость, „пожаданную утѣху“ нашу, уклонившимся отъ древнегреческой вѣры своихъ предковъ и родителей... Не вѣдаю, кто отвратилъ вашу кн. милость отъ нашей вѣры... Всѣ мы знаемъ, какими ужасными клятвами обязывала васъ родительница ваша, оставляя сей свѣтъ! На чью душу падетъ сей грѣхъ—Господь то знаетъ, а мы знаемъ, что „отцовская клятва высушаетъ, а материнская выкореняетъ“... Затѣмъ Копинскій вспоминаетъ предковъ Іеремія—прадѣда Ольгерда, сына его Ягелла и другого сына Ольгерда—Дмитрія Корибута, князя сѣверскаго... „Всѣ они были славными рыцарями, всѣ они принадлежали къ вѣрѣ греческой и послѣдняя ни въ чемъ ихъ не повреждала, а лишь славнѣйшими ихъ дѣлала!... Прошу вашу кн. милость именемъ всей церкви—не позволяй себя увлекать „политическими раціями“! Вспомни, ваша кн. милость, своихъ родителей,—какой вѣры они держались!.. Почему же, ваша княжая милость, не хочешь слѣдовать ихъ примѣру, почему отрекаешься вѣры, въ которой родился?—Легко случается, что людскія рѣчи совращаютъ молодость, случается, что и наслаждаютъ ее, но все это сразу можетъ уничтожиться. Имѣешь,

¹⁾ Сынцкаго, *Histor. Pamiętki*, II, 296, причѣмъ главнымъ источникомъ для его компіляціи былъ Нѣодѣяго Herbard.

в. кн. м-ть, въ своихъ маестностяхъ и церкви, и монастыри есть въ нихъ и достаточное количество духовныхъ особъ; искать ничего, не приходится: чего пожелаешь, то и получишь! И мы, надѣясь, что не навсегда же отрекся, в. кн. м—ть, отъ церкви божьей, со слезами просимъ, именемъ всего духовенства, всего христіанства, не оставляй той вѣры, въ которой водою и духомъ родился, возвратись въ лоно ея, матери своей природной, и утѣшь тѣмъ насъ всѣхъ! И когда, в. кн. м—ть, учинишь по нашему молению, то осѣнитъ тебя благословеніе божіе и родительское, и утѣшишь ты всю церковь и все христіанство, исповѣдующее древнюю вѣру! И счастливо окончишь ты земную свою жизнь и наслѣдуешь загѣмъ, по милости Бога, животь вѣчный!¹⁾

Думается, что эта мольба лучшаго представителя тогдашней южнорусской земли, такъ сильно напомнившая молодому отступнику данныя имъ умиравшей матери клятвы, не могла имѣть желаемыхъ результатовъ: молодость самонадѣянна и упряма... Исаія Копинскій своимъ посланіемъ могъ скорѣе возбудить у Іереміи лишь большую ревность къ его новой вѣрѣ²⁾... Эта ревность неопита и обнаружилась въ начавшейся тогда войнѣ Польши съ Москвою. Война эта началась въ 1632 г. и первое время сосредоточивалась въ Сѣверской землѣ. По свѣдѣніямъ „Розрядныхъ книгъ“, въ концѣ 1632 г. отряды боярина Шенна воевали „литовскіе города“ Батуринъ, Роменъ, Ивангородище, Борзну, Мену, Миргородокъ, которые были покорены, повидимому, въ нач. 1633 г.³⁾ А когда Шенинъ отправился покорять Смоленскъ, то въ Сѣверщинѣ остался воевода Алябевъ, осадившій въ томъ же году Черниговъ. Польскаго войска, въ это время, здѣсь было очень мало, и все оно, повидимому, заключалось въ частныхъ

¹⁾ Лѣтоп. Густинск. м—ря, стр. 39—42.

²⁾ Г. Кулишъ, въ своей книгѣ „Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“, обвиняетъ Петра Могила, что онъ, будучи близкимъ родственникомъ Іереміи, „ничего не предпринялъ, чтобы удержать его въ православіи“.. (II, 196). Но врядъ ли въ это время была сила, которая могла бы остановить повальное вѣроотступничество тогдашнихъ южнорусскихъ магнатовъ, такъ какъ только католичество давало этимъ магнатамъ возможность оставаться и возмѣщаться въ магнатовѣ...

³⁾ Розрядн. книги, II, 615. Акты Моск. госуд., изд. Акад. Н., I, 444, 599 и дру. Ср. Соловьевъ, IX, изд. 3, стр. 201.

отрядах мѣстныхъ державцевъ; такъ, польскіе источники свидѣтельствуеъ, что къ осажденному Чернигову—приспѣлъ изъ Нѣжина отрядъ п. Казановскаго, состоявшій всего изъ ста „выпичиковъ“. Далѣе, въ тѣхъ же источникахъ разсказывается, что когда русскій отрядъ Бутурлина разорилъ Миргородъ, то для прегражденія ему пути въ Лубенщину, изъ Лубенъ вышелъ только небольшой отрядъ подъ начальствомъ „слуги“ Іереміи Дютовскаго, почему отрядъ этотъ и былъ разбитъ Бутурлиннымъ при первой съ нимъ встрѣчѣ. Другой польскій отрядъ, находившійся въ Лубенщинѣ же подъ начальствомъ Киселя, былъ такъ малъ, что не рискнулъ идти даже и на помощь Дютовскому. Увеличить свои военныя силы поляки не могли при незначительности населенія въ тогдашней Лубенщинѣ (których wszcipła liczba była na tym rognaniczu), которое при томъ въ виду начавшихся военныхъ дѣйствій разошлось, какъ разошелся „по своимъ домамъ“, и „запорожскій полкъ Лавринка“, повидному, исполнявшій обязанности гарнизона въ Лубнахъ¹⁾.

Вотъ въ это время Іеремія В. и обнаружилъ свою энергію неофита... Польскіе его біографы разсказываютъ, что В., собравъ отрядъ *своею* войска (на правомъ берегу Днѣпра?), простирившійся до пяти тысячъ, пошелъ подъ Путивль и поразилъ тамъ русскихъ, выжегъ окрестныя села; что затѣмъ, въ другой разъ, соединившись съ Лукою Жолкѣвскимъ, В. пошелъ уже за Путивль и воевалъ Курскъ, Рыльскъ, Сѣвскъ, которые вмѣстѣ съ окрестными селами обратилъ де въ пепелъ... И стали Іеремію В., продолжаютъ тѣже біографы, звать отъ того времени *ла.мемъ*²⁾. Этотъ разсказъ, повторенный вкратцѣ и Костомаровымъ³⁾, никакими первоисточниками не подкрѣплялся. Только въ послѣднее время обнаружены акты изъ архива м—ва юстиціи, которые, подтверждая свѣдѣнія о походѣ Іереміи въ предѣлы Московскаго государства, сообщаютъ и подробности этого похода. Указанные акты говорятъ, что въ к. февраля 1634 г. поляки приходили подъ Путивль въ числѣ 5000 человекъ, но были отбиты, а въ

¹⁾ Szkice Pułasskiego, стр. 221. Ср. Акты Моск. Госуд., I, 411.

²⁾ Сѣвцкаго, Histor. Pamiątki, II, 296. Ср. Нѣвск., Herbart polski, IX, 354.

³⁾ Богд. Хмельницкій, изд. 1884 г., I, 328.

мартѣ Іеремія съ Жолкѣвскимъ ходили подъ Сѣвскъ, хотѣли его взять осадю, но также были отбиты, хотя, какъ видно изъ сообщаемыхъ актами подробностей, Сѣвскъ при этомъ достаточно пострадалъ отъ пожара и разоренія; въ походѣ на Сѣвскъ участвовали до 30000 человекъ, „польскихъ и литовскихъ людей, и нѣмецъ и черкасъ“. При осадѣ Сѣвска, между прочимъ, участвовалъ и извѣстный Яковъ Остриница, котораго акты титулуютъ въ это время „полковникомъ“. Изъ подъ Сѣвска В. съ товарищами пошелъ было на Рыльскъ, но на дорогѣ получено было имъ извѣстіе о приближеніи татаръ къ „литовской землѣ“, почему В. счелъ нужнымъ вернуться домой ¹⁾, а отрядъ „запорожскихъ козаковъ“, въ числѣ 12000 человекъ, съ полковниками Ильяшемъ и Остриницею, былъ направленъ В—имъ къ Смоленску, на помощь королю; но у козаковъ съ поляками вышла при этомъ какая то „рознь“, и походъ свой козаки ограничили лишь осадю Курска; осада была неудачна, и „черкасы“ вернулись домой, но здѣсь Іеремія „за то ихъ непослушаніе велѣлъ ихъ грабить и въ города не велѣлъ ихъ пускать“ ²⁾.

Вернувшись въ Лубенщину, В. противъ татаръ не ходилъ, такъ какъ противъ нихъ пошли другіе военачальники, а В. сталъ готовиться къ новому походу въ Московское государство, предполагая снова начать этотъ походъ осадю Путивля ³⁾. Походъ этотъ однакожъ не состоялся, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ война съ поляками кончилась заключеніемъ Поляновскаго договора.

Изъ приведенныхъ свѣдѣній видно, что особыхъ удачъ въ своихъ походахъ противъ Московскаго государства Іеремія В—ій не имѣлъ, и польскія извѣстія о его успѣхахъ въ этихъ походахъ, повидимому, преувеличены ⁴⁾.

Засимъ, мы не имѣемъ свѣдѣній—гдѣ жилъ и что дѣлалъ Іеремія В—ій въ продолженіе 1633—35 гг. Есть извѣстіе, что послѣ заключенія Поляновскаго мира, когда Киселю поручено

¹⁾ Акты Моск. Госуд., I, 599, 607, 611, 612 и 616.

²⁾ Т. же, 216.

³⁾ Т. же, 632.

⁴⁾ Тѣмъ болѣе, что и самъ король Владиславъ признавалъ, что главную роль въ этихъ походахъ игралъ не В—ій, а Кисель. Palaski, Skizy, 217.

было провести границу между Московскимъ и Польскимъ государствами, В—ій очень боялся, чтобы часть его Лубенщины не была отмежевана къ путыльскимъ землямъ и по этому поводу, въ 1634 г., просилъ будущаго своего тестя Замоискаго предстательствовать за него предъ Киселемъ¹⁾. Эта просьба указываетъ, что В—ій, не смотря на свою молодость, уже ревниво оберегалъ свои матеріальные интересы... Въ 1636 г. В—ій навѣдывался въ свою Лубенщину, такъ какъ мы имѣемъ два акта, выданные имъ, оба въ Лубнахъ, въ маѣ и октябрѣ 1636 г., одинъ Мгарскому м—рю, а другой какому то Федору Проскуренку на „островокъ для пасѣки“²⁾. Въ это время уже вся Лубенщина была и юридически закрѣплена за Іереміей В—мъ, такъ какъ по условіямъ Поляновскаго договора Московское правительство спорную часть Лубенщины (Снятинъ, Сенчу, Многой, Журавку, Куренку...) „уступило въ королевскую сторону безъ спору“³⁾...

Затѣмъ, изъ событій, происходившихъ въ Лубенщинѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что, по свидѣтельству позднѣйшихъ малорусскихъ историковъ, одинъ изъ сторонниковъ возставшаго Павлюка—Скиданъ универсалъ свой, взывавшій къ населенію степной Украйны, выпустилъ изъ Лубенъ, въ октябрѣ 1637 г., изъ чего слѣдуетъ заключить, что и населеніе этого города присоединилось къ возставшимъ козакамъ. А затѣмъ, послѣ Кумейскаго пораженія, когда отдѣльные козацкіе отряды пробовали еще сопротивляться полякамъ, одинъ изъ такихъ отрядовъ, предводимый Кизномомъ-сыномъ, по свидѣтельству тѣхъ же историковъ, занялъ Лубны и, разоряя польское населеніе этого города, сжегъ де тутъ и Бернардинскій монастырь⁴⁾. Послѣдовавшее въ 1638 г. возстаніе Острианицы

¹⁾ „Xto imć. Her. W—cki, mając contignitatem granic z panstwem moskiewskiem, chciał by tego ostrzedz sobie, aby przez comissją naprzeciwą z Moskwa, ni ponieć jakowego uszerbku“... Т. ш., 231.

²⁾ Акти Мгарскаго м—ра, л. л. 5 и 59.

³⁾ Дворцов. Разряды, II, 862.

⁴⁾ Такъ рассказываютъ г. Кулишъ (Библ. дд. Чт. 1863 г., октябрь (?), стр. 12) и Костомаровъ (Болд. Хмельн., выд. 4-е, I, 154), но источники не указываютъ. Слѣдуетъ впрочемъ думать, что это свидѣніе взято изъ рукописей Шуба. б—ки, такъ какъ г. К—шъ въ своей статьѣ оговаривается, что приводима имъ копия подробностей

и Гуни скоро было усмирено поляками, въ предѣлахъ Лубенщины, причемъ въ этомъ усмирении участвовалъ и Іеремія В., какъ подробно объ этомъ рассказываетъ Окольскій. Усмиренныхъ козакъ поляки жестоко наказывали, а послѣдствіемъ этихъ наказаній явились на лѣвомъ берегу Днѣпра разные толки о намѣреніяхъ поляковъ начать и здѣсь насажденіе униі²⁾. Слухи эти сильно всполошили лѣвобережныхъ монаховъ, думавшихъ, что они первые должны будутъ пострадать при этомъ. Особенно испугались густынскіе монахи, когда, на обращенную къ Іереміи В.—му просьбу ихъ игумена—о подтвержденіи правъ на монастырскія маестности, князь отвѣчалъ: „а мнѣ до о вась,—жійте до ласки моей!“ Сообщая объ этомъ отвѣтѣ Іереміи мгарскому игумену, густынскій игумень добавлялъ: „а ласка каждого пана на волоску виситъ, а кгда ся урветъ,—пречь отъ всего изъ маестности—до дьябла!“ Бѣгство Острияницы въ предѣлы Московскаго государства указывало и монахамъ возможность спасенія тамъ же. Не надѣясь на защиту В.—аго, густынскій игумень согласилъ и другихъ двухъ игуменовъ (мгарскаго и ладинскаго) бѣжать съ братіей въ Путивль, чтобы оттуда просить милости и покровительства у московскаго царя.—Но когда густынскіе и ладинскіе монахи достигли Путивля, ожидая здѣсь уже встрѣтить и мгарскаго игумена, который долженъ былъ прибыть туда другою дорогою, то нашли тутъ только часть мгарской братіи, а самъ игумень не только не пошелъ изъ Мгарн, но еще посмѣялся, въ письмѣ къ густынскому игумену, надъ страхами послѣдняго передъ унией, спрашивая—почему такъ страшна ему эта униа: „чи зъ рогами она, чи зъ голыватыми ногами, чи зъ

заяти изъ указаннаго источника. Костомаровъ сообщаетъ это свидѣніе, возмущенно по Кулишу. Въ книгѣ—„Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“ свидѣніе о разграбленіи Лубенъ Кизиномъ—повторено (I, 262) тоже безъ указанія источника; впрочемъ въ этой книгѣ источники вообще не указываются.

²⁾ Объ этомъ извѣщала Псаія Копивскій мгарскаго и густынскаго игуменовъ, что „де одноконечно король полскій и наши радные и лиціе арабискуни приговорили на совиѣ, что въ нихъ Польской и въ Литовской землѣ православной христіанской вѣрѣ не быти и христіанскія церкви превратити въ костелы латвіе, и книги русскія и монастыри змечь“... Акти Ю. З. Россіи, III, 5.

усомъ, чи зъ бородою великою, чи пѣша, чи ѣздитъ?"¹⁾... Слѣдуетъ догадываться, что мгарскій игуменъ былъ обласканъ Іереміей и пересталъ бояться уніи... Не одни, впрочемъ, монахи нашли нужнымъ уходить подъ защиту московскаго правительства. Лубенскій „староста“ Якубъ Коледа тогда же (лѣтомъ 1638 г.) писалъ путивльскому воеводѣ Плецееву, что „подданные кн. Іереміи В—аго, поднявша въ нынѣшнюю свою козацкую войну отъ мѣста Гадацкаго, нѣсколько тысячъ ушли въ Путивль“.. Такимъ образомъ мы видимъ, что послѣдствіемъ усмиренія козацкаго возстанія 1638 года былъ общій переполохъ между населеніемъ Лубенщины, которое боясь за свою участь, стало покидать послѣднюю, двигаясь далѣе на востокъ. Происходившая такимъ образомъ убыль въ населеніи Лубенщины нарушала матеріальные интересы Іереміи и требовала принятія съ его стороны предупредительныхъ мѣръ.

Повидному, съ цѣлію упорядочить свои „заднѣпрскія маестности“ личнымъ надворомъ, В—ій рѣшилъ самъ переселиться въ Лубенщину. Очень можетъ быть, что онъ имѣлъ въ виду при этомъ, — личнымъ пребываніемъ въ послѣдней, — предупредить на будущее время и тѣ козацкія возстанія, которыя такъ невыгодно отражались на экономическомъ благосостояніи „заднѣпрскихъ“ его маестностей. Рѣшивъ вопросъ о своемъ переселеніи на лѣвый берегъ Днѣпра, В—ій, какъ кажется, одновременно рѣшилъ и другой вопросъ — о своей женитьбѣ. Женился онъ, какъ извѣстно, на дочери короннаго канцлера Фомы Замойскаго — Гривельдѣ. Недавно, въ одной газетной статьѣ, явилось подробное описаніе этой женитьбы²⁾, сдѣланное, повидному, на основаніи современныхъ событію свѣдѣній. Въ этомъ описаніи читаемъ, что В—ій, вернувшись, послѣ усмиренія козаковъ, въ правобережныя свои имѣнія, направился затѣмъ въ Варшаву, гдѣ и встрѣтилъ только что прибывшую изъ заграницы, въ свитѣ королевы Цецліи Ренаты, — Гривельду Замойскую, „особу мо-

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, III, 10.

²⁾ Gazeta narodowa 1890 г., № 23. — «*Ślub księcia Jeremiego Wisniowieckiego z Gryseldą Zamojską, odprawiony we Lwowie (dnia 1 grudnia 1637)*». Статья подвизана — В. Лев.

лодую, разсудительную, болѣе привлекательную добротою и качествами сердца, чѣмъ красотою; безобразной она, правда, не была, но не обладала и совершенной красотой...“ Когда Іеремія В—ій посватался, причѣмъ сватомъ былъ самъ король (Владиславъ IV), то „старикъ Замоискій, смотрѣвшій на родъ и славу Вишневецкихъ, какъ на первый клейнотъ короны, съ искреннею радостью выслушалъ просьбу В—аго и сейчасъ же послѣ коронаціи королевы, въ присутствіи Владислава IV и его супруги, иностранныхъ пословъ, сановниковъ (рабѳ) коронныхъ и литовскихъ, бывшихъ въ Варшавѣ, обручилъ свою дочь за Вишневецкаго. Во время этого торжества, по описанію современника, устроеннаго по старосвѣтскимъ обычаямъ, стрѣляли изъ пушекъ, состязались въ рыцарскихъ упражненіяхъ... Эти торжества продолжались шесть дней...“ Затѣмъ В—ій пригласилъ гостей на свадьбу во Львовъ, къ 1 декабря 1637 г.—Просилъ В—ій при этомъ и короля съ королевою, „но король, будучи дурно къ нему расположенъ, отказалъ В—ому въ этомъ, а назначилъ только своими замѣстителями на эту церемонію пословъ. Съ сильнымъ раздраженіемъ противъ придворныхъ льстецовъ покинулъ кн. Іеремія столицу и во главѣ своего десяти тысячнаго войска отправился во Львовъ, куда прибылъ къ концу ноября и занялъ роскошное помѣщеніе на городскомъ рынкѣ, въ угловомъ домѣ, недалеко отъ кафедральнаго собора... Отсюда 29-го ноября Іеремія В—ій, въ сопровожденіи родственниковъ, князей и многочисленной шляхты, выѣхалъ на встрѣчу Гризельдѣ до Грудка, откуда, послѣ пышнаго пріема, всѣ отправились во Львовъ... При громѣ пушекъ и звукахъ музыки ѣхала великолѣпная золотая карета, въ которой сидѣла Гризельда съ матерью и сестрой Іоанной-Варварой, впоследствии женою Александра Конецпольскаго. Рядомъ съ невѣстой ѣхалъ В—ій на великолѣпномъ турецкомъ конѣ, убранномъ жемчугомъ и дорогими камнями. Во второй каретѣ ѣхалъ Замоискій съ женами Чарторыйскихъ, въ третьей—Чарторыйскіе, въ четвертой—Збаражскіе, Воронецкіе и Корецкіе... На другой день, 1 декабря, въ 10 часовъ утра, при пушечныхъ выстрѣлахъ, въ золотой каретѣ, запряженной шестью бѣлыми какъ снѣгъ лошадьми, пріѣхалъ

кн. Іеремія, въ сопровожденіи шести родственниковъ-князей, съ женами и дѣтьми,—за невѣстой... Гетманъ Конецпольскій сидѣлъ рядомъ съ Іереміей, въ качествѣ старосты; друзьями были Николай Потоцкій, Юрій Оссолинскій и друг... У порога храма молодые, по старому обычаю, принявъ родительское благословеніе, вошли, при звукахъ музыки, внутрь храма, къ главному олтарию, гдѣ, ставъ на приготовленные подушки, молились всю обѣдню, которую совершалъ архіепископъ львовскій Гроховскій; послѣ обѣдни, молодые заняли княжескія кресла и слушали поученіе о супружеской жизни отъ епископа краковскаго. Приобщившись, поклонились у подножія алтара въ любви, вѣрѣ и страхѣ божіемъ и цѣловали крестъ изъ рукъ архіепископа, вмѣстѣ съ отцомъ и гостями. Знатнѣйшими гостями при обрядѣ были: кн. Острожская, дочь воеводы Волынскаго, ея братъ кн. Острожскій, Чарторыйскіе, Збяржаскіе, Корецкіе, Воронецкіе съ женами и дѣтьми, Станиславъ Конецпольскій, Николай Потоцкій, Криштофъ Радзивиль, Лука Жолѣвскій, Мартынъ Калиновскій, Александръ Конецпольскій, Юрій Оссолинскій, послы Владислава IV,—Григорій Кнапскій и ксензъ-каноникъ Матвѣй Любинскій, послы Юрія Ракочія и много пановъ изъ Литвы и Руси.—По совершеніи обряда костель огласился пѣніемъ *veni Creator*,—пѣлъ, съ акомпаниментомъ органа, органистъ, получившій за это отъ В—аго прекрасное село. Молодые пѣшкомъ пошли, при пушечныхъ выстрѣлахъ, въ костелы о. о. доминикановъ, бернардиновъ и кармелитовъ, и до вечера молились, дѣлая богатые вклады. Въ фамиліальныхъ актахъ В—ихъ есть упоминаніе, что кн. Іеремія В—ій надержалъ на свадьбу 250000 злотыхъ. Во Львовѣ она продолжалась 15 дней.. Утромъ 16 декабря молодые оставили Львовъ и, послѣ короткаго пребыванія въ Замостья, уѣхали въ Вишневецъ." Въ этомъ любопытномъ описаніи положительно указывается, что В—ій вѣнчался 1 декабря 1637 г., но этотъ годъ возбуждаетъ сомнѣніе уже и потому, что Іеремія усмиралъ козиковъ въ 1638 г., а женился онъ, по словамъ самого автора приведеннаго описанія, уже послѣ усмиренія. Кромѣ того, въ недавно напечатанной, въ польскомъ историческомъ жур-

на.лѣ, замѣткѣ—*o iody rożdenia króla Michała Wyszniwieckiego*²⁾, указываетъ печатная „рѣчь“ (казаніе), сказанная іезуитомъ Черноцкимъ—, *w dzień ślubu... xiążęcia j. m. Jeremiego... Wiśniowieckiego z j. ug. panną j. m. p. Gryzeldą Zamoyską, miane w Zamościu, w kościele farskim, w niedzielę przed migropustą 1639.* Такимъ образомъ здѣсь указываетъ, что день свадьбы В—аго былъ де 6 марта 1639 г.—Повидимому, г. Левъ въ своемъ описаніи ошибся въ годѣ, указавъ 1637-й годъ вмѣсто 1638-го, когда усмирены были козаки, но въ мѣсяцѣ женитьбы—здѣсь ошибки, повидимому, не должно быть, такъ какъ уже очень точно показаны ноябрскіе и декабрскія числа. Сказанная же 6 марта 1639 г. рѣчь іезуита Черноцкаго, повидимому, говорена была не въ день вѣнчанья, а по поводу недавняю стнчанья, въ то время, когда, послѣ свадьбы, молодые гостили у Замойскихъ...

Какъ бы то ни было, но въ нач. 1639 г. В—ій былъ уже женатъ, при чемъ въ жены себѣ выбралъ панну, хотя и некрасивую, но неѣсту завидную, руки которой искалъ и другой знатный князь. Въ напечатанномъ Войццикимъ сборникѣ—*Biblioteka starożytna pisarzy polskich*³⁾,—помѣщено между прочимъ и нѣсколько *razoworow* умершихъ поляковъ; это была очень любимая въ XVIII в. форма историческихъ повѣствованій, въ которыхъ нерѣдко принодятся интересныя свѣдѣнія, къ сожалѣнію безъ указанія лишь ихъ источниковъ. Здѣсь напечатанъ, между прочимъ, и *razowor* короля Собьскаю съ Іереміей Вyszniwieцкимъ. На вопросъ короля о томъ, какъ Іеремія женился, послѣдній сообщаетъ интересныя подробности—какъ о наружности своей жены, такъ и о томъ, какъ она изъ двухъ одинаково знатныхъ жениховъ, выбрала его, Іеремію³⁾. Нужно по-

²⁾ Kwartalnik Historyczny 1895 г., № 3, стр. 485.

³⁾ Warszawa, 1843—1844, шесть книгъ

³⁾ Іеремія о своей женитьбѣ сообщалъ Собьскому слѣдующее: „Miał za sobą Gryzeldę Zamoyską, całe nie urodzą, ale serca i rozumu męskiego, przy wysokiej spocie w tym ożenieniu nizzey particularitatem nie znaądaje, tylko że ta panna z xiężney Ostrogskiej, woiewody wołyńskiego Alexandra córki zrodzona, a spłodzona z Tomaszem Zamoyskim, kanclerza w. koronnego, nie tak urodą jak wysokością kolegacy i posagiem powabna, miała nie tylko mnie, ale i Dominika x-cia Ostrogskiego z Zastawskiej linii konkurentem; małómu się nie pobili kilka razy, tak o punkt honoru za

лагать, что основною разсказа были историческія свѣдѣнія, опровергающія такимъ образомъ новѣйшее повѣствованіе объ „извѣстной красотѣ“ Гризельды. Вотъ съ этою то Гризельдою, обладавшею сердцемъ и умомъ женщины, Іеремія и переселился на лѣвый берегъ Днѣпра,—для дальнѣйшаго экономическаго устроенія тамошнихъ своихъ маестностей.

Что же представляли собою „заднѣпрскія“ маестности В—аго въ это время?—Хотя свѣдѣнія наши о состояніи населенныхъ мѣстъ Лубенщины въ тридцатыхъ годахъ XVII в. очень скудны и отрывочны, однакожь не до такой степени, чтобы нельзя было получить понятія объ успѣхахъ, достигнутыхъ колонизаціей въ Лубенщинѣ за первые сорокъ лѣтъ (1590—1630). Перечислимъ всѣ извѣстныя въ это время населенныя въ Лубенщинѣ мѣста¹⁾.

Лубны. Ранна Могилянка, жалуясь въ 1618 г. на мужниаго брата Юрія В—аго за отнятіе имѣній умершаго Михайла В—аго, называетъ между прочимъ—*Stare i Nowe Lubnie, Alexandrow zwane*. Имѣя свѣдѣніе, что лубенское населеніе въ это время разиѣщалось (см. ниже) въ центрѣ городка и на его предмѣстьяхъ, слѣдуетъ заключить, что подъ именемъ *Старыхъ Лубенъ* разумѣлся замокъ и мѣсто, расположенныя на мѣстѣ *старая* лубенскаго городища, а *Новые Лубны* сосгояли изъ предмѣстій, возникшихъ вокругъ этого городища. Возобновленіе

urodę Heleny Troi-nakiey, podskar stania x-że Ostrogski był piękny, młody, biały, ale delikatny, osrały zgoła, nie udatny; ia zaś byłem dużo szarniawy, nie wielki-ale rzęski i w stanie ładny, kibitny i aż nazbyt skłonny. Przekupował x-że Ostrogski baby i rannu, że mnie ganiąc, tego rywala wychwalali przed ranną. Raz gdy baba rannie (która na mnie lepiej jak na tamtego patrzyła) mówi dla Boga coś to upatrzyła w świecie Wiszniowieckim, on szarny,—ranna odpowiedziała: nie frasny się, nie poszerni on mnie. I ta decyzya była dekretem, bo rodzice na nią zdali obranie kawaler-а, nie chcąc sobie nas xiążat obu możnych, zasnych i bogatych sami urazic“. T. VI, str. 87. Г. Кулишъ говоритъ, что Іеремія В—ий женился „на извѣстной своей красотой Гризельдѣ Замойской.“ („Отпадєніє“, II, 199 и 207). Сколько намъ извѣстно, нигдѣ въ польскихъ источникахъ о красотѣ Гризельды не говорится. Единственное упоминаніе о ея наружности, приведенное здѣсь, говоритъ противное. Видно, что свѣдѣніе г. Кулиша основано на одной его *эмпричности*...

¹⁾ Для этого мы пользуемся книгой г. Яблоновскаго—*Zródła Dziejowe*, томи XX и XXI, „гарифави“ 1631 г. (Арх. Ю. З. Р. ч. VII, т. I, стр. 356—411) и списками изъ нихъ же, напечатанными въ Киевск. Г. Вад. 1869—70 г.г., Новодѣлскѣ

поселенія на мѣстѣ стараго лубенскаго городища послѣдовало, какъ мы уже видѣли, ок. 1590 г., а въ 1591 г. возобновленному подъ именемъ *Александрова* городку дано было, по свѣдѣтельству польскихъ источниковъ, уже и магдебургское право¹⁾. Объ укрѣпленіи лубенскаго замка можно судить уже и потому, что Михаилъ V—ій переправилъ сюда изъ Овруча 43 пищали (nakownic)²⁾. Первое наше свѣдѣніе о лубенской администраціи относится къ 1623 г., когда Лубнами правилъ Мартынъ Нагурскій, „староста лубенскій“. Населеніе города въ это время дѣлилось: на „громаду“ и „товариство“. Представителями „громады“ были: „войтъ лубенскій“ Федоръ Бышовецъ и бурмистры: Іосифъ Свитайло, Сидоръ Адамовичъ, Олекса Товкачъ, Миско Марченко, Иванъ Витязь, Иванъ Бей, Федоръ Печеникъ. Всѣ эти лица, составляя громадскую администрацію, подписывали юридическіе акты, заносимые въ „книги мѣскія ратуша лубенскаго“, добавляли—„во всею громадою“, указывая на то населеніе *мѣста* Лубень, которое поэтому и называлось *мѣщанами* и которому противопоставлялось „товариство“. Послѣднее въ 1623 году представлялось въ такомъ видѣ: „Стефанъ Жукъ, атаманъ войска запорожскаго лубенскій, Федоръ Пирскій, Янъ Гендрикъ, Стась Яблоновскій во всѣмъ товариствомъ.“ Судя по именамъ, Гендрикъ и Яблоновскій—были поляки, хотя по акту, изъ котораго мы беремъ свѣдѣнія о нихъ, лица эти вмѣстѣ съ другими членами „громады“ и „товариства“, отдали—„дуля, которій сполечне зъ собою мѣли, кождій свою часть, на рѣчцѣ Олшанцѣ, за прозбою отца владыки о. Ісаи (Копинскаго), до монастыра Мгарскаго лубенскаго, на хвалу божію.“ Изъ этого же акта, между прочимъ, видно еще, что въ этотъ моментъ Лубны назывались одновременно и Лубнами, и Александровомъ; Нагурскій подписался старостою *александровскимъ*, а Бышо-

¹⁾ Słownik Geogr., XIV, 228. (Обширная статья г. Яблоновскаго—*Zadnieprze*).

²⁾ Архивъ Ю. З. Россіи, ч. 7 т. II, стр. 413. Лицко говорить, что галювци „(rodziny strzelby długiej) dawniej po fortcach w mocnym były używani.“

вещь—войтомъ лубенскимъ¹⁾. Упомянутый здѣсь Исаія Копинскій, управляя въ это время Мгарскимъ монастыремъ, былъ въ то же время, такъ сказать, охранителемъ „восточнаго православія“ въ Лубенщинѣ. По его начинанію, въ 1622 г., было учреждено „въ градѣ Александровѣ братство церковное, при храмѣ церкви соборной братской пресв. Троицы“²⁾. По сохранившимся въ *тарифахъ* свѣдѣніямъ населеніе Лубенъ въ 1628 г. представляется въ такомъ видѣ: „дымовъ рыночныхъ—18, уличныхъ—8, предмѣстныхъ—40, убогихъ хижинъ—80, погъ—1, мельникъ—1, портныхъ—2, рѣзниковъ—4, сапожниковъ—4, кузнецовъ—2, „лударей“—2, рыбалокъ—4“³⁾. Изъ этого описанія видно, что собственно городъ, вмѣщавшій замокъ и мѣсто (рынокъ), заключалъ въ себѣ 26 *дымовъ*, изъ которыхъ 18 *дымовъ* окружали рыночную площадь, а 8—расположены были въ улицахъ, примыкавшихъ къ этой площади. Остальное населеніе размѣщалось въ 120-ти дымахъ, составлявшихъ, повидимому, *Новые Лубны*, поселеніе отдѣльное отъ замка, при чемъ 40 *дымовъ* этого поселенія принадлежали людямъ болѣе менѣе имущественнымъ, а 80—бѣднымъ. Всѣхъ домохозяевъ было въ замкѣ и его предмѣстьяхъ—около полутора ста.

Мгарскій хуторъ, возникшій около монастыря, по акту Лубенскаго старосты (?) Андрея Калыновскаго, въ 1624 г. былъ отданъ въ „поссесію“ Исаіи Копинскому: „по приказу князя его милости (опекуна кн. Константина?), хуторъ Мгарскій, съ подданными на томъ грунтѣ сидящими, пускаемъ въ поссесію его мил. о. Исаіи - епископу, архимандриту; при этомъ—по отношенію къ подданнымъ мгарскимъ, живущимъ на томъ грунтѣ, около „млинка“ монастырскаго, уступаю (*уступице*) злотыхъ 30, которые по ласкѣ князя его мил. имѣеть аренда лубен-

¹⁾ Акты Мгарск. м.—ря, л. 322 об. По акту 1628 г. войтомъ александровскимъ (лубенскимъ) значится Федоръ Лупевичъ или Лупь, а бурмистрами: Ничпоръ Кудренко, Федоръ Печеникъ и Лавко Зубкавачъ.

²⁾ Постановленіе объ учрежденіи троицкаго братства въ Лубнахъ помѣщается въ *приложеніяхъ*.

³⁾ Тутъ же показано, что водяныхъ мельницъ („колесъ“) въ Лубнахъ было пять и при нихъ—сушесоловѣ дѣл.

ская". Упоминаемый здѣсь хуторъ безъ сомнѣнія есть теперешнее село Мгарь.

Александровка. По акту 1617 г. показаны—*Lubni albo Alexandrow*, и отдѣльно—*m. Alexandrowka*, которая, слѣдовательно, обозначаетъ теперешнее село Александровку, расположенную при р. Слѣпородѣ и основанную, судя по названію, при Александрѣ Вишневецкомъ.

Лукомль. По акту 1604 г. владѣлецъ Жеребятина (перелсл. у.), жалуется на Михайла В—аго за приѣзъ въ Лукомль его бѣжавшихъ крестьянъ. Въ 1628 г. Лукомль былъ вторымъ послѣ Лубенъ, по населенію, городомъ. На составъ населенія этого городка можетъ указывать слѣдующее свидѣтельство мгарскаго монаха, относящееся къ 1625 г. и записанное въ 1671 г.— „Року 1625, за панства лядского, скоро монастырь (Мгарскій) ставъ будоватися, *человекъ лукомскій* на имя Кирилль, приѣхавши до монастыря, poradилъ чернцомъ (монахамъ) —барзо, мовить, добре на Красныхъ (урочище на Сулѣ, около Лукомля) рыбу ловити, а вась, мовить, самъ тамъ заведу и способъ покажу, которого рады (совѣта) послухавши, заразъ чернцовъ зъ нимъ послали и онъ ихъ тамъ завѣвъ; которій то Кирилль потомъ и самъ засталъ чернцемъ у Мгарѣ и далъ ему имя Киприанъ, и чинили (его) старшимъ рибалкою, и послали его на Красніе, и заставаъ старшимъ рибалкою, начальникомъ, ажъ до смерти, бо тамъ на плаваняхъ и умеръ. *А панове у Лукомль были тихъ часовъ тіе:* п. Мокрскій, п. Дашкувскій, п. Война, п. Замойскій, а жадной кривди и перешкоди чернцамъ у ловленію рыбъ на Красныхъ тіи панове не чинили; ацо-бы где якое мужицкое жерело было, того не было. Правда, що волю и мужикамъ ставити ватерь было. Рибалки панскіе всюди тамъ (около Лукомля, на Сулѣ) ловлювали рыбу, щобъ що тижня на потребу панскую рыба была; першій и старшій рибалка былъ Махно, албо Матвѣй, другій Васко Губаръ, третій Германъ, а четвертый Цвей прозвискомъ, которій то Цвей чернцомъ на своей части позволилъ жерело прокопати¹⁾...“

¹⁾ Акты Мгарскіе и-ра, т. 319 об.
А. ЗАВАРЖЕВСКІЙ.

Упомянутые въ этомъ показаніи „паны“—Мокрскій и др.—принадлежали, нужно думать, къ составу администраціи, такъ какъ другихъ собственниковъ-пановъ въ Лубенщинѣ, помимо Вишневецкаго, не было. Лукомскіе „мужики“, какъ видимъ, никакихъ правъ собственности, напр., въ рыбныхъ ловляхъ по Сулѣ, не имѣли, изъ чего можно заключить, что не имѣли они правъ собственности и въ какомъ либо другомъ недвижимомъ имуществѣ. Въ Лукомлѣ въ это время было: „дымовъ рыночныхъ—10, уличныхъ—25, предмѣстныхъ—24, убогихъ хижинъ—45“, причемъ показаны еще: священникъ—1, мельникъ—1¹⁾, портной—1, рѣзчикъ—1, кузнецъ—1, „лудка“—1, рыбалокъ—2. Какъ видимъ и въ Лукомлѣ—въ замкѣ и въ мѣстѣ, было 35 домовъ, а на предмѣстьяхъ—69, т. е. всего болѣе ста дворовъ.

Хороль по „тариффѣ“ 1631 г., здѣсь: дым. рынк.—8, уличн.—15 и предм.—8. Послеъ названіе—и *Ярослава* ²⁾.

Горошинъ по актамъ 1618 г. называется *новой осадой*, причемъ видно, что первое населеніе сюда пришло изъ Лишны и Сосновки ³⁾.

Буромль. По акту 1609 г. упоминаются *буромскіе* подданные Михайла В—аго, а по „тариффѣ“ 1631 г. здѣсь дымовъ—5⁴⁾.

Жолнинъ. По актамъ 1604—1607 г.г., владѣльцы праваго берега Днѣпра жалуются на Мих. В—аго за приѣмъ въ Жолнинъ бѣжавшихъ ихъ подданныхъ, причемъ видно, что въ числѣ

¹⁾ Мельничныхъ „колесъ“—2 и сушоваля—1.

²⁾ Такъ какъ въ числѣ Вишневецкихъ, низшихъ отношеніе къ Лубенщинѣ, ни не знаетъ ни одного, который бы носилъ имя Ярослава, то можно предположить, что новое названіе старому Хорольскому городищу усвоено было перемени его населенцами, пришедшими сюда изъ галицкаго Ярослава. Такое переселеніе ярославскихъ жителей могло имѣть мѣсто, напр., въ 1600 г., когда весь Ярославъ выгорѣлъ и его населенію приходилось „на новомъ котзеніи budować.“ *Wiadomości o m. Jarosławiu, Siarcsyniakiem*, (Lwów, 1826), стр. 77. Такой же пожаръ случился въ Ярославѣ и въ 1625 г., издаваемый послѣ котораго Ярославскіиъ жители „привилей“ указываютъ, что и безъ пожара жить жилось не легко. Т. ж., 83. Впрочемъ, кромѣ Ярослава галицкаго, есть и въ Подоліи (летаческ. у.) с. *Ярослава*

³⁾ Лишны и Сосновка—обѣ деревни теперь въ Киевск. уѣздѣ.

⁴⁾ *Буромль* (иѣстечко) есть въ Дубовск. у., Волыиск. губ.

бѣглецовъ было восемь человекъ изъ *Мозырская* повѣта. Въ 1618 г. кievскіе базиліане, владѣвшіе тогда имѣніями Михайловскаго м-ря, жаловались на Юрія В-аго за то, что онъ поселилъ Жолниинъ на ихъ землѣ, называемой Климативо. Ок. 1630 г. Жолниинъ платилъ В-имъ 180 злотыхъ повинностей.

Сльпородъ въ 1628 г. имѣлъ дымовъ—2 и огородниковъ—6. Слѣдуетъ думать, что это поселеніе возникло около Сльпородскаго м-ря, на возобновленіе котораго опекунъ Константинъ В-ій далъ разрѣшеніе, въ 1621 г., какому то священнику Зонлу¹⁾.

Смятинъ по акту 1628 г. показанъ *новоосѣлымъ* (хотя упоминается уже и въ актѣ 1617 г.), при чемъ въ немъ значится: дымовъ осѣдлыхъ—5 и огородниковъ—10. Упоминаема въ „тариффахъ“ 1631 г. двѣ *Смятинки*, мѣстечко и село, находятся на правомъ берегу Двѣпра, въ теперешней кievской губерніи, въ васильковскомъ уѣздѣ.

Сенча. Въ 1613 г. владѣлецъ Ржищева жалуется на Мих. В-аго за приемъ бѣглыхъ его крестьянъ въ Сенчу. Жаловались тогда же и другіе правобережные владѣльцы за то же на В-аго, напр., въ 1618 г.—за крестьянъ, бѣжавшихъ, въ Сенчу же, изъ Рожова и Ходоркова. Ок. 1630 г. Сенча платила В-имъ 180 злотыхъ денежной повинности.

Дохвица. По акту 1628 г. значится здѣсь дымовъ осѣдлыхъ—6 и огородниковъ²⁾, но это поселеніе упоминается уже и въ актѣ 1618 г.

Роменъ. По акту 1618 г. значится *Stare i Nowe Rumickie*. Указаніе здѣсь на два Ромна, старый и новый, можетъ быть объяснено такъ, какъ это сдѣлано и относительно Лубенъ (стр. 114), т. е., что *старымъ* Ромномъ называлось поселеніе сѣвшее на старомъ городищѣ, а *новымъ* Роменъ—былъ его предмѣстемъ.

Краснобережье упоминается въ актѣ 1818 (см. выше, стр. 96), при чемъ названо новоосаженнымъ мѣстечкомъ. Мы вы-

¹⁾ Архивн. отрывки для исторіи Полтавск. епарх. (Полтава, 1887), стр. 28.

²⁾ Ср. *Źródła Diejowe*, X, 70.

сказали уже догадку, что м. б. это был генереший Красноколядинъ (конот. у.), нахождение котораго на высокомъ берегу р. Ромна, съ живописными видами, могло усвоить ему название *Краснобережья*, впоследствии неизменное добавленіемъ прозвища того урядника, который селилъ это мѣстечко.

Прилука. По акту 1617 г. упоминаются *Новая и Старая Прилуки*. И здѣсь можно думать, что *старою* Пр. названо поселеніе осѣвшее на древнемъ городищѣ, гдѣ былъ устроенъ замокъ и мѣсто (рынокъ), а *новою* Прилукою—названо поселеніе, возникшее на предмѣстьѣ (фольваркахъ). По акту 1628 г.—значится здѣсь всѣхъ дымовъ—40 и одинъ священникъ.

Переволочна (иначе—*Miedzurgessa*), по акту 1628 г. здѣсь дымовъ—2 и огородниковъ—4.

Варва по акту 1628 г. хотя и значится *новоославою*, но въ ней въ это время уже находилось: дымовъ—10 и огородниковъ—20.

Журавка упоминается въ 1612 г., а въ 1618 г. сюда бѣгутъ крестьяне изъ Козловки¹⁾. По акту 1628 г. платятъ В-имъ денежной повинности 60 злотыхъ²⁾.

*Многа*³⁾ известна уже по акту 1618 г., а по акту 1628 г. въ ней значится: дымовъ—8 и огородниковъ—8.

Пирятинъ. Изъ акта 1604 г. видно, что владѣлецъ Жеребятина (теперь перейсл. у.), Ложка жаловался на Мвх. и Юр. В—ихъ за приемъ его бѣглыхъ крестьянъ въ Пирятинъ, который въ актѣ 1613 г. называется: *Piratin Nowy*, пазв. *Mischajlow*; последнее названіе указываетъ, что Пирятинъ возобновленъ на „городищѣ“ Михайломъ В—имъ. По акту 1618 г. Пирятинъ платилъ В—имъ 225 злот. денежной повинности.

Курилка значится по акту 1618 г., а по акту 1628 г. здѣсь показано: дымовъ—5 и огородниковъ—10.

Перечисленные поселенія представляли собою почти исключительно *юродки*, отновленные на старыхъ *юродищахъ*, причѣмъ такой городокъ, одновременно съ его возобновленіемъ,

¹⁾ Козловка, или Мал. Черятинъ,—теперь село бердичевск. у.

²⁾ У Новца.—160 злотыхъ.

³⁾ Теперь—Городище, мѣстечко дохвицк. у., при впаденіи р. Многой въ Удай

укрѣплялся *замкомъ*, снабженнымъ „арматами“ и „гаковинцами“¹⁾, подъ защитою котораго тутъ же возникалъ вмѣстѣ съ тѣмъ и торговый центръ—*мѣсто* (рынокъ). Можно догадываться, что въ приведенномъ перечнѣ поселеній указаны не всѣ поселенія, уже существовавшія въ это время въ Лубенщинѣ. Такъ, напр., здѣсь не упоминаютъ Константиновъ (за Ромномъ), который въ листраціи 1622 г. названъ „слободою“, съ добавленіемъ: „w tym roku zaszedła się osadzić, mają slobody do lat 20“²⁾. Были конечно и другія такіа *слободы*, которыя только что начинали въ это время садиться и на бумагу еще тогда не попали...

Въ приведенныхъ свѣдѣніяхъ о существовавшихъ въ Лубенщинѣ въ перв. четверти XVII в. городкахъ,—обращаетъ на себя вниманіе малочисленность ихъ населенія, за немногими исключеніями. Очень можетъ быть, что населеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ городковъ уменьшилось во время кратковременнаго захвата ихъ кн. Юріемъ В-ымъ (см. стр. 96), такъ какъ при возвращеніи захваченной послѣднимъ части Лубенщины, по „декрету“ люблинскаго трибунала, возный Запольскій, приводившій этотъ декретъ въ исполненіе, говоритъ, что „при томъ отбранію (маетностей), слышалъ онъ великіе нареканя съ плачемъ тамъ тыхъ людей, ижъ ихъ—княжа его мил. панъ кіевскій (каштелянъ, т. е. Юрій В-ій) зубожилъ велми, выбираючи неслыкаемые податки пѣнежные, быдлчине (скотомъ), медовъ, накидане горилки и селитры... А на остатокъ, же вынецъ (въ ничто) зубожано и знищано, для чого тежъ *трохи не половина изъ се розышла*“³⁾... Такимъ образомъ отсюда мы видимъ, что уже и въ первую четверть XVII в., только что осѣвшее въ Лубенщинѣ населеніе, снова снималось съ облюбленныхъ мѣстъ и шло далѣе, конечно, на востокъ. Значитъ то движеніе „подавннхъ“ В-аго къ Путивлю, о которомъ писалъ Коледа Плещееву въ 1638 г.

¹⁾ Когда въ 1618 г. передавались эти „замки“ Раниъ В-ой, то „слуги“ послѣдней заботились, чтобы „армата, куле, порохи были цѣлы въ каждомъ мѣсте и замку“. Кн. гродск. Житомирск. 1618 г., № 13, л. 1035. Кіевск. Центр. Арх.

²⁾ Źródła Dziejowe, V, 135.

³⁾ Книга гродск. Житомирск. 1618 г., № 13 лл. 1034 и 1035. Кіевск. Центр. Арх.

(стр. 110) имѣло мѣсто уже и раньше. Тѣмъ болѣе основаній, слѣдовательно, было у Іеремія В—аго для переселенія въ Лубенщину съ цѣлю—познакомившись на мѣстѣ съ положеніемъ тамошнихъ его маестностей, лично заняться дальнѣйшимъ ихъ устройствомъ и развитіемъ.

Свѣдѣнія о пребываніи Іеремія В. въ лѣвобережной Украинѣ отрывочны и сбивчивы. Сбивчивы эти свѣдѣнія особенно отъ значительнаго прибавленія къ фактамъ историческимъ—разныхъ личныхъ догадокъ позднѣйшихъ историковъ, причѣмъ догадки приводятся, какъ историческіе факты. Возьмемъ, напр., послѣднюю книгу Кулиша—„Отпаденіе Малороссіи отъ Польши“, напечатанную Московскимъ историческимъ обществомъ,—и что же мы въ ней находимъ относительно пребыванія В—аго въ Лубенщинѣ?—Съ увѣреннымъ тономъ сообщается объ этомъ такое свѣдѣніе: „Основавъ съ 1634 г. свою резиденцію въ Лубнахъ, В—ій въ религіозномъ отношеніи—не трогалъ монастырей, основанныхъ при покровительствѣ его матери. Онъ граничился только тѣмъ, что въ виду *обскурантовъ и пльницъ*, водворялъ въ своихъ имѣніяхъ представителей священства и монашества католическаго, отличавшихся бытомъ просвѣщеннымъ и трезвымъ. Съ цѣлю уничтожить православные храмы и привлечь симпатіи лучшихъ людей (?) къ религіи облагороженной, В—ій построилъ доминиканскій, т. е. проповѣдническій, м—ръ въ Прилукѣ и костелы—въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ“... (II, 198). Всѣ эти факты сообщаетъ новѣйшій историкъ Малороссіи, не указывая источника, но такъ авторитетно, что какъ будто и сомнѣваться въ нихъ нельзя... Мы можемъ указать источникъ лишь свѣдѣній о доминиканскомъ монастырѣ и костелахъ; взяты они или у Нѣсѣцкаго ¹⁾ непосредственно или—у Свѣнцаго ²⁾, который свою

¹⁾ Herbarz Polski, изд. Вобровица, IX, 356, гдѣ читаемъ: „fundował w Przyłacie o. o. dominikanów (Okolski, Russ. Flor., 57) kościół w Lubnie, Rumnie, Lochwicy, w Wiśniowca zaś wspaniałą stawiąc posadę bakuliak“...

²⁾ Historiczne Pamiętki, II, 298. Тѣ же источники, т. е. Нѣсѣцкій или Свѣнцикій, повидимому, послужили источникомъ и для Костомарова въ его разсказѣ о пребываніи Іеремія В—аго въ лѣвобережной Украинѣ, гдѣ читаемъ, что В—ій „завладѣвъ огромными имѣніями въ Червоной Русѣ, на Волнѣ и въ Украинѣ, особенно въ пинѣйской Полтавской губерніи, привалася съ жаромъ сеодити католичество, построилъ въ

компиляцію о Іереміи В—омъ составлялъ преимущественно по такой же компиляціи Нѣсѣцкаго. Интересно, что въ той же своей книгѣ Кулишъ рассказываетъ раньше о томъ же съ иными подробностями... Говоря объ отношеніяхъ В—аго къ лѣвобережнымъ монахамъ, Кулишъ говоритъ, что Іеремія терпѣлъ православныхъ монаховъ въ своей Лубенщинѣ только ради своего родственника Петра Могилы и что когда игумены лѣвобережныхъ монастырей обращались къ нему съ просьбами и жалобами ¹⁾, онъ отвѣчалъ имъ съ пренебреженіемъ и давалъ чувствовать близость насильственного перехода подъ главенство римскаго папы. За то въ Лубнахъ, Ромнѣ, Хоролѣ и другихъ юродахъ своихъ строилъ онъ костелы и при нихъ помѣщалъ католическихъ монаховъ разныхъ орденовъ, какъ помѣщаютъ въ замкахъ гарнизоны...“ (I, 212).—Привода эти факты, основанные на однихъ догадкахъ, г. Кулишъ желаетъ сообщеніемъ ихъ показать, что цѣлью переселенія Іереміи на лѣвый берегъ Днѣпра былъ „насильственный переходъ населенія Лубенщины подъ главенство папы“, т. е., что В—ій желалъ и въ „зандіпровскихъ“ своихъ маестностяхъ ввести ту же унию, которая въ это время уже царила на правомъ берегу Днѣпра... Ближайшее изученіе источниковъ, повидному, указываетъ, что Іеремія переселялся въ Лубенщину съ цѣлями экономическими, а не религиозными... Кажется, нельзя сомнѣваться, что В—ій переселился въ Лубенщину на жительство уже послѣ женитьбы, ²⁾ т. е. не раньше 1639 г., а слѣдовательно только черезъ годъ послѣ

Прилукахъ доминиканскій монастырь, костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ, воеводѣ единоземцевъ (?), переходившихъ въ католичество и гвалъ схизматиковъ, какъ называли поляки православныхъ...“ (Богд. Хмельн., изд. 4, I, 327).—Трудно понять изъ приведеннаго мѣста—гдѣ собственно В—ій привался „зводить католичество“?—Вообще л. въ своихъ мѣнѣяхъ или же только въ его мѣнѣяхъ теперешней Полтавской губерніи?...

¹⁾ Здѣсь г. К—нъ разумѣетъ конечно обращеніе къ В—ну Густинскаго игумена въ 1638 г. (см. стр. 21), такъ какъ другихъ такихъ обращеній—по алтагъ—не имѣется.

²⁾ Для усмиренія козацкаго возстанія въ предѣлахъ Лубенщины въ 1638 г. Іеремія привалъ „rod Lubnie“ съ войскомъ, (Дуагушъ Окольскаго, изд. Туровскаго 1858 г., стр. 129), повидному, съ праваго берега Днѣпра; слѣд., въ это время онъ тутъ еще не жилъ...

усмиренія козаковъ, когда изъ лѣвобережныхъ его имѣній бѣжало „нѣсколько тысячъ подданныхъ“ въ Московское государство, когда туда же бѣжали лѣвобережные монахи, когда, однимъ словомъ, въ Лубенщинѣ царилъ общій переполохъ, такъ какъ тогдашнее ея населеніе ожидало новыхъ насилій, послѣ испытанныхъ уже при усмиреніи Острианицы и Гунн... Отсюда мы имѣемъ достаточное основаніе заключать, что В—ій переселился въ Лубенщину не для того, чтобы снова устрашать и разгонять ея жителей, а для того, чтобы призывать туда новыхъ, — для пополненія произшедшей въ населеніи убыли... И конечно не постройкою костеловъ въ Прилуцѣ, Ромнѣ, Лохвицѣ, Хоролѣ, и „другихъ городахъ“ и не размѣщеніемъ въ этихъ городахъ „католическихъ монаховъ въ качествѣ духовныхъ гарнизоновъ“ — могъ В—ій привлекать въ Лубенщину новыхъ *слобожанъ*. При всемъ этомъ, свѣдѣнія объ этихъ костелахъ болѣе чѣмъ сомнительны. Достоверное имѣется свѣдѣніе объ одномъ только Лубенскомъ кляшторѣ. Мы уже видѣли, что Кулишъ въ одной своей работѣ 1863 г. указываетъ на разореніе въ Лубнахъ *бернардинскаю* монастыря (стр. 108), случившееся будто бы вслѣдъ за Кумейскимъ пораженіемъ козаковъ. Повторяя это свѣдѣніе черезъ 25 лѣтъ, Кулишъ не говоритъ уже о монастырѣ, а лишь объ одномъ костелѣ („Отпад.“ I, 238). Но въ Лубнахъ былъ дѣйствительно устроенъ католическій монастырь („конвентъ“) и при томъ бернардинскій ¹⁾. О постройкѣ же костеловъ въ Ромнѣ,

¹⁾ По акту 1647 г. Іеронія В. отдалъ Александру Заноискому г. Лубин, со всѣми его угодьями и хуторами, въ арендное пользованіе, на три года, за 21 т. польск. злот., считая въ годъ по 7 т. злот., при чемъ сумму эту Заноискій обязанъ былъ уплачивать *оусомъ Зубіенскаго конвенту бернадіуот...* „Арх. Ю. З. Россія, т. VII ч. 1, стр. 462. Окольскій, говоря о „конвентахъ“ въ „русской провинціи“, построенныхъ орденомъ бернардиновъ, тоже указываетъ Лубин (Lubniam). Russia Florida (Леопольдъ, 1846), стр. 25. Послѣ изгнанія козаковъ, бернардинскія имѣнія отданы были Хмельницкимъ Мгарскому монастырю. Въ одной кунчей записи 1667 г. читаемъ, что братья Наушовки, „власоведкіе мешчанцы, продали Мгарскому и —ри два „ша“ за „шесть золотыхъ“, при чемъ добавляють: „шосно купилисно были въ грунтахъ бернардинскихъ, на вровичи, прозиваемомъ Тернахъ, ишовъ два увъ осерахъ, бернардинскихъ, которыхъ то ишовъ уживалисно по збуреню калитора лубенского... ако и гетманъ в. Зап. Богданъ Хмельницкій тие всѣ грунта калиторіе на вровичахъ, прозив. Тернахъ, що предъ симъ уживали бернадии калитора лубенского... тое все надалъ велебнитъ отдалъ законникамъ и —ра Мгарского лубенского на ивентъ своею“... Акты Мгарск. и —ри, л. 256 об.

Лохвицѣ, Хорогѣ никакихъ свѣдѣній въ извѣстныхъ намъ печатныхъ и письменныхъ источникахъ—нѣтъ. Да, повидимому, не для кого ихъ было и строить, такъ какъ католиковъ въ Лубенщинѣ много быть тогда не могло: кромѣ „дворянъ“ В—аго и разныхъ его „старостъ“ и прочихъ „слугъ“, другимъ католикамъ не откуда тамъ было взяться; для такого же незначительнаго числа католиковъ достаточно было и одного монастырскаго костела въ Лубнахъ. Поэтому, можно думать, что упоминаемыхъ Булишемъ костеловъ вовсе не существовало. Можетъ быть сомнѣніе лишь относительно доминиканскаго конвента въ Прилукѣ.

Упомянувъ объ этомъ конвентѣ, Нѣсѣцкій дѣлаетъ ссылку на книжку Окольскаго—*Russia Florida*. Дѣйствительно въ этой книжкѣ говорится, что избранный въ 1644 г. провинціаломъ „русской провинціи“ доминиканецъ Іеронимъ Грохольскій заботился объ устройствѣ новыхъ конвентовъ въ своей провинціи („curavit aliquod loca pro conventibus erigendis“), причемъ вслѣдъ за этою фразою слѣдуетъ, какъ будто въ видѣ ея поясненія: „in Lipowiec, haereditate ducis in Zastaw et Ostrog per gen. d. Wilga, suum consanguineum, in *Przyluka per illustrissimum ducem in Wisniowiec Jeremiam, palat. Russiae...*“ (стр. 57). Что хотѣлъ сказать этими словами Окольскій—понять трудно... Былъ ли устроенъ въ Прилукѣ „кляшторъ“ или только дано было обѣщаніе на его устройство? ¹⁾ При этомъ Окольскій указываетъ здѣсь 1644-й годъ, а книжка, въ которой онъ говоритъ объ этомъ, появилась въ печати въ 1646 г., почему можно думать, что здѣсь сообщается свѣдѣніе лишь объ одномъ только намѣреніи провинціала Грохольскаго, на дѣлѣ потомъ не осуществленномъ. Во всякомъ случаѣ никакихъ мѣстныхъ свѣдѣ-

¹⁾ При рѣшеніи вопроса о кляшторѣ въ Прилукѣ—слѣдуетъ кромѣ того имѣть въ виду, что есть еще *Прилука* и—на правомъ берегу Днѣпра (теперь—въ Бердич. у.), которая въ пер. пол. XVII в. уже была центромъ цѣлаго княства (*Zródła Dziejowe* XX, 123, 126 и друг.). Могло случиться, что Окольскій лишь по ошибкѣ назвалъ Прилуку Іеронимъ В—аго, вмѣсто правобережной, находившейся въ той же Украинѣ, гдѣ былъ и Липовець, въ которомъ Грохольскій тогда же хотѣлъ устроить или устроилъ—доминиканскій конвентъ. Правобережная Прилука одно время принадлежала (повидимому, ок. 1630 г.) Константину Вишневецкому, бизнесмену и палатиномъ (т. е. воеводою) русскимъ. (*Stowa. geogr.*, IX, 219).

ній о существованіи католическаго кляштора въ Прилуцѣ до сихъ поръ мы не встрѣтили ¹⁾).

Въ виду приведенныхъ соображеній о томъ—могли ли въ дѣйствительности быть въ Лубенщинѣ называемые г. Кулишемъ кляшторъ и костелы, слѣдуетъ, кажется, рѣшить этотъ вопросъ такъ, что кромѣ Лубенскаго кляштора, другихъ кляшторовъ или костеловъ—не было ²⁾).

Затѣмъ, въ той же книгѣ Кулиша читаемъ, что поселившись въ Лубнахъ, В—ій „отнюдь не дозволялъ Московскимъ пограничникамъ переходить за черту его владѣній у Недригайлова, подъ Путивлемъ, а Крымская орда, вторгавшаяся въ западную Украину, черезъ древнее Поросье,—не смѣла съ востока перейти Ворскло и Пселъ, чтобы асырничать на Посуліи...“ (I, 199). И здѣсь видимъ тѣже личные догадки, которыя приводятся, какъ факты... Но дѣло въ томъ, что „Московскимъ пограничникамъ“ житье около Недригайлова было, повидимому, привольнѣе, чѣмъ въ Лубенщинѣ ³⁾), которая ихъ поэтому вов-

¹⁾ При этомъ разумѣнъ хотя бы такіа свѣдѣнія, какія сохранились относительно Лубенскаго бернардинскаго и—ра. Думается, что если бы въ Прилуцѣ дѣйствительно устроены были кляшторъ, то В—ій долженъ былъ надѣлать его землей, а если бы была такая земля, то Густинскіе монахи не упустили бы случая вынести ее (хотя бы по припису Мгарскаго и—ра) у Хмельницкаго... Но ни въ универсалахъ этого гетмана, ни въ другихъ документахъ Густинскаго и—ра о Прилуцкахъ доминикалахъ никакихъ упоминаній нѣтъ, при чемъ добавляемъ, что всѣ земельные документы Густинск. и—ра нинѣ находятся въ Киевск. центр. арх., куда поступили въ 1895 г. изъ Черниг. казен. казачи.

²⁾ Пользуясь книжкой Окольской—Russia Florida, можемъ сообщить, что кромѣ Лубенскаго, въ лѣвобережной Украинѣ, до полов. XVII в., были еще только слѣдующіе кляшторы: въ Черниговѣ, Новгородсѣверскѣ и Нѣжинѣ, причѣмъ о времени основанія ихъ Окольской сообщаетъ любознательна свѣдѣнія (стр. 119—123). О количествѣ „братіи“ въ этихъ кляшторахъ говорится лишь относительно Нѣжинскаго—„*tantum ibi 4 fratres*“. Наряду съ Нѣжинскимъ, Черкасскимъ и Н.-сѣверскимъ кляшторами называется также и Сياتинскій, но здѣсь разумѣется Сياتинъ правобережный (стр. 119), а не Лубенскій. Къ этому правобережному Сياتину должны быть отнесены и цифры о его населеніи помѣщенна въ „тарифахъ“ за 1628 г., когда въ 1628 г. было въ Сياتинѣ правобережномъ (теперь В. Сياتинка—Васильк. у.) было 30 динцовъ.

³⁾ Иначе они не уходили бы въ Московскіе предѣлы, на что жаловался староста В—аго, говоря о бѣгствѣ туда нѣсколькихъ тысячъ.

се и манить не могла. А относительно татарских набѣговъ—случилось, что въ первый-же годъ переселенія В—аго въ Лубещину, этому, будто бы недоступному, Посулію—пришлось испытать жестокое „ясрыничанье“ татаръ. Въ февралѣ 1640 года ¹⁾ татары разоряли оба берега Днѣпра, при чемъ на лѣвомъ берегу доходили—до Прилуки. „И воевавъ де онѣ, татарове, вышли изъ Литовской земли вонъ назадъ, и тѣхъ де татаръ погромилъ подъ г. Горошниномъ гетманъ Конецпольскій да Замойскій, за Лащъ, и отшибли де у тѣхъ татаръ Московскаго полону тысячи съ три...“ Такъ доносилъ въ Москву путивльскій воевода Пушкинъ, а еще подробнѣе рассказалъ объ этомъ набѣгѣ одинъ кievскій монахъ, прїѣзжавшій въ Москву съ грамотою отъ митрополита Могилы. „Приходили подъ Кіевъ за 15 верстъ изгономъ крымскіе татарова, а изъ подъ Кіева тѣхъ татарови были за Днѣпромъ, подъ Прилуками, съ *Вышнесицкаго имѣнья*, и въ Переяславскихъ мѣстахъ, куды татарова николи не захаживали ²⁾, и многія села и деревни пожгли, и людей многихъ побили, и въ полонъ понмали... А потому въ Литовской землѣ всякихъ людей понмали до 100.000 человекъ ³⁾, опричь тѣхъ, сколько побито... И воевавъ татарова Литовскую землю, пошли всѣ назадъ и полонъ, и лошади погнали въ свою землю. А за татары пошелъ ихъ шляхомъ гетманъ Конецпольскій, а пошло съ нимъ съ 40000 людей, а итти хотѣлъ до ихъ земли, и нынѣ де тотъ слухъ есть, что ихъ дошелъ и гро-

¹⁾ Известно, что татары предпочитали дѣлать свои набѣги зимой, вѣроятно, для избѣжанія затрудненій при переправахъ. Бартошевичъ думаетъ однакожъ, что зимніе набѣги обуславливались тѣмъ, что— „wtedy w stodolach było pełno“ и что тогда „Ruś świecła bogatstwachъ swojej ziemi.“ (*Przegląd na stosunki Polaki z Turcym i Tatarami*. Warszawa, 1860, стр. 77). Но во первыхъ, татаръ вовсе не интересовалъ грабежъ того имущества, которое сохранялось въ „стодолахъ“, а во вторыхъ, для уничтоженія его (что и дѣлали татары) ранняя осень была удобнѣе, но отсутствіе хотя бы снѣговъ и морозовъ, да и „стодолы“ осенью были полнѣе, чѣмъ зимою...

²⁾ Пока мѣстность эта была мало населена—татарамъ незачѣмъ было и ходить сюда...

³⁾ Такъ какъ татары въ это время разорали и Волынь, и Галичину, то конечно сдѣланіе о полонѣ въ 100000 чел. отъносится главнымъ образомъ къ правобережной Украинѣ.

милъ. Да гетманъ же де Конецпольскій въ Литовской землѣ, подъ г. Горошвиномъ, отшибъ у татаръ Литовскаго плону всякихъ людей съ 3000 человекъ...¹⁾ Здѣсь нѣтъ упоминанія о самомъ В—омъ, м. б. потому, что онъ не ходилъ въ догонку за татарами и о немъ не было повода говорить,—но о разореніи Посулія ясно говорится...

Засимъ, обращаясь къ знакомству съ дѣятельностью Іереміи въ Лубенщинѣ, по переселеніи его туда, находимъ, что таковая заключалась въ устройствѣ и расширеніи маестностей.

Повидимому, одною изъ главныхъ заботъ В—го на лѣвомъ берегу—было возвращеніе отнятаго у него тамъ Ромна съ его окрестными землями. Городъ этотъ, возстановленный В—имъ на старомъ городищѣ, вошелъ въ составъ ихъ владѣній вмѣстѣ съ остальнымъ Посуліемъ (стр. 119); тѣмъ не менѣе, во время малолѣтства Іереміи, онъ былъ захваченъ сначала Калиновскимъ, а послѣ заключенія Поляновскаго договора—отданъ былъ королемъ Владиславомъ, въ видѣ „королевщины“, любимцу его Адаму Казановскому. Не надѣясь добиться мирнаго возвращенія незаконно отобранной маестности, В—ій употребилъ насиліе. Воспользовавшись тѣмъ, что въ Лубенщинѣ прошелъ слухъ о смерти Казановскаго, В—ій поручилъ одному изъ своихъ „слугъ“ (въ маѣ 1644 г.) съ помощью силы занять Роменъ, что тотъ и исполнилъ. Казановскій жаловался королю и обратился въ судъ; послѣдній рѣшилъ дѣло въ пользу истца и такъ какъ В—ій на судъ не явился то, выдалъ Казановскому заочный приговоръ (*kontomasyjny simplicis banitionis dekret*), которымъ, присудивъ Роменъ послѣднему, кромѣ того, приговорилъ В—аго къ *баниціи*, т. е. къ изгнанію... Разсерженный этимъ рѣшеніемъ, В—ій пожаловался на Луцкомъ сеймикѣ волынскимъ „посламъ“, которые должны были въ январѣ 1645 года ѣхать на Варшавскій сеймъ, причемъ изложилъ имъ, какъ свои права на Роменъ, такъ и подробности отдачи его королемъ Казановскому; при этомъ В—ій показалъ посламъ всѣ тѣ акты, которые несомнѣнно доказывали безспорность юридическихъ

¹⁾ Акти Ю. З. Речей, III, 27 и 32.

правъ В—ихъ на пограничное съ Московскими землями—Посулье¹⁾. После совѣтывали В—му—не подчиняться судебному рѣшенію²⁾. В—ій такъ и поступилъ, вслѣдствіе чего въ это дѣло долженъ былъ вмѣшаться самъ король, который разсмотрѣвъ документы В—аго, рѣшилъ споръ въ пользу послѣдняго, а Казановскій успокоился, получивъ 100 тыс. злотыхъ³⁾.

Возвративъ себѣ Роменъ, а вмѣстѣ съ нимъ и пограничное съ Московскими землями Посулье, В—ій посадилъ тамъ старосту Яна Бесѣдовскаго, который вмѣстѣ съ другимъ „слугою“ В—аго, Криштофомъ Сѣножацкимъ, хоружимъ черниговскимъ, и началъ тогда же садить на этомъ пограничьи по рѣчкѣ Хусѣ, слободы. При этомъ были ими поселены: *Бесѣдовка*—Бесѣдовскимъ и *Хоружевка*—хоружимъ Сѣножацкимъ⁴⁾.

Добившись такъ успѣшно восстановленія своихъ правъ на Роменщину, В—ій попробовалъ было присоединить къ своимъ владѣніямъ и сосѣдній съ Ромномъ—Гадячъ. Послѣдній встаринѣ принадлежалъ Станиславу Конецпольскому, а послѣ его смерти перешелъ къ сыну—Александру. В—ій, находя почему-то права Конецпольскихъ на Гадячъ сомнительными⁵⁾, занялъ этотъ городъ тоже силою („*moścą te dobra zajędża*“). Молодой Конецпольскій, жалуясь сейму (1647 г.) на насиліе В—аго, добавлялъ, что онъ также безправно захватилъ и Хороль, который хотя когда то и принадлежалъ В—нимъ, но затѣмъ обращенъ былъ въ королевщину. По разсмотрѣніи вопроса о захватѣ Гадяча на сеймѣ, въ маѣ 1647 г., было рѣшено—возвратить его Конецпольскому, причемъ сеймъ призналъ право послѣдняго и на Хо-

¹⁾ Pamiętniki Albr. St. x. Radziwiłła, I, 155, и Арх. Ю. З. Россія, ч. II, т. I, стр. 269 и слѣд.

²⁾ „Отгукналъ (отъ насловъ) artykuł, aby raczej gwał się sejm, niżeli żeby miał być rozkazy przez jaki dekret z possessioni dóbr Rumno od Kazańowskiego odebranymh...“ Radziw., I, 156.

³⁾ Тамъ же, I, 164. „Umie Wisniowiecki i nieprzyjaciół ojskazy i swoich zwyciężać“ добавляетъ при этомъ Радзивиллъ.

⁴⁾ О поселеніи Хоружевки см. Акты Ю. З. Россія, III, 101 и 152.

⁵⁾ Гадячъ достался Станиславу Конецпольскому послѣ женитьбы его на дочери Станислава Жолкѣвскаго, который городъ этотъ самъ и селитъ. Дворк. Разр., II, 684.

роль, но за этотъ городъ Конецюольскій долженъ былъ уплатить В—му 100 тыс. злотыхъ ¹⁾).

Изъ приведенныхъ фактовъ видимъ, какъ ревностно стремился В—ий къ расширенію своихъ лѣвобережныхъ маестностей, причѣмъ не затруднялся дѣйствовать и силою, тамъ гдѣ права его были сомнительны. Не ограничиваясь округленіемъ своихъ маестностей въ предѣлахъ Лубенщины, В—ий принималъ мѣры къ возвращенію даже тѣхъ изъ своихъ „подданныхъ“, которые ушли передъ тѣмъ въ предѣлы Московскаго государства, причѣмъ просилъ путивльскаго воеводу кн. Долгорукова—позволить его „слугамъ“ Бесѣдовскому и Сѣножацкому розыскивать бѣжавшихъ въ путивльскіе предѣлы подданныхъ его, В—аго, и возвращать послѣднихъ съ „животами и съ маестками“. Московское правительство, повидимому, оберегая миръ сосѣдскихъ отношеній,—велѣло князя Еремѣя В—аго подданныхъ съ государевой земли, изъ недригайловскаго уѣзда, ссылать безпрестанно тихостію ²⁾).

Затѣмъ мы не имѣемъ свѣдѣній о подробностяхъ заселенія Іереміей В—мъ Лубенщины новыми слободами и объ увеличеніи новаго населенія въ „городкахъ“, возникшихъ до переселенія В—аго въ Лубенщину; но за то сохранился документъ, представляющій собою, какъ бы итогъ колонизаціонной дѣятельности послѣдняго. Мы говоримъ о напечатанномъ Пшездѣцкимъ, въ

¹⁾ Pamiętniki Radziwiłła, II, 247, 264 и 273. См. также Дуагушъ Бог. Маазкiewiczka, (Zbiór pam. histor. o dawn. Polysko, t. V) стр. 59.—Въ книгѣ Кулиша—„Отпадленіе“ (II, 199) есть такая фраза: „Конецюольскій (Станиславъ) тагался съ В—мъ до самой смерти за сорокъ старыхъ осады съ Украинъ“ и т. д. О какихъ осадахъ здѣсь говорится—нельзя сказать. Если у насъ свѣдѣніе Болана, что онъ поселилъ Конецюольскую въ Украинѣ болѣе 50-ти обширныхъ слободъ (Опис. Укр. стр. XVІІІ), но и только. Есть и другое указаніе, что Стан. Конецюольскій „rosadami wielkich miast Ukrainę ozdobił a tem w Ukrainę tatarom drogę zawarł...“ (Pamiętniki o Koniecpolakich, стр. 179). Но о спорѣхъ его съ В—мъ за эти „слободы и посады“, которыми здѣсь даже опредѣленно и не упоминаются, мы свѣдѣній не встрѣчаемъ...

²⁾ Лѣтъ Ю. З. Россіи, III, 113 и 145.

1841 г., списокъ—„поданныхъ кн. Іереміи В—аго въ задніпр-
ровской Украинѣ“¹⁾); въ этомъ списокѣ перечислены всѣ отдѣль-
ныя поселенія съ показаніемъ числа „hovrodagow zamusch oviad-
tuch“ и „колесъ“ водяныхъ мельницъ. При скудости нашихъ
свѣдѣній о численности населенія въ южной Малороссіи (да и въ
сѣверной тоже) за первую половину XVII в., списокъ Пше-
дѣцкаго представлялъ бы собою очень цѣнный историческій до-
кументъ, если бы, къ сожалѣнію, не возбуждалъ сомнѣній въ до-
стовѣрности заключающихся въ немъ свѣдѣній. Прежде всего,
списокъ этотъ не имѣетъ даты, причемъ о послѣдней можно
лишь догадываться: такъ какъ списокъ указываетъ местности *Іере-
міи В—аго* и притомъ въ блестящемъ, относительно численности
населенія, видѣ, то время составленія его слѣдуетъ отнести къ
послѣднимъ годамъ пребыванія Іереміи въ „Задніпріи“, т. е., и. б.,
къ 1646, 1647 и даже 1648 г.г... Затѣмъ, въ этомъ перечнѣ
56-ти поселеній—указаны и такія имѣнія, которыя никогда В—имъ
не принадлежали, какъ напр., Золотоноша, Пѣщана (золот. у.),
Домонтовъ, Полтава, Комышная, Ручинцы (Ручки?) Хомутець...
Указанъ въ немъ и Хоролъ, исключенный, какъ мы видѣли, изъ
числа имѣній В—аго въ 1647 г.²⁾ Въ тоже время, мы не видимъ
въ этомъ списокѣ мѣстечка Галицы, которое въ это время не только
существовало, но имѣло уже и „фольваркъ“³⁾. Не указано село Пу-
линцы, около Лубенъ, которое было заложено Іереміей В—имъ
вдовѣ казеннаго Запорожскаго гетмана Сулими⁴⁾. Не указаны
и такія роменскія мѣстечка, какъ Константиновъ, Хмѣловъ, Сиб-
лое, населеніе которыхъ можетъ быть, впрочемъ, подсчитано вмѣ-
стѣ съ роменскимъ, такъ какъ по этому списку—въ Ромнѣ зна-

¹⁾ Podole, Wolyń, Ukraina, (Wilno, 1841), I. 41—44.

²⁾ Это обстоятельство можетъ указывать, что списокъ составленъ не позже
этого года...

³⁾ Галица, какъ мѣстечко, имѣвшее уже и „фольваркъ“, упоминается въ за-
вѣщаніи игарскаго монаха Самсона Кутовскаго, написанномъ при Іереміи В—имъ
(годъ обозначенъ 1634 г., но недостаточно ясно). Акты Мгарск. и—ра, т. 266. Въ
спискѣ Пшедѣцкаго указано поселеніе *Нака* (вслѣдъ за Монастирищомъ, село
котораго находится в Галица), но ошибочно написанная Нака можетъ сторѣе ука-
зывать не Галицу, а Галку—село роменск. у.

⁴⁾ Сулимовск. архивъ, 21.

чится 6000 „господарей“, количество слишкомъ великое для одного города Ромна, если въ Лубнахъ, по этому же списку, значится только 2646 „госп.“ Вообще цифры населенія по списку Пшездъцкаго очень велики: въ Лохвицѣ значится 3325 „госп.“, въ Варвѣ—2037, въ Ширатинѣ—1749, въ Хоролѣ—1297, въ Красномъ (Колядинѣ?)—995... Сравнивая эти цифры съ тѣми, которыя раньше приведены относительно 1628—30 г.г., мы видимъ, что въ какія нибудь двадцать лѣтъ, Лубенщина болѣе чѣмъ удесятирилась въ своемъ населеніи... При этомъ, въ спискѣ Пшездъцкаго видимъ поселенія, о которыхъ тарифы 1630 г. вовсе не упоминаютъ и въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, по этому списку, значится до 1000 двор., напр. въ Монастырищѣ (нѣж. у.) показано 939 „госп“, въ Ичнѣ—1494, въ Глинскѣ (Нгунск)—1264, въ Срѣбномъ—1830, въ Чернухахъ—944, въ Корнбутовѣ (колот. у.)—600... Если эти поселенія существовали уже и раньше и въ тарифахъ 1630 г. опущены по какимъ либо причинамъ, то вовсе же численность ихъ населенія сравнительно съ другими поселеніями, въ тарифахъ упомянутыми, является очень значительною. Вообще, если приводимыя спискомъ цифры населенія вѣрны, то успѣхъ колонизаціонной дѣятельности Іеремія въ Лубенщинѣ былъ очень великъ по массѣ того населенія, которое передвинулось сюда изъ югозападной Руси, во вторую четверть XVII в... Къ сожалѣнію, въ спискѣ Пшездъцкаго нельзя видѣть несомнительнаго документа; помѣщеніе въ немъ, подъ именемъ имѣній Іеремія В—аго, поселеній послѣднему не принадлежавшихъ, возбуждаетъ сомнѣніе—нѣтъ ли въ немъ и другихъ невѣрностей... Во всякомъ случаѣ, пока этотъ документъ не описанъ научно (если только онъ еще существуетъ), къ нему слѣдуетъ относиться съ осторожностью. Но мы имѣемъ другой документъ, уже несомнѣнно свидѣтельствующій объ успѣхахъ колонизаціи В—аго въ принадлежавшемъ ему „Заднѣпріи“; мы разумѣемъ *Реестра войска Запорожскою*), составленные въ октябрѣ 1649 г., т. е. съ небольшимъ черезъ годъ послѣ ухода Іеремія изъ лѣвобережной Украины. Въ этихъ

¹⁾ Издади Водявскій въ 1876 г., въ „Чтеніяхъ Моск. Общ. Истор. и Др.“.

реестрах показаны слѣдующія *сотни*, входившія въ составъ Лубенщины: двѣ сотни Лубенскія, изъ которыхъ одна названа сельскою, почему слѣдуетъ думать, что другая была городскою, Пирятинскихъ двѣ, Чернушпнская, Городищенская, Журавская, Курѣнская, Роменская, Константиновская, Лохвицкая, Сенчанская, Глинская, Лукомская, и—наконецъ, почти цѣлый Прилуцкій полѣзъ, большая часть территоріи котораго входила въ составъ имѣній В—аго (сотни—кромѣ Прилуцкихъ,—Барвинская, Срѣбрнянская, Переволочанская, Галицкая и друг.). Количество внесенныхъ въ эти сотенные списки козаковъ несомнѣнно уже указываетъ, что къ концу первой половины XVII в. побережья Сулы и ея притоковъ, перестали быть тою *пустыней*, которою они называются въ к. XVI в.

Достигнувъ такихъ блестящихъ результатовъ къ заселенію своей Лубенщины и ставъ такимъ образомъ владѣльцемъ обширныхъ тамъ маестностей, В—ій, быть можетъ, уже и не думалъ о возвращеніи на родину, предпочитая ей просторъ своихъ колоній, едва ли не превосходившихъ Волинское его наслѣдство ¹⁾.

¹⁾ У насъ нѣтъ опредѣленныхъ указаній на размѣръ принадлежавшихъ здѣсь Іеремію В—ю имѣній, такъ какъ свисокъ этихъ имѣній В—ихъ, напечатанный Писецкимъ (Podole в проч., I, 57—61), не даетъ слѣдствій—какія изъ перечисленныхъ въ немъ маестностей принадлежали королевской линіи В—хъ, т. е. какія изъ ихъ числа были, передъ тѣмъ, во владѣніи Іереміа.—Интересно, что не смотря на огромныя, во всякомъ случаѣ, маестности, Іереміа В—ій, помянутому, не рѣдко нуждался въ деньгахъ и долженъ былъ обращаться къ кредиту.—Такъ онъ былъ долженъ 4000 злотыхъ вдовѣ разорителя Кодака Ивана Суанин, при чемъ долгъ этотъ былъ обеспеченъ салономъ Пулицами. Затѣмъ, одинъ изъ „слугъ“ Іереміа, Юрій Русновичъ, въ завѣщаніи своемъ, писанномъ въ 1668 г., завѣщаетъ Мгарскому и—рю и дѣтямъ своимъ—2400 злот., которые онъ заслужилъ у Іереміа В—аго и жены его, „лическою службою“ и на которые имѣетъ „квитъ“, подписанный рукою Григорія В—ей, по которому до 1668 г. не получилъ... (Акты Мгарск. и—ря, л. 246). По акту 1 ноября 1647 г. Іереміа отдалъ брату своему Александру Замоискому въ аренду г. Лубин съ угодьями, на три года, по 7000 злот. въ годъ, при чемъ деньги эти Замоискій долженъ былъ улачивать бернардинамъ Лубенскаго конвента въ этотъ той сумм, которую В—ій „ординовалъ“ на этотъ конвентъ. (Кіевск. центр. арх., книга городск. Житомирск. № 20, л. 161). Такимъ образомъ, этотъ актъ показываетъ, что и на такіе, вперёдъ опредѣленные, расходы у В—аго наличныхъ денегъ тоже не случалось и онъ долженъ былъ прибѣгать къ кредиту, да еще такому невыгодному... О тѣхъ заботахъ, которые Іереміа В—ій пріуужденъ былъ дѣлать въ командую войну, см. въ книгѣ Черняка „Z skarbów Jana Kazimierza“ (Lwów, 1893) статья—*Książce Jeremi dźwińskim*.

А заварочный.

Въ сожалѣнію, мало сохранилось свѣдѣній о частной жизни Іеремія въ его колоніяхъ. Есть только извѣстія за послѣднее время его тамъ жительства, записанныя въ дневникѣ одного изъ „дворянъ“ Іеремія. Мы говоримъ о діаріушѣ Машкевича ¹⁾, въ которомъ разсказаны событія изъ лѣвобережной жизни В—аго, начиная съ 1647 г.—Обстоятельная ихъ запись начинается, впрочемъ, только съ осени этого года, когда Іеремія отправился съ своимъ войскомъ на Запорожье, повидному, безъ особой какой либо надобности, а какъ бы съ цѣлью сдѣлать военную прогулку для упражненія своихъ солдатъ въ походной жизни. Осенью 1647 г., разсказываетъ Машкевичъ, Іеремія В—ій, собравши въ „заднѣпрскихъ“ мѣстностяхъ 6000 войска, вышелъ съ нимъ въ ноябрѣ (въ день св. Михаила, которому посвященъ былъ Лубенскій костелъ) на Запорожье и тамъ пробывши нѣсколько дней въ Кодакѣ и осмотрѣвши Днѣпровскіе пороги, вернулся домой, въ Лохвицу ²⁾, въ день св. Мартына (11-го ноября). Ходилъ В—ій къ Запорожью, какъ будто и съ надеждою—не встрѣтятся ли, по дорогѣ, гдѣ татары, такъ какъ Машкевичъ добавляетъ, что В—ій вернулся, не видѣвши и одного татарина („i żadnego tatarzyna nie widziawszy“). Засимъ, настала роковой 1648-й годъ. Какъ начался этотъ годъ у В—аго, разсказываетъ Машкевичъ: въ началѣ января (7-го) Іеремія, вмѣстѣ съ женою, ѣздилъ изъ Лохвицы въ Сенчу, на крестины къ тамошнему управителю Суфчинскому; тамъ В—іе и ночевали. Черезъ восемь дней послѣ этого (15-го), Іеремія ѣздилъ (тоже изъ Лохвицы) въ Лубны, на похороны одного изъ своихъ „слугъ“ Закревскаго. Прошелъ мѣсяцъ въ такой же тихой жизни. Іеремія продолжалъ заниматься обширнымъ своимъ хозяйствомъ. Такъ, въ концѣ января, онъ писалъ къ Путивльскому воеводѣ о возвращеніи своихъ подданныхъ, бѣжавшихъ въ предѣлы Московскаго государства (см. выше, стр. 130). Но вслѣдъ за тѣмъ В—ій получилъ (15-го февраля) тревожное извѣстіе,

¹⁾ Напечатанъ, какъ уже сказано, въ сборникѣ Нѣдевича—Zbiór pamiętn. histor. o dawnej Polsce, V, 57—85.

²⁾ Повидному, Іеремія не постоянно жилъ въ Лубнахъ. Живалъ онъ и въ Празлукахъ, жилалъ и въ Лохвицѣ; и тамъ, и тамъ, повидному, были у него „дани“.

что „какой то“ Хмельницкій, собравъ небольшой отрядъ Запорожскаго „гультайства“, разбилъ (zprędził) Корсунскій полкъ, оберегавшій границу отъ татаръ, послѣ чего этотъ Хмельницкій сталъ сзывать къ себѣ народъ и устранивать изъ него войско. Извѣстіе было на столько важно, что на другой же день Іеремія послалъ Машкевича къ Краковскому воеводѣ (Потоцкому), находившемуся въ это время въ Богуславѣ, извѣщая его объ этомъ „какомъ то“ Хмельницкомъ. Машкевичъ возвратился, привезя отъ Потоцкаго письмо, повидимому, не заключавшее въ себѣ тревожныхъ вѣстей, потому что и послѣ этого Іеремія продолжалъ переписку съ Путивльскимъ воеводою относительно пограничныхъ дѣлъ ¹⁾. Затѣмъ, въ началѣ апрѣля Іеремія, съ семьей, переѣхалъ изъ Прилуки въ Лубны, чтобы тамъ праздновать пасху. Въ Лубнахъ онъ оставался до конца апрѣля, когда получилъ новое извѣстіе, что гдѣ-то за Днѣпромъ Хмельницкій, соединившись съ татарами и собравъ многое множество вооруженнаго „гультайства“, угрожаетъ польскому войску. В—ій снова послалъ Машкевича къ Днѣпру, въ Еремѣвку, чтобы онъ тамъ точно узналъ о положеніи дѣлъ; а когда Машкевичъ прислалъ извѣстіе о иоразженіи поляковъ при Желтыхъ Водахъ, то В—ій послалъ Машкевичу прямо въ польскій лагерь, чтобы спросить тамъ у военачальниковъ—куда ему, В—ому, направиться съ своимъ отрядомъ войска, простиравшемся и теперь до 6000 душъ. Вмѣстѣ съ этимъ, В—ій написалъ и Путивльскому воеводѣ о полученномъ извѣстіи, что у Княжихъ-Байраковъ ²⁾ стоитъ татарская орда, числомъ до сорока тысячъ, которая куда направится,—на Польшу или на Московскую землю,—еще неизвѣстно, но что польское войско стоитъ въ готовности и онъ самъ, Іеремія, „при здѣшнихъ его маестностяхъ съ людьми своими готовъ есть“.—„И для того сею моею грамотою, продолжаетъ Іеремія, даю тебѣ знать, чтобы вы были на готовѣ... А естли по слышите, откуда вѣсти, что они въ нашу страну пойдутъ,—помочь

¹⁾ Акты Ю. З. Россіи, III, 152.

²⁾ Валка Княжие-Байраки, по указанію г. Зварницкаго, находится рядомъ съ Желтыми Водами. Истор. Запор. Козак., II, 240.

чините намъ съ людьми своими ¹⁾. О Хмельницкомъ и козакахъ Іеремія, ничего не говоритъ, быть можетъ, потому что извѣстіе о соединеніи татаръ съ Запорожскими козаками произвело бы въ Москвѣ нежелательное для поляковъ впечатлѣніе... Письмо это В—ій писалъ изъ Прилуки, куда снова возвратился въ маѣ. А вслѣдъ за этими распоряженіями, В—ій, подозрѣвая серьезность положенія дѣлъ, нашелъ нужнымъ жену (конечно, вмѣстѣ съ сыномъ) отправить въ минское подѣсье, въ тамошнее его имѣніе Брагинь. Самъ же, не ожидая извѣстія отъ Машкевича, отправился съ войскомъ къ Переяславу. Первый ночлегъ на походѣ В—ій имѣлъ около с. Туровки,—это было наканунѣ пораженія поляковъ подъ Корсунемъ,—а слѣдующій ночлегъ В—аго былъ—у Яготина; тутъ явился къ нему изъ подъ Корсуна какой-то старый его соратникъ Поляковскій и извѣстилъ Іеремію о пораженіи и плѣненіи гетмановъ... Вѣсть была страшная и В—ій спѣшно двинулся къ Переяславу; желая скорѣе переправиться черезъ Днѣпръ и явиться на помощь къ остаткамъ польскаго войска. Отсюда же В—ій разослалъ всадниковъ изъ своей „драгоніи“—по сосѣднимъ переправамъ (въ Черкасы, Домонтовъ, Стайки, Трахтемировъ, Ржищевъ), чтобы изъ всѣхъ ближайшихъ пристаней собрать паромы къ Переяславской пристани. Но паромовъ не оказалось. По распоряженію предусмотрительныхъ козацкихъ военачальниковъ, сейчасъ же послѣ Корсунскаго сраженія, всѣ эти паромы были потоплены, съ цѣлью преградить путь именно В—ому, если бы онъ вздумалъ тутъ переправляться черезъ Днѣпръ. Препятствіе явилось неустрашимое и В—ій, посоветовавшись съ своими „полковниками и поручиками“, рѣшилъ идти за Днѣпръ другимъ путемъ и идти безотложно, пока не взбунтовались „хлопы“ въ Лубенщинѣ. Свободно оставалась одна дорога—на Черниговъ, а оттуда—на Любечъ, въ Брагинь, гдѣ находилась въ это время его Гризельда съ сыномъ. По этой дорогѣ В—ій и направился. Такъ записалъ въ своемъ дневникѣ Машкевичъ, отмѣтивъ, что 16-го мая В—ій, по дорогѣ на Черниговъ, ночевалъ подъ Басанью ²⁾. Отсюда

¹⁾ Актъ Ю. З. Россіи, III, 191.

²⁾ с. Басань, конечно „Старая“,—въ комлек. у., черниг. губ.

В—ій послалъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ „козакаго ротмистра“ Понятовскаго, къ Каневу, на развѣдки, и Понятовскій въ ту же ночь поймалъ пять человекъ языка, подтвердившихъ В—ому извѣстіе о Корсунскомъ пораженіи. „На утро тѣ козаки казнены“ говоритъ Машкевичъ. Казненные козаки, повидимому, были посланы Хмельницкимъ къ В—ому съ объясненіемъ причинъ, заставившихъ его поднять на поляковъ оружіе. Такъ можно думать по разсказу Величка (I, 78), у котораго читаемъ, что Хмельницкій „угасивъ огонь полскій“ корсунскимъ пораженіемъ, помнилъ, что „еще великая головня въ Лубняхъ осталася,—кн. В—ій, державца тамошній“... Вотъ ему то и нашель Хмельницкій нужнымъ написать письмо съ разъясненіемъ причинъ начавшейся войны, причемъ „предлагалъ жебы онъ, кн. В—ій, о томъ, що ся уже съ гетманами стало, не уражался в гнѣва своего къ нему Хмельницкому простирати не изволил“... Величко говоритъ, что посланцы Хмельницкаго догнали В—аго „близко Березани“ и отдали ему письмо, послѣ прочтенія котораго В—ій „розярившись“ (конечно, за дерзость писавшаго письмо), на другой день, 25 мая, въ четвергъ на зеленой недѣлѣ, недалеко отъ Березани, велѣлъ посланцовъ этихъ казнить („постыгать“), а самъ слѣшно пошелъ къ Лубнамъ... Машкевичъ не говоритъ, чтобы В—ій возвращался изъ подъ Переяслава въ Лубны, но изъ его дневника видно, что взятые Понятовскимъ козаки были казнены 17-го утромъ; если это были посланцы Хмельницкаго, что вѣроятно, при чемъ разница въ числахъ можетъ происходить отъ описокъ и отъ разности календарей, то слѣдуя разсказу Машкевича, В—ій отъ 17-го мая, когда онъ былъ въ Басавѣ (не въ Березанѣ ли?) до 25-го, когда онъ подошелъ къ Чернигову, долженъ былъ гдѣ нибудь въ пути имѣть остановку. Слѣдуетъ думать, что въ эти дни В—ій и возвращался въ Лубны, чтобы забрать оттуда уже все, что можно было взять¹⁾, при

¹⁾ Въ одномъ изъ панегириковъ Іереміи В—аго говорится, что возвращался онъ въ Лубны (wt. ca się назад ku Lubniom), чтобы з крају ogniatego, wywieść w całosci lud do jednego. „Pochodnia wojenney sławy j. osm. z. j. mości Іереміа. Michała Korybuta na Wisn. у Lubniachъ Wisniowickiego“ (Іана Біалобецкаго). Kraków. 1649. Панегирикъ этотъ имѣлъ два изданія, въ одномъ и томъ же году. Второе изданіе, посвященное Яну Замоискому, есть въ б—кѣ универс. св. Владимира,

чемъ это возвращеніе, вѣроятно, находилось въ тѣсной связи съ тѣмъ внезапнымъ умаленіемъ находившагося при В—омъ отряда, о которомъ говоритъ Кисель¹⁾. Безболзвенно уходившіе изъ отряда В—аго воины, принадлежавшіе къ числу его „подданныхъ“, тѣмъ самымъ ясно указывали своему властителю—о приближающемся моментѣ того общаго возстанія „хлоповъ“, которое должно было послѣдовать и на лѣвомъ берегу Днѣпра, въ виду двукратнаго пораженія поляковъ. В—ій не могъ не видѣть, что нужно уходить съ лѣваго берега... Величко говоритъ, что послѣ казни посланцовъ Хмельницкаго, В—ій возвращался въ Лубны и что получивъ тутъ горестныя вѣсти изъ Польши, а также слыша совѣхъ сторонъ о „бурзныыхъ вѣтрахъ козацкой войны и бунтовъ посполитыхъ“, посиѣшилъ оттуда уѣхать „во всѣмъ домохъ своихъ вѣлегцѣ, только въ 3000 войска, и удавшися на городокъ Быковъ, тамъ о полуднѣ, противъ недѣлѣ святой (т. е. противъ воскресенья), рѣчку Свидовець переправилъ и... вдалься ко Любечу“²⁾. Къ этому извѣстію Машкевичъ добавляетъ, что когда В—ій проходилъ мимо Чернигова, по дорогѣ къ Любечу, то тутъ за нимъ было погнались козаки и—В—ій былъ де въ большой опасности, но счастливый случай его спасъ... Тридцатаго мая В—ій переправился черезъ Днѣпръ и тогда же достигъ Брагина, гдѣ находилась его семья. Такъ тихо, безъ шума В—ій покинулъ свою Лубенщину, убѣдившись, что ему въ ней не удержаться³⁾...

¹⁾ Памятники Киевск. Ком., I, отд. 3, стр. 30.

²⁾ С. Выковъ въ козел. у., черниг. губ. Приводитъ здѣсь свидѣтельство Величка и не сомнѣвается, что оно заимствовано изъ у одного изъ польскихъ хронистовъ и называется Величка, лишь не зная его источника. Быть можетъ это была „Wojna Potowa“ ..

³⁾ Не такъ объ этомъ уходѣ рассказываютъ малорусскіе историки. У Костомарова, напр., въ его книгѣ „Богд. Хмельн.“,—читаемъ: „и услыхавъ о матажѣ (Хмельницкаго), хлопн (жившіе въ Лубенщинѣ) составили загоны и бѣжали въ Хмельницкому. В—ій собралъ до 8-ми тыс. шляхтичей (?), жившихъ въ его владѣніяхъ, изъ которыхъ впрочемъ не всѣ были надежны; онъ разсѣлалъ загоны (въ Лубенщинѣ) и всѣхъ понадавшихъ въ руки, казилъ жестоко; въ каждомъ городѣ и селѣ ставили на рынкахъ вѣслицы, вѣшовныхъ вѣшали, сажали на колъ, рубили головы. Разгоняя такимъ образомъ шайки, В—ій дошелъ почти до Перемислава“ и т. д. (Изд. 4-е, стр. 329). Источникомъ этихъ свѣдѣній указанъ—стр. 26 и 157,

Что же произошло в Лубенщине послѣ ухода Іеремія?

Свѣдѣній объ этомъ обнаружено пока немного. Намъ извѣстны лишь слѣдующіе факты. Въ письмѣ, писанномъ 31 мая къ Гнѣзненскому архіепископу, Кисель говоритъ, что Хмельницкій послалъ за Днѣпръ (т. е. на лѣвый его берегъ) десять тысячъ войска подъ начальствомъ Кривоноса для унич-

отд. 3-го, т. 1-го „Памятникомъ“ Киевск. Кон., но обратившись къ указанному мѣсту этой книги, мы видимъ, что всѣ эти вѣсмаици и казни взяты изъ письма Кривоноса, писаннаго 25 іюля 1648 г. (къ воеводѣ Сандомирскому), въ которомъ Кривоносъ рассказываетъ о жестокостяхъ В—аго, имѣеть въ виду крайній берегъ Днѣпра; здесь совершала В—ій свои жестокости уже послѣ того, какъ онъ пришелъ сюда изъ Лубенщины, въ которой никакъхъ подобныхъ ужасовъ ни въ 1648 г., ни раньше, онъ не производилъ; но крайній мѣръ объ этомъ нигдѣ и намъка нѣтъ. (Есть зареченъ у Нѣсѣцкаго слѣдующія фразы: „Jak się zał chłopaka rebellia na tą ofszymę targnęła żeby w poźar nie wybuchnęła pod Żolninem, Mnoho, Sierogodem, Hoczuszą (?) pierwaze iakierki jej tłumil, także pod Kumejkami, Zubną, Konstantinowem Prynka, Niemirowem, heratów jej roznosiwazy, inazuch wielu od swawolney ligi odstrazył“... (IX, 345). Изъ этихъ фразъ видно, что Нѣсѣцкій сдѣлываетъ событія 1638 г. съ событіями 1648 г. и не различаетъ лѣвобережной Украины отъ правобережной... Изъ этого мѣста хорошо видно и комплиментарный характеръ книги Нѣсѣцкаго). — У г. Кулиша, въ его книгѣ „Отпаденіе“, описаніе ухода В—аго изъ Лубенщины въ 1648 г., возможно сходно съ рассказомъ Костонарова, при чемъ краткій рассказъ послѣднего г. Кулишъ дополняетъ подробностями того „баснословія“, въ которомъ онъ обвиняетъ „козацкихъ наемгирстовъ“ и ихъ „вожакъ“ Костонарова (II, 191). (казавъ, что Хмельн. отправилъ Кривоноса на лѣвый берегъ—бунтовать Винновщину, К—шъ продолжаетъ, что В—ій „окружилъ себя только служилою малотою (?) и разогналъ гайдамацкіе загонн Пересѣймоса на пространствахъ отъ Вересла до Трубежа, а поймавшихъ на торчелъ учинилъ Пересѣймосцемъ казнилъ тутъ же... Разогналъ гайдамацкія шайки и каралъ своихъ замѣшниковъ... В—ій дошелъ до Переслава... Въ немъ сдѣлалъ Кривоносъ и готовился выйти на встрѣчу В—ону... Не желая пасть въ безславномъ бою (съ Кривоносомъ), В—ій отступилъ къ своимъ Лубнамъ и сталъ готовиться къ бѣгству—на Горни. Надобно было сперва обозначить отъ козацкой свирѣпости обожаемому любовнику и жену, красавицу Гривельду (которая съ это время была уже съ Брашын) и тогда уже ринулся на бой съ чудовищемъ несмѣхаемаго бунта, очерта голозу. Въ Лубнахъ принесли ему письмо Хмельницкаго. Онъ (т. е. Хи—ій) хотѣлъ ублажать В—аго; но тотъ не понималъ вида, что потерялъ надежду устоять противъ Кривоноса, наскрировалъ свое бѣгство военными приготовлениями и взявши съ собою лишь нѣсколько походныхъ вещей да 15 руководимыхъ слугъ (?), оставилъ свое заднѣпровское княжество... обѣдалъ обѣдое бунтовъ Заднѣпріеіе московскими сакиами (такъ немыслимо почему г. К—шъ называетъ бывшій путь, а не сакии, т. е. двѣ дороги) изъ Переславащини на Черниговъ, а оттуда на Лубеть... и отправилъ свою Гривельду съ синкомъ въ Винновецъ“... Оттуда занисствовалъ вѣдъ эти свѣдѣнія г. К—шъ—въ его книгѣ по указ-

тоженія кн. Вишневецкаго, приче́мъ приказалъ Кривоносу при-
бавить за Днѣпромъ къ его отряду—еще столько¹⁾... Очень
можетъ быть, что Хмельницкимъ и сдѣлано было это распоря-
женіе, съ желаніемъ отомстить В—му за казнь ни въ чемъ не-
повинныхъ его посланцевъ, но только въ это время В—го уже
не было на лѣвомъ берегу, о чемъ добавляетъ и Кисель въ
томъ же письмѣ. Кажется, что Кривоносозъ вовсе и не пере-
ходилъ Днѣпра, потому, вѣроятно, что не противъ кого было
уже и идти... А съ главной резиденціей Іереміи народъ и самъ
расправился. Одинъ монахъ, Петроній Ласко, котораго Кисель
послалъ, въ концѣ іюня, къ Хмельницкому въ Чигиринъ,
рассказываетъ, что при немъ приведено было къ гетману изъ
за Днѣпра нѣсколько „своевольниковъ“, которые собравшись тамъ
(т. е. на лѣвомъ берегу), цѣлымъ отрядомъ тысячъ въ пятнад-
цать, Лубны штурмомъ взяли и разорили, отцовъ бернардиновъ
поумерщляли, а вмѣстѣ съ ними и много шляхты, мужчинъ
и женщинъ... Изъ числа приведенныхъ „своевольниковъ“ Хмель-
ницкій приказалъ двухъ казнить, а двухъ или трехъ—послалъ
къ В—ому для его освѣдомленія, что не казаки разоряютъ его
маѣности, а его же подданные²⁾... О народномъ возстаніи въ
лѣвобережной Малороссіи и разореніи польскихъ въ ней имѣ-
ній рассказывалъ, въ томъ же іюнѣ, и другой свидѣтель, про-
ѣзжавшій въ это время чрезъ Малороссію, отъ Сѣвска до Киева:
„а войско свое Хмельницкій ропустилъ за Днѣпръ (т. е. на
лѣвый его берегъ) къ Путивльскому рубежу, на маѣности По-
тоцкаго, Вишневецкаго и Киселя, и тѣхъ де ихъ маѣностей

маѣста; есть только въ текстѣ такое упоминаніе: „описывая бѣгство В—аго Натана
Гацковеръ даетъ помятъ“... Если при этомъ г. К—наъ смѣляется на „лѣтописъ На-
тана Гацковеръ“—(переводъ Манделькерна, Одесса, 1878 г.), то въ ней нѣтъ ни-
чего объ уходѣ В—аго въ 1648 г. на правый берегъ Днѣпра... Вѣроятноже, что
источникомъ этихъ небывалыхъ подробностей послужили для г. К—на „квмат-
теры“ Козовскаго, у котораго (по изд. въ польск. переводѣ Рачинскаго, 1859 г., I,
4—5), приводится путанный наборъ фактовъ о небывалыхъ стичкахъ В—аго съ
Кривоносозъ на лѣвомъ берегу Днѣпра... Рассказъ г. К—на объ уходѣ В—аго къ
Лубыцкимъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что его авторъ, объявивъ „возацкихъ на-
пегаристовъ“, что они „ветонпрствуютъ въ потенкахъ баснословія“, самъ бы прежде
долженъ показаться въ этомъ грѣхѣ...

¹⁾ Памятникъ, I, отд. 2, стр. 30.

²⁾ „Резація“ Ласка приведена подлинникомъ у Шайхохи, Dziela, X, 194.

Что же произошло въ Лубенщинѣ послѣ ухода Іеремія?

Свѣдѣній объ этомъ обнародовано пока немного. Намъ извѣстны лишь слѣдующіе факты. Въ письмѣ, писанномъ 31 мая къ Гнѣзненскому архіепископу, Кисель говоритъ, что Хмельницкій послалъ за Дибірѣ (т. е. на лѣвый его берегъ) десять тысячъ войска подъ начальствомъ Кривоноса для унич-

отд. 3-го, т. 1-го „Павантискозъ“ Кіевск. Кон., но обратившись къ указанному мѣсту этой книги, мы видимъ, что всѣ эти вѣснани и казни казни изъ письма Кривоноса, писаннаго 25 іюля 1648 г. (къ воеводѣ Сендомирскому), въ которомъ Кривоносъ рассказываетъ о жестокостяхъ В—аго, пишетъ въ виду правой берегъ Дибіра; этою совершилъ В—ій свои жестокости уже послѣ того, какъ онъ пришелъ сюда изъ Лубенщины, въ которой никакъхъ подобныя ужасы ни въ 1648 г., ни раньше, онъ не производилъ; но крайней мѣрѣ объ этомъ нигдѣ и намека нѣтъ. (Есть въпрочемъ у Нѣсѣцкаго слѣдующія фразы: „Jak się zaś chłopa rebelia na tę ofszymę targnęła żeby w rozar nie wybuchęła pod Żolnierzem, Mnogo, Sieropodem, Horuzę (?) pierwaze iakierki jej tłumil, także pod Kumejkami, Zubną, Konstantinowem Pryluką, Niemirówem, heratówkiej rozpowiawku, inszych wielu od zwałowey ligi odstrazył“... (IX, 345). Изъ этихъ фразъ видно, что Нѣсѣцкій сдѣлываетъ событія 1638 г. съ событіями 1648 г. и не различаетъ лѣвобережной Украины отъ правобережной.. Изъ этого мѣста хорошо видно и компликативный характеръ книги Нѣсѣцкаго).—У г. Кулиша, въ его книгѣ „Отпаденіе“, описаніе ухода В—аго изъ Лубенщины въ 1648 г., возможно сходно съ рассказомъ Костонарова, при чемъ краткій рассказъ послѣднaго г. Кулишъ дополняетъ подробностями того „баснословія“, въ которомъ онъ обвиняетъ „козацкихъ наемгирстовъ“ и ихъ „вожака“ Костонарова (II, 191). (казалъ, что Хмель. отправилъ Кривоноса на лѣвый берегъ—бутовать Винницевищу, К—шъ продолжаетъ, что В—ій „окужалъ себя только служилою шляхтою (?) и разговялъ гайдамацкіе загонн Перебіяноса на пространствахъ отъ Ворсклы до Трубска, а поиманныхъ на торляемъ учинилъ Перебіяносецъ казнить тутъ же... Разгоняя гайдамацкія шайки и кара своихъ наемгирстовъ... В—ій дошелъ до Переслава... Въ немъ сидѣлъ Кривоносъ и готовился выйти на встрѣчу В—ому... Не желая пасть въ безславномъ бою (съ Кривоносомъ), В—ій отступилъ къ своимъ Лубнамъ и сталъ готовиться къ бѣгству—на Горниа. Надобно было сперва обезпечить отъ козацкой свирѣпости обожаемую любовницу и жену, красавицу Гривелду (которая въ это время была уже въ Брацкии) и тогда уже ринулся на бой съ чудовищемъ несмѣхавнаго бунта, очерта голову. Въ Лубнахъ привнеси ему письмо Хмельницкаго. Онъ (т. е. Хи—ій) хотѣлъ убавить В—аго; но тотъ не показывалъ вида, что потерялъ надежду устоять противъ Кривоноса, наскривалъ свое бѣгство военными приготовлениями и завяши съ собою лишь нѣсколько походныхъ возовъ да 15 рукодавныхъ слугъ (?), оставилъ свое задѣйровское княжество... обѣдалъ обѣдое бунтомъ Задѣйровіа московскими сакиани (такъ именовали почему г. К—шъ называетъ бунтъ куть, а не сакии, т. е. дикія дороги) изъ Переславацкии на Черниговъ, а оттуда на Іубечъ... и отправилъ свою Гривелду съ сменѣ въ Винницець“... Откуда записывалъ вѣ эти свѣдѣнія г. К—шъ—въ его книгѣ не указ-

тоженія кн. Вишневецкаго, причеъ приказалъ Кривоносу прибавить за Днѣпромъ къ его отряду—еще столько ¹⁾... Очень можетъ быть, что Хмельницкимъ и сдѣлано было это распоряженіе, съ желаніемъ отомстить В—му за казнь ни въ чемъ неповинныхъ его посланцевъ, но только въ это время В—го уже не было на лѣвомъ берегу, о чемъ добавляетъ и Кисель въ томъ же письмѣ. Кажется, что Кривоносъ вовсе и не переходилъ Днѣпра, потому, вѣроятно, что не противъ кого было уже и идти... А съ главной резиденціей Іереміи народъ и самъ расправился. Одинъ монахъ, Петроній Ласко, котораго Кисель послалъ, въ концѣ іюня, къ Хмельницкому въ Чигиринъ, рассказываетъ, что при немъ приведено было къ гетману изъ за Днѣпра нѣсколько „своевольниковъ“, которые собравшись тамъ (т. е. на лѣвомъ берегу), цѣлымъ отрядомъ тысячъ въ пятнадцать, Лубны штурмомъ взяли и разорили, отцовъ бернардиновъ поумерщляли, а вмѣстѣ съ ними и много шляхты, мужичинъ и женщинъ... Изъ числа приведенныхъ „своевольниковъ“ Хмельницкій приказалъ двухъ казнить, а двухъ или трехъ—послалъ къ В—ому для его освѣдомленія, что не казаки разоряютъ его маестности, а его же подданные ²⁾... О народномъ возстаніи въ лѣвобережной Малороссіи и разореніи польскихъ въ ней имѣній рассказывалъ, въ томъ же іюнѣ, и другой свидѣтель, проѣзжавшій въ это время чрезъ Малороссію, отъ Сѣвска до Киева: „а войско свое Хмельницкій ропустилъ за Днѣпръ (т. е. на лѣвый его берегъ) къ Путивльскому рубежу, на маестности Потоцкаго, Вишневецкаго и Киселя, и тѣхъ де ихъ маестностей

маестя; остъ только въ текстѣ такое упоминаніе: „описывая бѣгство В—аго Натанъ Гаповеръ даетъ повѣсть“... Если при этомъ г. К—шъ σημαεται на „лѣтписисъ Натана Гаповери“—(переводъ Манделькерн, Одесса, 1878 г.), то въ ней нѣтъ ничего объ уходѣ В—аго въ 1648 г. на правый берегъ Днѣпра... Вѣроятноже, что источникъ этихъ небывалыхъ подробностей послужилъ для г. К—на „лирикатеръ“ Кожовскаго, у котораго (по над. въ польск. переводѣ Рачинскаго, 1859 г., I, 4—5), приводится путанный наборъ фактовъ о небывалыхъ стичкахъ В—аго съ Кривоносомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра... Рассказъ г. К—на объ уходѣ В—аго изъ Лубенщины несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что его авторъ, обвиняя „козацкихъ напегаростовъ“, что они „вотопирствуютъ въ потемкахъ баснословія“, самъ бы прежде долженъ показаться въ этомъ грѣхѣ...

¹⁾ Памятникъ, I, отд. 2, стр. 20.

²⁾ „Релиція“ Ласка приведена подлинникомъ у Шайнохи, Dziela, X, 194.

города всё побрали, а которые де ихъ были крестьяне Потоцкаго, Вишневецкаго и Киселя и тѣ де съ ними (козаками Хмельницкаго) стали въ козаки жъ ¹⁾...

Засимъ весь общественный строй лѣвобережной Малороссіи измѣнился, а съ нею измѣнился и прежній строй Лубенщины...

Указавъ здѣсь главныя черты дѣятельности Іереміи В—аго въ „заднѣпрскихъ“ его имѣніяхъ, находимъ умѣстнымъ сказать нѣсколько словъ о его личности, какъ общественнаго дѣятеля.

Польскіе историки, старые и новые, прославляютъ Іеремію, какъ великаго своего патріота, у котораго всякая приключавшаяся отчизнѣ невзгода вызывала душевную боль (*Calamitas patriae lamentatio Jeremiae*). Патріотизмъ Іереміи особенно ярко выразился въ той страстной энергіи, которую онъ проявилъ въ войнѣ съ возставшимъ противъ Польши русскимъ народомъ. Но въ жилахъ Іереміи текла та самая кровь, которую онъ съ такою ужасною жестокостью проливалъ въ этой войнѣ.. И намъ кажется, что весь этотъ патріотизмъ, вся эта военная энергія Іереміи была только результатомъ той страстной вражды противъ *своихъ*, которую мы такъ часто встрѣчаемъ у измѣнниковъ своему народу...

Не могъ, конечно, забыть Іеремія той предсмертной мольбы своей матери, съ которою послѣдняя обращалась къ сыну, заклиная его не измѣнять вѣрѣ отцовъ... Укорительно напоминалъ Іереміи объ этомъ материнскомъ завѣтѣ Ісаія Коппинскій въ своемъ къ нему посланіи.—И вотъ воспоминаніе объ этомъ неисполненномъ завѣтѣ матери—должно было постоянно возмущать духъ Іереміи и онъ, желая вырвать изъ своей памяти, изъ своего сознанія—мольбу умирающей матери, кричалъ, чтобы поляки мучили козаковъ такъ, чтобы тѣ чувствовали мученія... Заслуживъ у польскихъ историковъ славу великаго патріота, Іеремія тѣмъ не менѣе остается измѣнникомъ своему народу ²⁾...

¹⁾ Актъ Ю. З. Россіи, III, 316.

²⁾ Оказывая настоящее введеніе, считаю долгомъ поблагодарить В. В. Антоновича за его указанія на тѣ приводимые нами здѣсь документы изъ актовъ кнѣзь Киевскаго Центральнаго Архива, которые еще не напечатаны.

А. Лаваревскій.

Приложенія.

Изъ помѣщаемыхъ здѣсь двухъ документовъ, первый—есть актъ объ установленіи въ г. Лубнахъ церковнаго братства, въ 1622 г.; списанъ онъ нами съ рукописи XVIII в., заключающей въ себѣ отрывочныя лѣтописныя свидѣнія о Мгарскомъ монастырѣ¹⁾ и принадлежащей священнику с. Исачекъ, Лубенск. у., о. Василію Романову, который получилъ эту рукопись, по его словамъ, отъ кого то изъ сѣверо-западнаго края. Приводимый здѣсь документъ былъ уже напечатанъ, въ передѣлкѣ на современный лажетъ, въ Полтавск. губ. вѣд. 1895 г., № 89, но здѣсь онъ печатается дословно по рукописи, въ которую переписанъ, повидимому, недовольно исправно.

Объ историческомъ значеніи этого акта скажемъ въ другомъ мѣстѣ, замѣтивъ здѣсь только, что въ достовѣрности сего акта сомнѣнію, повидимому, нѣтъ мѣста.

Второй изъ приводимыхъ документовъ—есть записъ 1623 г. Лубенцевъ Мгарскому монастырю на рыболовный «дугъ». Объ этомъ актѣ сказано выше (стр. 115).

I. Копля на братство троецкое Лубенское церкви, отъ отца Исаии Копинскою зобраное. (1622 г., 1 октября). Во имя святаго, живовачальнаго, еднносущнаго и нераздѣльнаго Троицы, Отца и Сына и Святого Духа, единаго, истиннаго Бога нашего, ему честь и поклоненіе, слава и хвала отъ всехъ чувственныхъ и невестественныхъ твари, нынѣ и въ бесконечныя вѣки. Аминь.

Господь нашъ Исусъ Христосъ вса аже ко спасенію многога ради чловѣколюбивого милосердія своего на земли совершая и волнѣи чловѣкоспасительной страсти грядѣи, ученикомъ своимъ глаголаше: сѣ заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга, посему бо рече и знаютъ васъ, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою, еже и божественный верховный апостолъ Петръ востекъ на верхъ добродѣтелей, любовь во божественныхъ посланныхъ препоручаетъ, подадите, рече, вѣрѣ вашей добродѣтели, во добродѣтели же разумъ, въ разумѣ все воздержаніе, во воздержаніи терпѣніе, во терпѣніи же братолюбіе, во братолюбіи же любовь. И пакы братство возлюбите, Бога бойтесе, царя чтѣте, иже и по спасителномъ на небеса Христа Бога вознесеніи, друголюбное божественный апостолъ

¹⁾ Быть можетъ, одного происхожденія съ напечатанными въ Киевск. Стар. 1889 г., №№ 4—6.

і евангелистъ Лука прославили, провозвѣщая Теофила, глаголю: збрушащихъ рече быше душа една и сердце едно, и не быше въ нихъ никто же нищъ, требованію нищихъ послужаши салиѣйшихъ рудъ. Сему же убо божествовиному и спасителному и человеколюбному вученію и мы грѣшныи послѣдующе, благолатію благаго Бога Господа нашего Ісуса Христа, хотяща всѣмъ челоѣкомъ спастися и въ разулъ встаный пріити, начинаемъ сіе душевспасителное друголюбное соединеніе—братство церковное во богоспасаемомъ градѣ Александрѣ, благословеніемъ и повеленіемъ пресвященнаго господина отца Ісана Копивскаго, архіепископа и епарха патриаршего, на утѣшеніе и утвержденіе во благочестіи нашему російскому роду, снимоу восточного православія, такъ духовного, яко и свѣцкаго стану, всѣмъ христоневитимъ людемъ, на виконане христіанскихъ милосердныхъ учинковъ, такъ духовныхъ, яко и свѣцкихъ въ размноженію и акрению христіанскихъ добродѣтелей, яко тежъ и въ подаванію наукъ учивныхъ и цѣленію дѣтей народу христіанского, откуда хвала всемогущаго Бога на земли множитъ, потѣха родичомъ и зъ снимоу наказанныхъ ростеть, речіи исполитме, оборона людская и оадеба церковная фундуется, яко тежъ и во опатренію телесныхъ вдовъ, сиротъ и въ поратованію всякихъ людей упадшихъ, якося въ собѣ самый грунтъ, предся взите, того святого милосерднаго братства волею Вседержителя Бога закладмется, и братское нероворванное любве, во присяжний связокъ и зединочене, ведлугъ порядку правъ братстванъ отъ светѣйшихъ патриарховъ и пресвященнаго митрополита и одико по православныхъ короны полское моцъ церквамъ наданныхъ, благословенныхъ и утвержденныхъ, на што мы всѣменованные нерсоні обонхъ духовного и свѣцкаго стану людей единымъ сердцемъ, едиными усты позволивши, крестнымъ цѣлованіемъ одинъ за всѣхъ и всѣ за единого, при благочестіи стояще духомъ любве горяче связавшеса, нижеи описанное христіанское братское (не?) повинности и нерядки чинити, въ той реестръ братскій вписуемоса, при храмѣ державе соборной братской пресвятыи и живоначалныи и нерадѣльныи Троицы. Аминь. Въ року 1622, октовр. 1 дня. Ісана Копивскій, милостію божією митрополитъ Задиѣпрскій, епарха Константинопольскій, на вся сіа душеволезная благочестивныхъ христіанъ совѣтовація позволивше благословеніе, своего власною рукою поднисуся.

II. *Выписъ съ книгъ лѣсныхъ ратуша Лубенского на два, востаючий на рѣцѣ Вулшанцѣ. (1623 г., 7 ливаря). Я Марцинь Натурскій староста Лубенскій. Мы, Федоръ Вышовецъ, войтъ Лубенскій, при мѣѣ*

бурмистровъ будущихъ: Іосифа Снитайла, Сидора Адамовича, Олекси Тов-
вача, Миска Мирченка, Івана Вѣтла, Івана Бей, Федора Печенка
зо всею громадою. Мы Стефанъ Жукъ, атаманъ войска Запорожского
Лубенскій, Федоръ Пирскій, Янъ Гендрикъ, Стась Яблонскій зо
всѣмъ товариствомъ войсковымъ. Ознаймуемъ такъ листомъ нашимъ
вышшимъ и потимъ будущимъ, кому бы о томъ вѣдати належало,
якъ мы всѣ сполне съ собою згодившись, взялисно предъ себе дѣло
богоугодное для збавення души своей, такъ тежъ за причиною и
просбюю господина отца владѣя господина отца Ісаян, пастира на-
шего, отдалисны духъ, которій есмо сполечне зъ собою мѣли, каждый
своею частю, на рѣчцѣ Олшанцѣ, до монастыря Мгарскаго Лубен-
ского, на хвалу Божию, абы за насъ всѣхъ и по насъ будущихъ завше
на томъ святомъ мѣстцу молба до Господа Бога отправовала, кото-
рого то духу маєть заживати монастыръ безъ вшеякой перешкоды
лтъ насъ всѣхъ сполечне вышереченныхъ, такъ отъ насъ, яко и по
насъ будущихъ завше на томъ святомъ мѣстцу молба до Господа Бога
отправовала, которого то духу маєть заживати монастыръ безъ вше-
оюкой перешкоды отъ насъ всѣхъ сполечне вышереченныхъ такъ
отъ насъ, яко и по насъ будущихъ, такъ старость, яко и мѣщанъ,
такъ какъ и всѣхъ войсковыхъ, гдѣжъ то единою до мѣстца святого
деиъ и вѣчними часи даруемъ. А если бы тежъ хто напотымъ мѣлъ
въ томъ чинити монастыру якую перешкоду и ущербокъ и одіймо-
вати отъ мѣстца святого дамыну нашу, которую мы теперь всѣ спо-
лечне згодившись, до мѣста святого дали и вѣчними часи даруемъ,
теди таковий нехай не маєть милости Христовой и участничества
со святыми, нехай будетъ на немъ клятва святыхъ отецъ. А для
лѣпшой вѣры и ваги листу того, печати притиснути и руки свои
подписати зевольняно. Писанъ въ Лубнахъ, року 1628, мѣсяца ян-
варя 7 дня.

Marcin Nagórskj, na ten czas starosta Alexandrowskj będący
ręką swą.

Федоръ Вышовецъ, войтъ Лубенскій зъ бурмистрами. Стефанъ
Жукъ, атаманъ съ товариствомъ рукою власною.

*Акты Мгарскаго м-ря, л. л. 322 об. и 323. (Рукопись б-ки
университета Св. Владимира, изъ собранія М. О. Судьенка).*

11. Христофоръ (Сулима), первый епископъ Слободско-Украинскій и Харьковскій. Прот. Н. А. Лащенко, Харьковъ 1895. 8^о 286 стр. (Отд. оттискъ изъ Харьковск. Сборника 1893—95 г. г.)

Въ XVIII в. дѣти малороссійской козацкой старшины, подѣ влияніемъ полученнаго въ кievской академіи воспитанія, нерѣдко принимали монашество и, пользуясь покровительствомъ вліятельныхъ родичей, нерѣдко возвышались и до епископскихъ сановъ. Такъ имъ видны достигшии этого сана внука гетмана Агостола, Иосафа Горленка, умершаго въ 1754 г. въ санѣ епископа Бѣлгородскаго, внука того же гетмана, Сильвестра Кулабу, умершаго въ 1761 г. въ санѣ архіепископа Петербургскаго и друг. Въ числу ихъ принадлежалъ и Христофоръ Сулима, сынъ переславскаго полковника Семена Ивановича Сулимы, умершій въ санѣ Харьковскаго епископа въ 1813 г.— По преданію, онъ служилъ сначала въ военной службѣ, а потомъ поступилъ въ кievскую академію и въ 1765 г. принялъ здѣсь, въ тридцатилѣтнемъ возрастѣ, монашество; но затѣмъ по іерархической лѣстницѣ онъ поднимался туго. Лишь въ 1789 г. получалъ архимандритство и Гамалѣвскій монастырь въ управленіе, и то по особому старанію Безбородка, который, будучи самъ родомъ изъ Переславскаго полка, хорошо зналъ отца Христофора.

Не смотря на то, что еп. Сулима учился въ академіи уже послѣ военной службы, онъ хорошо зналъ латвискій языкъ (какъ видно изъ его писемъ) и считался монахомъ ученымъ. При помощи этой учености Сулима получилъ въ 1794 г. ректуру черниговской семинаріи; затѣмъ, въ 1798 г., былъ назначенъ епископомъ Феодосійскимъ, а въ слѣдующемъ— епископомъ Слободско-Украинскимъ. Этою епархіей онъ управлялъ болѣе двадцати лѣтъ. Обзорѣвая этотъ періодъ времени въ исторіи Харьковской епархіи, прот. Лащенко собралъ богатый матеріалъ для изученія исторіи мѣстнаго духовенства. Приводитъ интересные свидѣнія (большею частью, впрочемъ, по источникамъ уже извѣстнымъ) изъ быта учениковъ тогдашняго Харьковскаго коллегіума (впослѣдствіи— семинаріи), авторъ рассказываетъ, какъ Харьковскіе коллегіаты, при участіи своего епископа, помогли дѣйствительному открытію въ 1805 г. харьковскаго университета; дѣло въ томъ, что кандидатовъ для поступленія въ послѣдній изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній оказалось мало, вслѣдствіе чего для образованія перваго курса студентовъ взято было изъ Харьковскаго коллегіума 20

«достаточно свѣдущихъ». Вообще еп. Христофоръ сочувствовалъ открытію университета и помогалъ ему, снабжал, напр., малолюдный медицинскій факультетъ тѣми же своими коллегіатами. Обзорѣвая затѣи дѣятельность еп. Сулимы по устроенію тогдашнихъ Харьковскихъ монастырей и приходскихъ церквей и по надзору за сельскимъ духовенствомъ, почтенный авторъ приводитъ массу архивнаго матеріала (изъ мѣстной консисторіи), дающаго возможность близкаго знакомства съ тогдашнимъ состояніемъ сельскихъ церквей и церковнаго причта. Сельскія церкви Харьковской епархіи (да и другихъ вѣроятно) въ это время—«были адавія, большею частью расположенныя въ маленькомъ вышневомъ садикѣ, рубленныя изъ бревенъ, на подвалахъ, отчего не рѣдко были покосившіяся, потому что подвалами скоро сгнивали. Стѣны храмовъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, ни снаружи, ни внутри не обшивались досками, тѣмъ болѣе не штукатурялись, отчего въ нихъ оставались значительныя щели»... Нелучше были храмы и городскіе, какъ видно изъ того, что «соборная Троицкая церковь въ г. Зміевѣ съ давняго времени стояла безъ всякой починки, отъ чего пришла въ такую ветхость, что во время дождей отъ сильной течи народу негдѣ было стоять въ храмѣ»... Заботясь о поднятіи нравственнаго уровня въ сельскомъ духовенствѣ, преосв. Христофоръ старался не давать послѣдняго въ обиду помѣщикамъ и иногда оказывалъ въ ходатайствѣ послѣднихъ о замѣщеніи вакантныхъ приходовъ ихъ приближенныхъ въ ущербъ «ученымъ» кандидатамъ (стр. 158). Интересны свѣдѣнія въ книгѣ прот. Лещенкова о «способахъ содержанія духовенства» и о попыткѣ извѣстнаго *новоисходителя* Каразина замѣнить доходы за требы—платою опредѣленнаго жалованья духовенству, которое, будучи обязано къ исполненію высокой должности, должно быть «обществомъ отстранено отъ заботъ о добываніи себѣ насущнаго хлѣба».

Любопытны упоминанія автора о нѣкоторыхъ староцвѣтныхъ бытовыхъ чертахъ прихожанъ Харьковской епархіи, принесенныхъ ими сюда еще въ XVII в., при заселеніи этого края своими *слободами*. Праводимъ одинъ принѣръ. «Угощать въ храмовой праздникъ нищихъ (старцевъ) обѣдомъ было обычаемъ существовавшихъ въ Малороссіи церковныхъ братствъ, на обязанности которыхъ между прочимъ лежало содержаніе церкви и нищихъ. За время еп. Христофора еще оставались цѣлы при Харьковской Христорожественской, Николаевской и Вознесенской церквахъ *братерскіе дома*, гдѣ братчики въ

прежнее время совѣщались о своихъ дѣлахъ, и шпиталь (богадѣльня) при Троицкой церкви, гдѣ жили церковные нищіе. Это наметники такъ еще недавно передъ снѣмъ живой, но въ описанное время почти уже угасшей дѣятельности церковныхъ братствъ, которыя были занесены сюда изъ за Днѣпра черкасами — предками украинцевъ. Впрочемъ, при нѣкоторыхъ весьма рѣдкихъ сельскихъ храмахъ и за время еп. Христофора еще держались братства, дѣятельность коихъ проявлялась почти исключительно въ храмовые праздники. Обыкновенно, передъ этимъ праздникомъ церковный староста собиралъ отъ прихожанъ добротныя подаванія, готовилъ медъ и въ праздникъ ставилъ такъ называвшійся братскій столъ, къ которому приглашались священникъ, церковнослужители и прихожане. При этомъ для всего села въ братскомъ дворѣ производилась продажа братскаго меда, и выручаемыя деньги обращались въ пользу церкви, съ отдѣленіемъ нѣкоторой части для нищихъ.

Вообще книга прот. Лашенкова заключаетъ въ себѣ обстоятельный сводъ свѣдѣній о церквахъ и духовенствѣ «Слободской Украины» за первое десятилѣтіе настоящаго вѣка, причемъ значительное количество этихъ свѣдѣній извлечено изъ архива мѣстной консисторіи. Поэтому рассматриваемая монографія можетъ служить дополненіемъ къ извѣстной книгѣ г. Знаменскаго — «Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра». Страннымъ только кажется незнакомство автора этой монографіи съ общезвѣстными книгами, изъ которыхъ онъ бы увидѣлъ, что извѣстный подручникъ Екатерины II Безбородко былъ сынъ не «мелкаго украинскаго дворянина», а тѣмъ менѣе «крестьянина», а будущій первый министръ народнаго просвѣщенія Завадовскій не былъ «сынъ священника». И тотъ, и другой, какъ видно изъ обстоятельныхъ ихъ біографій), были сыновья козацкихъ старшинъ, владѣвшихъ издавна довольно богатыми маетностями и потому имѣвшихъ возможность дать своимъ сыновьямъ хорошее образованіе. Извѣются въ книгѣ прот. Лашенкова любопытныя свѣдѣнія и о самомъ еп. Сулякѣ: будучи Галацѣвскимъ архимандритомъ, онъ владѣлъ въ то же время и крѣпостными крестьянами, доставшимися ему, вмѣстѣ съ землями, по завѣщанію отъ бедѣтной сестры Целаген Разумовской; впрочемъ, въ свою очередь, онъ подарилъ эти имѣнія съ людьми — другой сестрѣ, въ 1813 г. Преданіе сохранило до послѣдняго времени память о еп. Христофорѣ, какъ о человѣкѣ, котораго все любили за доброту и

доступность, равно для богатого и бѣднаго». Такъ свидѣтельствуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ воспитанниковъ Харьковскаго коллегіума, современникъ этого епископа.

12. Договоръ прихожанъ съ причтомъ о замѣнѣ платы за требосполненіе опредѣленнымъ жалованьемъ, 1834 г.

На страницахъ «Кіевской Старины», за разные годы, было напечатано нѣсколько договоровъ прихожанъ съ священниками объ установленіи опредѣленныхъ платъ за требосполненіе; всѣ эти договоры относились къ перв. пол. XVIII в. Нѣсколько такихъ же договоровъ было напечатано и въ полтавской газетѣ «Земскій обзоръ» за 1883 г. (№ 6). Договоры эти указываютъ на стремленіе прихожанъ установить такія отношенія къ своему священнику, которыя бы обезпечивали объ стороны отъ пререканій и дразгъ... Историкъ «приходскаго духовенства въ Россіи» *) говоритъ, что такіе договоры встрѣчаются лишь въ одномъ югозападномъ краѣ, а въ великорусскихъ епархіяхъ такіе «контракты» неизвѣстны (стр. 673—676) Повидимому, такіе договоры могли появляться въ Малороссіи лишь при существованіи права выбора священниковъ прихожанами. Приглашая священника въ свою церковь, прихожане имѣли возможность сдѣлать ему условія относительно платы за требы. Но съ паденіемъ выборнаго начала, говоритъ Знаменскій, до послѣдней степени сократился и наконецъ вовсе сталъ уничтожаться такіе договоры духовныхъ лицъ съ прихожанами, г служившіе гарантіей для послѣднихъ отъ вымогательства... (стр. 686) Паденіе выборнаго начала при замѣщеніи священниковъ началось въ Малороссіи съ к. XVIII в. Кіевскій митрополитъ Арсеvій Могилянскій въ 1768 г. доносилъ св. синоду, что прихожане и владѣльцы (маестностей) съ кривомъ и бранью изгоняютъ священниковъ, которыхъ онъ назначалъ въ приходы отъ себя, минуя кандидатовъ, избранныхъ прихожанами, по ихъ негодности къ священному сану. Послѣдующіе митрополиты—Гавріилъ Кременецкій и Самуилъ Миславскій «начали вводить въ Малороссіи всѣ великорусскіе порядки, доселѣ имѣвшіе здѣсь силу только отрывочно и по частямъ» (Знаменск.

*) Приходское духовенство въ Россіи со времени реформы Петра. Сочиненіе П. Знаменскаго. Казань. 1873. 8° (Огдѣльные огнишки изъ Правосл. Соборѣди. 1871—1877 г.г.).

65). А вѣстѣ съ этими порядками прекратилась и возможность договоровъ съ священниками о разиѣрѣ платы за требы... Съ в. XVIII в. такихъ договоровъ болѣе не встрѣчается.—Но въ нач. XIX в. встрѣчаются попытки замѣнить плату за требовосполненіе—опредѣленнымъ причту жалованьемъ. Такъ, въ 1806 г. извѣстный дѣятель Слободской Украины Каразинъ въ своемъ с. Крутикѣ (Богодух. у.), въ силу взаимнаго договора съ причтомъ, обязался при даровой квартирѣ съ отопленіемъ и прислугой, ежегодно—по третимъ—платить ему извѣстную сумму денегъ, увеличивая ее по мѣрѣ возвышенія цѣнъ на жизненные потребности. Причтъ съ своей стороны обязался не брать съ прихожанъ платы за требы и не заниматься хлѣбопашествомъ; церковная земля поступала къ Каразину въ аренду и т. д.⁴⁾ Договоръ Каразина представленъ былъ св. синоду и имъ утвержденъ. Договоръ этотъ показываетъ, что традиція—объ установленіи правильныхъ отношеній между причтомъ и прихожанами,—продолжала существовать... Такой же договоръ прихожанъ съ причтомъ встрѣтили мы и въ Черниговской губерніи, заключенный въ 1834 г. въ с. Сварковѣ, глуховскаго уѣзда, причемъ договоръ этотъ явился при наличности такихъ обстоятельствъ: сварковскій священникъ Трофимъ Муравскій достигнувъ такой старости, при которой служеніе на приходѣ стало ему уже не по силамъ, пожелалъ передать приходъ сыну, который въ это время уже былъ діакономъ той же сварковской церкви; вслѣдствіе этого Муравскій—сынъ начинаетъ «искать» отцовскаго прихода; разумѣется, приходъ этотъ Муравскому могъ быть данъ лишь властію мѣстнаго архіерея, но предстательство мѣстнаго помѣщика всегда играло въ такихъ случаяхъ немалое значеніе; сварковскимъ же помѣщикомъ въ это время былъ Александръ Михайловичъ Маркевичъ, тогдашній черниговскій губернский предводитель дворянства... Нѣтъ сомнѣнія, что голосъ такого помѣщика пѣлъ у властей особое значеніе. Тѣмъ болѣе, значитъ, было основаніемъ у Муравскаго—сына обратиться къ такому помѣщику за предстательствомъ. Но этотъ помѣщикъ былъ человекъ совсѣмъ особый, мало походившій на сосѣдей. А. М. Маркевичъ (р. 1790+1865) былъ до нѣкоторой степени идеалистомъ, хлопотавшимъ, напр., объ освобожденіи своихъ крѣпостныхъ крестьянъ гораздо раньше 1861 г... Кроме того, это былъ человекъ хорошо знакомый съ исторіей своей родины; онъ зналъ, по

⁴⁾ См. книгу протоіерея Лашенкова—Христофора, первыи список. Слободско-Украинскій и Харьковскій, стр. 191.

живому преданію, прежніе порядки мѣстной общественной жизни, зналъ и о тѣхъ договорахъ прихожанъ съ причтомъ, которые обезпечивали первыхъ отъ вымогательства послѣдняго. Повидимому, на просьбу Муравскаго-сына о предствательствѣ предъ черниговскимъ архіереемъ Марковичъ *воспользовался случаемъ* и предложилъ «ищущему» заключить съ будущими прихожанами такой договоръ, который бы обезпечивалъ послѣднихъ отъ произвола, при чемъ за требосполненіе Муравскому было предложено *опредѣленное жалованье*. «Ищущій» не могъ не согласиться на такое условіе, послѣдствіемъ чего и явился приводимый здѣсь договоръ причта (включены были въ договоръ дьячекъ и пономарь) съ приходомъ, причемъ всирavnую выдачу предназначеннаго жалованья причту принялъ на себя Марковичъ. При подписаніи договора представителями прихода явились сварковскіе—помѣщикъ и нѣсколько козаковъ. Крѣпостные крестьяне никакихъ юридическихъ правъ не имѣли и потому въ числѣ прихожанъ состояли лишь фактически. Вотъ при наличности какихъ *особыхъ* обстоятельствъ явился этотъ рѣдкій юридическій документъ, который здѣсь приводится въ точной копіи съ подлинника.

1834 года февраля 14 дня. Мы нижеподписавшіеся, прихожане села Сваркова, Глуховскаго уѣзда, діаконъ церкви Свѣтотроїцкаевскіа сварковскіа Николай Муравскій, ищущій, по старости лѣтъ своего родителя, іерея и священно-намѣстника Трофима Муравскаго, мѣсто священника при оной церкви, и церковной причтѣ учинили сіе между нами добровольное условіе. Мы, прихожане, желая, во первыхъ, обезпечить положеніе священника села нашего, избавить его отъ излишнихъ заботъ о житейскихъ его нуждахъ и отстранить непосредственную плату за совершеніе таинства вѣры, при которыхъ доселѣ назначаемы были доходы священно и церковно-служителямъ, положили: 1) таинства вѣры: крещеніе, исповѣданіе во время постовъ и исповѣданіе съ напутствіемъ больныхъ, бракъ (хотя бы женихъ былъ и изъ чужого села) должны совершаемы быть священникомъ Свѣтотроїцкаевскіа сварковскіа церкви безмездно, то есть безъ всякіа платы деньгами или инымъ чѣмъ бы то ни было, для всѣхъ прихожанъ села Сваркова, и священникъ не только не долженъ за совершеніе оныхъ ничего-требовать, но даже если бы кто и добровольно согласенъ былъ что дать, не долженъ принимать изъ уваженія къ святости. 2) Сіе самое положеніе распространяется и на чины погребенія и на хожденіе со крестомъ и святой водой во время праздника крещенія Господа нашего Іисуса Христа, которыя также должны совершаемы

быть безмездно. 3) Дьячекъ и пономарь, при совершеніи священникомъ таинства вѣрны, чина погребенія и хожденія со крестомъ и святою водою, тоже не получаютъ никакой платы или дохода. Впрочемъ добровольныя вспоможенія въ нуждахъ священника или церковнаго причта, или добровольныя приношенія во всѣхъ другихъ случаяхъ, никому не воспрещаются. 4) Всѣ прочія отпавы, какъ то: молебствія, акафисты, панихиды послѣ погребенія, сорокоусты, особныя молитвы, при литургіи совершаемыя, евангелія, при погребеніихъ читаемыя, и водоосвященія въ домахъ, послѣку все сіе зависитъ отъ воли желающаго, то вознагражденіе за трудъ священника и церковнаго причта предоставляется обоюдному согласію ихъ и прихожанъ. Сія отпавы должны быть добровольныя, а не налагаемыя, ибо въ противномъ случаѣ не могутъ уже оныя быть благоугодныи Богу. 5) Чтеніе разрѣшительной молитвы въ окончаніи постовъ должно происходить не въ домахъ прихожанъ, но въ церкви въ тѣ дни, когда наиболѣе собираются христіане для молитвы. 6) Ружная земля, если при измѣреніи окажется, что она въ указанномъ количествѣ десятинъ, на основаніи постановленій должна раздѣлена быть между священникомъ, дьячкомъ и пономаремъ (буде оны штатныя), ибо дьякона при церкви сварковской не положено, а единственно изъ уваженія къ старости нынѣшняго священника, мы, по просьбѣ его, согласились онаго имѣть. 7) Священникъ Святониколаевскіи церкви получаетъ отъ насъ прихожанъ ежегодно—по триста рублей, дьячекъ тридцать рублей, а пономарь—двадцать рублей монетою по курсу. Деньги сіи всякій изъ нихъ получаетъ за третью года впередъ. За вѣрность полученія ими слѣдъ денегъ въ назначенное время, беру я, помѣщикъ Марковичъ, отвѣтственность на себя, и при наступленіи сроковъ каждый изъ нихъ можетъ получить слѣдующее ему изъ сварковской экономической конторы, хотя бы сборъ для сей потребности съ прихожанъ, производимый не иначе, какъ добровольными даяніями, и не составлялъ опредѣленной суммы. Сверхъ того дьячку остается право получать за чтеніе псалтыря надъ покойниками, а пономарю за позовонье. 8) Буде бы, сверхъ чаянія, открылось, что священникъ или кто изъ причта нарушилъ бы сіе условіе, хотя въ самой малой оной части, то мы прихожане имѣемъ право тогда приносить на нарушителя жалобу и просить о перемѣнѣ его другимъ священно-или церковно-служителемъ, который бы на сіе условіе былъ согласенъ. 9) Само собою разумѣется, что за утвержденіемъ мена діакона въ санѣ священника, родитель мой не получаетъ уже съ прихожанъ ни-

какого дохода. 10) За сими ми всѣ обязываемся исполнять въ точности взаимныя другъ ко другу обязанности, предписанныя намъ святою вѣрою, научающею пресвятерей быть кроткими, немздомными, готовыми помогать и утѣшать молитвой и наставленіемъ, а духовныхъ дѣтей ихъ уважать и почитать ихъ, яко своихъ богомольцевъ, и быть признательными за труды и христіанскіе ихъ подвиги. Къ сему условію подписался Черниговской губерніи предводитель дворянства коллежскій ассесоръ Александръ Михайловичъ сынъ Марковичъ. Къ сему условію села Сваркова Свято-Николаевской церкви діаконовъ Николай Трофимовичъ сынъ Муравскій подписался. Къ сему условію Свято-Николаевской церкви стихарный дячекъ Іоаннъ Обуховскій подписался. Пономарь Андрей Гребеняковъ, а за его неграмотнаго, по его пресѣбѣ руку, приложилъ стихарный дячокъ Іоаннъ Обуховскій. Къ сему условію подписался прихожане свято-Николаевской сварковской церкви: выборный козаціи¹⁾ Петръ Обуховскій, козаки — Степанъ Новицкій, Федоръ Кондратенко, Кондратъ Обуховскій, Яковъ Лата, Афанасъ Калениченко, Марко Новицкій, Семенъ Лата, Павелъ Шумовъ, а вмѣсто ихъ неграмотныхъ, по ихъ прошенію, и за себя руку приложилъ козакъ Емельянъ Онопрѣвъ.

Къ сожалѣнію, мы не знаемъ — долго ли соблюдался этотъ договоръ, а что онъ осуществлялся, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: А. М. Марковичъ — и по тогдашнему своему общественному положенію и по личному характеру — могъ написать такой договоръ лишь въ полной увѣренности, что онъ будетъ исполненъ обѣими сторонами.

Интересно, что въ недавнее время Конотопское уѣздное земство задумало было замѣнить — въ цѣломъ своемъ уѣздѣ — плату прихожанъ причту за требы опредѣленными денежными жалованьями.

Любопытная исторія этого неосуществившагося начинанія была такая. Въ земскомъ собраніи 1876 г., гласный П. В. Ціюль († 1888 г.) обратилъ вниманіе собранія на ненормальное положеніе сельскаго духовенства въ отношеніяхъ его къ прихожанамъ, причетъ причты, получая недостаточное отъ казны жалованье, принуждены извлекать средства къ существованію изъ платы за духовныя требы. Священнику, по сану своему, поставленному наставникомъ и руководителемъ прихожанъ, ежечасно приходится исполненіе своихъ обяза-

¹⁾ „Выборный козаціи“ — его вѣрила сельская должность у козаковъ, соответствующая теперешнему сельскому старостѣ.

ностей соединять съ университетскимъ торгомъ и т. д. Выслушавъ заявление Псіола, собраніе тогда же поручило управѣ составить проектъ вознагражденія причтовъ опредѣленнымъ содержаніемъ за требы, которыя затѣмъ выполнялись бы безвозмездно. Управою тогда же былъ составленъ «проектъ правилъ о вознагражденіи духовенства конотонскаго уѣзда изъ земскихъ суммъ за исполненіе обязательныхъ требъ». Проектъ этотъ предполагалось отпечатать и разослать мѣстнымъ священникамъ, земскимъ гласнымъ и друг. лицамъ для замѣчаній. Но для напечатанія его потребовалось разрѣшеніе губернатора, а послѣдній нашелъ нужнымъ рукопись проекта предварительно представить въ м-во внутр. дѣлъ. М-во, въ свою очередь, вошло въ сношеніе по этому вопросу съ св. синодомъ, который потребовалъ заключенія мѣстнаго архіерея, и предварительный проектъ былъ возвращенъ управѣ только въ февралѣ 1879 г. Напечатавъ проектъ, управа разослала его на заключеніе разнымъ лицамъ, а въ томъ числѣ и черниговскому епископу. Проектъ разработанъ былъ довольно подробно и въ этомъ отношеніи не долженъ быть опущенъ будущимъ историкомъ малорусскаго сельскаго прихода. Мы не будемъ приводить подробностей, его содержанія (составляющихъ брошюру въ 17 стр.), а скажемъ лишь, что по проекту приходы были раздѣлены, по количеству прихожанъ, на три разряда, причемъ предполагалось: а) въ приходахъ съ населеніемъ до 1000 душъ, съ однимъ псаломщикомъ, назначать 640 р., священнику—480 р. и псаломщику—160 р.; б) въ приходахъ съ населеніемъ 1000—1500 д., съ однимъ псаломщикомъ, 680 р., священнику—510 р. а псаломщику—170 р.; в) въ приходахъ съ населеніемъ болѣе 1500 д., съ однимъ псаломщикомъ, 720 р., священнику 540 р., и псаломщику 170 р.; г) въ приходѣ съ населеніемъ 1000—1500 д., съ двумя псаломщиками, 850 р., священнику 510 р. и псаломщикамъ 340 р. и д) въ приходахъ съ населеніемъ болѣе 1500 д., съ двумя псаломщиками, 900 р., священнику 540 р. и псаломщикамъ—360 р.

По разсмотрѣніи проекта сихъ правилъ, черниговское губернское присутствіе по улучшенію быта православнаго духовенства полагало, что ихъ осуществленіе можетъ послѣдовать путемъ заключенія договоровъ земства съ причтами, при чемъ для послѣднихъ не возникаетъ никакихъ новыхъ служебныхъ обязанностей по должности, и въ случаѣ нарушенія договора причтами, послѣдніе подвергаются отвѣтственности лишь въ гражданскомъ порядкѣ, какъ за неисполненіе личныхъ договоровъ. Земство съ этимъ взглядомъ не согласилось, полагая, что новое положеніе, создаваемое для духовенства уѣз-

да, можетъ быть обезпечено только въ томъ случаѣ, если одновременно съ установленіемъ права причта на получение денежнаго содержанія изъ земскихъ суммъ, *последуютъ и соответствующія измѣненія въ служебныхъ его обязанностяхъ по требованію*. Словомъ, земство желало, чтобы исполненіе правилъ новаго порядка вознагражденія причтовъ было обезпечено закономъ или постановленіемъ надлежащей власти, находя, что заключеніе отдѣльныхъ съ причтами договоровъ и преслѣдованіе за ихъ неисполненіе гражданскимъ порядкомъ—не дало бы земству возможности достигнуть намѣченную имъ цѣль... По этой причинѣ начинаніе коботонскаго земства и не осуществилось...

13. Козачья служба въ гетманство Разумовскаго.

Воинская исторія малорусскаго козачества до сихъ поръ не написана. Мы знаемъ, что козацкое войско во время гетманщины состояло изъ десяти *городовыхъ* полковъ, набравшихся съ извѣстныхъ мѣстностей, называвшихся поэтому *полками*, и нѣсколькихъ полковъ, конныхъ и пѣхотныхъ, набравшихся изъ охотниковъ, почему эти полки и назывались охотничьими. Знаемъ также, что городовые полки (съ 1735 г.) дѣлились на козаковъ выборныхъ и подпомощниковъ, при снаряженіи которыхъ на дѣйствительную службу, сотники брали большія взятки, увольняя богатыхъ на счетъ бѣдняковъ; но никакихъ точныхъ свѣдѣній о порядкѣ отбыванія службы ни въ военное, ни въ мирное время—въ печатной литературѣ не имѣется. Да и собрать эти свѣдѣнія за время, предшествовавшее попыткѣ кн. Шаховскаго (въ 1735 г.) упорядочить военную организацію козаковъ,—очень трудно, такъ какъ общихъ распоряженій за указанное время, повидимому, дѣлаемо не было и потому въ архивныхъ бумагахъ попадаются лишь отрывочныя упоминанія о военномъ бытѣ козаковъ. Въ 1735 г. тогдашній правитель Малороссіи кн. Шаховской сдѣлалъ было попытку ввести нѣкоторый порядокъ въ военную службу козаковъ, раздѣливъ ихъ на выборныхъ и на подпомощниковъ, съ цѣлію обезпечить матеріальную сторону строеваго козачества; но попытка эта не имѣла ожидавшихся результатовъ, благодаря злоупотребленіямъ старшины, которая съ XVIII в. стала смотрѣть на подначаль-

ныхъ козаковъ, какъ на источникъ доходовъ... Войска сторона зачета приходила въ большій и большій упадокъ. Въ гетманствѣ Разумовскаго служилые малороссійскіе козаки стали употребляться на всякую службу, а въ томъ числѣ и на частную. Въ 1760 г. гетманъ Разумовскій началъ устраивать для себя усадьбу въ Яготинѣ; лубенскій полковникъ Кулабка, которому поручено было главное распорядженіе этимъ устройствомъ, сталъ требовать рабочихъ въ Яготинѣ съ ближайшихъ полковъ. Въ отвѣтъ на одно изъ такихъ требованій, кievскій полкъ послалъ Кулябкѣ печатаемую здѣсь вѣдомость о расходѣ служилыхъ козаковъ, указывающую—какія разнообразныя обязанности долженъ былъ исполнять тогдашній гетманскій козакъ.

«Вѣдомость съ полковой кievской канцеляріи сколько по послѣдней 756 г. ревизіи показано въ полку кievскомъ всѣхъ подпомощниковъ козаковъ и мѣсь того числа сколько куда состоитъ въ откомандированіи». 1762 г., апрѣля 30 дня.

По ревизіи 756 г. показано всѣхъ—3267. Съ того числа въ откомандированіи на межигорскій и сорокошицкій форности—101.—Въ армію при волахъ 759 г. отправленныхъ, за исключеніемъ возвратившихся уже въ дома, —31.—1760 г., въ армію подъ командою полков. старод. Шкорупы, при выборныхъ козакахъ поговщичами—12.—1761 г., при волахъ въ армію отправленныхъ—20.—Къ вновь проектированной на Дону крѣпости наряжено—29.—Въ Ватурнѣ, къ тамошнему національному строенію¹⁾, плотниковъ—22.—На засыку работниковъ, кромѣ приставовъ—870.—Комисарами сотенными на сей годъ—21. Въ Носовки слѣдственной комиссіею отобрано и съ с—ву граф. Наталіи Демьяновнѣ г-жѣ Разумовской въ подданство поручено—21.—При бунч. тов. Ивану Леонтовичу и войск. тов. Степ. Пасенку и Гр. Солонинѣ при мостовомъ строеніи—12.—Къ работѣ нмѣя мостовъ въ тысячное число работниковъ—293, да къ нимъ приставовъ—35.—Въ полковую канцелярію для посылокъ въ дѣлами конныхъ—20.—Въ Козелецкую контору его вис.-рейхсъ графск. с-ва г. ген.-фельдм. и кав. Алексѣя Григоріевича Разумовскаго—12.—Въ полковую щетную комиссію—4.—Къ острогу полковому для береженія колодниковъ—32.—Въ полковую и судовую канцелярію на сторожу и для береженія казни—9.—

¹⁾ См. „Кievск. Стар.“ 1890 г., ноябрь, 338 и слѣд.

Въ 11-ти сотенныхъ канцеляріяхъ на стойкахъ—98.—При комиссарахъ полковыхъ прошлагоднихъ и нинѣшнихъ—8.—Въ Батурганъ къ тамошнему строенію подводъ требуется—50; туда жъ, въ число слѣсарей и прочихъ мастеровыхъ людей отправлено съ козаковъ подпомощниковъ и нинѣ отправляются не мало. Итого въ откомандированіи—1711, а затѣмъ числится на лицѣ—1556.

Общій полковой Александръ Солонина.

14. Къ исторіи малорусскаго духовенства.

Въ библіотекѣ Печерской лавры хранится любопытная рукопись—*«Пункты по указу 1767 года сентября 1 дня изъ свѣтѣйшаго правительствующаго синода къ кафедрѣ митрополіи кievскія о принадлежащихъ спаржіи кievскія духовенству какъ о владѣніи зручностей, такъ и о прочихъ имъ выдодностяхъ сочиненныя. Изъ этого заглавія видно, что «пункты» сочинены для извѣстной «Екатериинской комиссіи», а въ подписи ихъ—кievскимъ митрополитомъ Арсеіемъ, настоятелями кievскихъ монастырей и всѣми лѣвобережными протопопами—видно, что «пункты» заключаютъ въ себѣ desiderata почти всего малорусскаго духовенства. Говоримъ почти, потому что къ этимъ «пунктамъ» въ концѣ рукописи прибавлены еще двѣ записки «о выдодностяхъ духовенства», присланныя къ Печерскому архимандриту тогдашними епископами: переяславскимъ Гервасіемъ и черниговскимъ Кирилломъ. Вся рукопись (in folio 183 двойн. стр.) заключаетъ въ себѣ 62 пункта, при чемъ каждый изъ нихъ состоитъ изъ двухъ частей: указанія на фактическое положеніе того или другого предмета и затѣмъ—изъ просвѣтельнаго заключенія по его поводу. Указавъ, напр., на значеніе кievской академіи въ исторіи образованія¹⁾, въ пунктахъ выражается желаніе*

¹⁾ ...«Непроходить не одинъ почти годъ, котораго бы здѣшней академіи студенты самовольно не отпускаемы были въ медицинскую науку; изъ тѣхъ же студентовъ не малое число находится въ переводческихъ при разныхъ мѣстахъ и въ учительскихъ званіяхъ при классахъ шляхетного корпуса и при московскомъ университетѣ; и нѣкоторые на собственномъ своемъ коштѣ, хотя и съ неопытною бѣдностію соединенною, для продолженія и полученія высшихъ наукъ, радъ нольмъ отечества, отправились въ Германію, о чемъ извѣстна кievской губернскаго канцеляріи по причинѣ данныхъ изъ оной канцеляріи «амюртовъ...» Указъ затѣмъ на скудость вознагражденія учителей, воспитывающихъ это шломесто. «Пункты» добавляютъ, что между тѣмъ на обязанности этихъ же учителей лежитъ и проно-

что бы «въ разсужденіи столь изобильной пользы отъ ученія въ академіи кievской производимаго происходящей и яредь съ влщ-шимъ умноженіемъ происходитъ низющей, преосвященный митрополитъ кievскій проситъ повелѣть опредѣлить на содержаніе той академіи годовую денежную сумму, хотя противъ московской славяно-греко-латинской академіи или сколько заблагоусмотрѣнно будетъ». При этомъ «пункты» добавляють, что «для чувствительнѣйшаго удовольствія народа (преимущественно богомольцевъ) столь горячнѣе усердіемъ къ слушанію слова божія стремящагося и къ непрерывной въ таковыхъ случаяхъ проповѣди евангельской распространенію, весьма нужно и полезно быть въ той академіи, кромѣ учителей, особливѣе даумъ проповѣдникамъ въ достойныхъ людехъ, въ ученіи довольно свидѣтельствующихъ и къ толь великому знанію природныа достаточныа качества имѣющихъ, на особливомъ не скудномъ жалованьи»¹⁾...

За снѣзъ приводить полностью одинъ изъ «пунктовъ», въ которомъ рисуется положеніе приходского священника въ селѣ, гдѣ въ числѣ «господь и владѣльцевъ» жилъ какой-нибудь «панъ сотникъ», «панъ обозный», не говори уже о «вельможныхъ полковникахъ»...

«Правилами святыми узаконенно: быть во свое время литургіи, почему въ согласіе о нихъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти государь императоръ Петръ Великій по докладнымъ пунктамъ святѣйшаго правительствующаго синода указалъ: если кто, кромѣ его величества императорской фамиліи, приказывать будетъ церковному служителю къ церковному служенію благовѣстить не въ урочныя времена или долго, паче обыкновеннаго времени, велеть себя дожидать в таковыхъ въ томъ не слушать; токмо в затѣвѣ высочайшимъ указомъ нѣкоторые господа, а наибаче владѣльцы, въ своихъ владѣніяхъ, или принуждаютъ священниковъ божественную литургію безвременно зачинать и спѣшить, или приказываютъ имъ священникамъ ожидать ихъ съ литургіей, по то время, пока они прикажутъ звонить,

вдлнчество, когда въ академическую церковь „въ правдникъ и воскресные дни для полученія отъ проповѣдуемаго слова Божія душевнствительнаго наставленія стекается съ великою жадностію многочисленнаго народа, а паче весномъ и лѣтнимъ временемъ, когда въ разныхъ странахъ, разнымъ жителямъ, въ великомъ числѣ состояніи, изъ богомолья приходятъ“...

¹⁾ Предложена въ 1767 г. кievскій митрополитомъ мѣра къ утоленію духовной жажды множества тысячъ стекающихся весномъ въ Кіевъ богомольцевъ, поединому, и теперь была бы благовременною... См. „Кіевск. Стар.“ 1895 г., сентябрь, стр. 27.

когда нѣтъ удобное время дня окажется и потому иногда литургія от-
 правлена бываетъ пополудни, въ отиѣву святыхъ отецъ правилъ,
 а чрезъ то народъ, живущій хозяйственными нужды немощи долго
 ожидать, лишается въ тѣ дни слушанія церковнаго служенія, да то
 и священникамъ бываетъ досадою и трудностію и не малю въ до-
 машнихъ строеніяхъ остановкою, а иногда в нужда настоятъ снѣ-
 шить священнику къ больному, для исповѣда и къ исправленію дру-
 гихъ требъ. Ежели-же пхъ владѣльцевъ и прочихъ господъ въ томъ
 священнику не послушать, — негодуетъ и сыскуеть къ отищенію
 причинъ; да и божъ того мірскіе такъ дерзостно поступаютъ, что
 нѣкоторые съ нихъ сами собою церкви заключаютъ своии замками
 и священниковъ недоушаютъ къ священнослуженію, а нѣкоторые
 самижъ собою отъ священниковъ церковніе ключи къ себѣ забирають
 и священниковъ къ церквамъ и священнослуженію въ нихъ недо-
 нускають, и отъ приходоу отрѣшяють и другіе наглости и обиди
 причиняють. Да въ обычай еще вошло, что владѣльцы приходскимъ
 священникамъ своихъ селъ и деревень приказываютъ приходитъ къ
 нимъ по литургіи съ просфороу неогложно. Того ради малороссійское
 енархіи Кіевскія бѣлое священство проситъ запретить мірскимъ вла-
 стямъ и владѣльцамъ отъ священниковъ требовать или ихъ прину-
 ждать, чтобъ они или божественную Литургію и другіе церковныи
 служенія безвременно зачинали и снѣшили или ожидали ихъ съ цер-
 ковнослуженіемъ, пока нѣтъ мірскимъ властямъ и владѣльцамъ угод-
 ное время окажется; ежели-же пхъ священники въ томъ не послу-
 шаютъ, запретить же за то отищеніи нѣтъ дѣлать, и какъ до священ-
 никовъ, такъ и до церквей и до церковныхъ добръ и до доходовъ
 пхъ и до прочаго касается, и священниковъ къ нимъ съ просфо-
 роу приходитъ принуждать, илиначе же самижъ собою церкви заклю-
 чать и церковныи ключи отъ священниковъ отбарать и ихъ до
 церкви не допускать и отъ приходоу отрѣшять и другихъ наглостей
 и обидъ причинять не дерзатъ повелѣтъ, а дерзающимъ противное
 дѣлать, точныи штрафы опредѣлать. (Слуктъ 9-й).

Желательно, что бы вся эта рукопись цѣликомъ была издана,
 при чемъ надателемъ ея всего естественнѣе быть кіевской академіи...